

ГЕННАДИЙ КУМОХИН

СЕМЬ ЖИЗНЕЙ ОДНОГО МЕНЯ

Геннадий Кумохин

Семь жизней одного меня

«Автор»

2025

Кумохин Г. В.

Семь жизней одного меня / Г. В. Кумохин — «Автор», 2025

Это первая публикация моего автобиографического романа «Семь жизней одного меня». Роман насчитывает двенадцать глав. Я готовил его в течение восьми лет, а затем долго правил. Так, только за последний год прибавилось четыре новых главы. Автор является собственником архива фотографий, используемых для обложек книг.

© Кумохин Г. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Отец	5
Короткие рассказы – Детство	23
Коротко и ясно	23
Юность	58
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Геннадий Кумохин

Семь жизней одного меня

Отец

Ощущение непреходящей ценности каждого мгновения человеческой жизни сопровождает меня давно, но впервые оно возникло, лет тридцать назад, когда мы с пятнадцатилетней дочерью сидели теплым вечером на завалинке деревенского дома на хуторе Криничном и слушали рассказы отца.

И я с отчетливой ясностью понял одну, казалось бы, очень простую истину: пройдет еще несколько лет, и уже некому будет вспоминать о службе на Дальнем Востоке в предвоенные годы, потому что не будет ни отца, и, вообще, никого, кто бы мог вспомнить то время.

А затем, я подумал и о себе, что вот так же и я, спустя какое-то время, окажусь в числе тех, кто будет вспоминать прожитое и так же, как мой отец, пересказывать в очередной раз своим близким. А потом не станет и меня, и исчезнет и мой мир вместе со всеми, кого я любил, и кто, быть может, любил и меня.

Теперь о самом материале. По размышлению, понял, что писать о своем раннем детстве в общем-то нечего, а то, что я помнил, так или иначе связано с отцом. Поэтому я решил, что, рассказывая об отце, не буду выделять отдельные главки о себе.

Зато постараюсь как можно тщательнее представить, каким он был, начиная с самого детства.

Этот рассказ отца я записал уже много лет назад, но публикую только сейчас.

Венька

Матерый заяц русак, прихрамывая, бежал вдоль крутого склона, а ему наперерез лихо скользил по глубокому снегу на лыжах маленький охотник. В руках у него старинное ружье – берданка двенадцатого калибра, доставшееся ему в наследство от старшего брата. Свистел ветер в ушах, но охотник почти ничего не видел, кроме приближающейся спинки зверька. Почувствовав, что его догоняют, заяц начал забираться вправо, вниз по склону, но расстояние между ними все сокращалось.

И вот уже считанные метры отделяли добычу от охотника. Мальчик вскинул ружье к плечу. Выстрел!

Сквозь облако сизого дыма, образовавшегося от разрыва пороха, охотник видел, как горстка дробы вскинула фонтанчик снега чуть впереди зверька. Заяц прыгнул в сторону и убежал все дальше и дальше.

Промазал!

Сильная отдача ударила мальчика в плечо. Как подкошенный, Венька кубарем полетел в снег. Остановившись, начал осторожно шевелить ногами. Вроде, целы. Поднял лыжи над головой. Как будто, тоже. Но какое это имеет значение теперь, когда ушла такая добыча!

На лице его таял снег, а, может быть, это были слезы? Мальчик отряхнулся и, став на лыжи, поднялся на горку, где подобрал шапку и ружье. Ствол был забит снегом, и Венька долго выковыривал его сломанной веточкой, а затем старательно протирал специально запасенной промасленной тряпочкой. Наконец берданка снова была приведена в «полную боевую готовность». Так учил его старший брат Алексей.

– Венька, – говорил он, – пуще глаза береги нашу берданку. А она тебя не подведет.

Покончив с уходом за ружьем, Венька закинул берданку на ремне за спину и поднялся наверх, туда, где пробежал заяц. Некоторое время шел параллельно его следам. Несмотря на

юный возраст, мальчик был уже опытным следопытом и легко читал, что происходило на снегу. След левой задней лапы русака был смазан и слегка розовел. Все правильно, значит, это его подранок, за которым он следует с самого утра. Сейчас заяц уже далеко, но Венька знает, что зверек пробежит еще версты три, а потом сядет где-нибудь, вон за теми дальними кустами. Заяц устал, и к тому же он довольно серьёзно ранен. Венька решил, что попробует обойти зайца с подветренной стороны. У него оставался последний патрон, и, чтобы использовать его, нужно приблизиться к русаку до верного выстрела, а не палить без толку. О том, что он сам тоже устал и здорово проголодался, мальчик старался не думать.

Венька живет на хуторе с матерью и ее братом-инвалидом. Для своих тринадцати лет, он, пожалуй, маловат ростом и выглядит щуплым. Волосы у него курчавые, русые. У мальчика тонкие черты лица и по-девичьи нежная кожа. Когда Венька смущается, щеки его заливаются алой краской. Однако чувствуется в нем какая-то внутренняя сила, которая еще не раскрылась, но угадывается в способности мальчика идти целый день на лыжах, ночевать в стогу и питаться мороженой ягодой.

– Бывало и похуже, – смутно вспоминает он голодные годы, когда умерли три его старших брата, а он все-таки дождался матери, ушедшей верст за семьдесят менять самодельные перочинные ножи на продукты. А сейчас он чувствует себя совсем взрослым.

Три года назад единственный старший брат, уезжая в город, подарил ему старую берданку. И с тех пор большую часть года мальчишку днем с огнем дома не сыщешь. Зимой еще так-сяк. А чуть весна – его и дух простыл. Даже мерзлой картошкой – единственным продуктом, остающимся к этому времени дома – его не привлечешь. В поле пробилась нежная салатная травка. Венька сызмальства отлично знает, как найти самую вкусную: щавель, дикий чеснок, лук, хвощ.

Летом старое ружье надолго вешается на крючок – деревенские охотники свято чтут вековые охотничьи законы. Зато летом грибы и ягоды. Венька иногда приходит домой ночью, а ежели и вовсе не придет, за него и не волнуются.

Поле и лес для Веньки – лучшие друзья. Приятелей-одногодков поблизости нет, а в соседнюю деревню лучше не соваться – побьют. Тамошние ребята известные драчуны. Да не только мальчишки. Случалось, и мужики выдергивают колья из плетня и бьются смертным боем деревня на деревню.

А Веньке и одному не скучно. Иногда только возьмет его на уток дядька Михаил. Он инвалид. Вместо одной ноги у него деревянный костыль – с тех пор, как вернулся домой с японской войны. В шалаше на зорьке ему посидеть можно, а по снегу за зайцем – не ходок. Зато вечером за утиной похлебкой Венька внимательно слушает рассказы о повадках зверей и птиц, слушает и жадно вбирает охотничью мудрость.

В тот день пороша закончилась поздно утром. Надежды на то, что найдет хоть чьи-нибудь следы, не было почти никакой. Но, тем не менее, Венька не утерпел и вышел в поле на лыжах. За спиной на ремне висела верная берданка, в кармане три патрона. Свежий след встретился почти сразу. Заячий след ни с чем не спутаешь: цепочка глубоких лунок – два следа на одном уровне, два немного врозь. Пока шел снег, зайчишка под шумок глодал кору яблоней в колхозном саду. Потом убежал в поле и долго петлял, запутывая следы. Сделал скидку, другую и залег на опушке леса. Проснулся он от едва слышного поскрипывания полозьев – рядом шел человек.

Когда в двух шагах от Веньки над кустом беззвучно взлетел здоровенный заяц, мальчик вздрогнул от неожиданности и едва не выстрелил «в лет». Заяц упал в снег и стремглав бросился наутек. Вслед ему прогремел выстрел. Зверек пронзительно закричал, но еще стремительнее запрыгал дальше.

Ушел! Когда дым от выстрела рассеялся, мальчик открыл винтовочный затвор берданки, вынул стреляную гильзу, от которой остро пахло пороховой гарью, и вставил новый патрон. Пройдя еще немного, он заметил обильные капли крови, остающиеся на следах.

– Подранок потеряет много крови и далеко не уйдет. Догоню его еще затемно, – решил мальчик и ходко побежал по хорошо видному следу. Однако, то ли рана оказалась не такой серьезной, как он предполагал, то ли заяц оказался двужилым – Венька все бежал и бежал, а заяц отбегал и снова ложился, но на выстрел не подпустил ни разу. Так кружили они, уходя все дальше и дальше от хутора, пока не начало темнеть. Когда на сером насте снега следы совсем исчезли, Венька начал подумывать о ночлеге.

Ночь обещала быть ясной и морозной – в темной вышине холодно мерцали звезды, и полная луна, поднявшаяся высоко над лесом, была окружена серебряным нимбом. Где-то неподалеку было село. Идя по следу, Венька заметил за пригорком какие-то строения. Скоро показались слабые желтые огоньки в окнах домов, и, пройдя еще немного, он вышел на задний двор крайней избы. Залаяли собаки, одна, другая – отчаянно, зло, но подходить близко боялись – прижимались поближе к сениям.

Наконец скрипнула дверь, и на порог вышел хозяин – бородатый мужик с керосиновой лампой в руке.

– Кто там? – спросил он настороженно и поднял лампу над головой.

– Дяденька, пустите переночевать, охотник я, заплутал малость, – жалобно попросил Венька.

– Цыц, вы, – прикрикнул мужик на собак.

– Да подойди поближе, один ты, что ль? – обратился он к Веньке.

– Один.

В избе был полумрак. Хозяин прикрутил фитиль, и желтый огонек едва пробивался сквозь закопченное треснувшее стекло лампы. Венька обтер лыжи в сениях, поставил ружье к стене, скинул братнин кожаный и шапку и смиренно присел на краю лавки, поближе к огню. От русской печи, занимавшей верные полкомнаты, шел блаженный жар.

– Иззябся, небось, – сказала хозяйка, – есть будешь?

Венька сел к столу и, стараясь не показывать, что голоден, принялся очищать вареную картошку в мундире. Клубни были теплые, только что из чугуна. Посыпанные солью они были несказанно вкусны и буквально таяли во рту.

– Ты чей? – спросил хозяин.

– Кумохин я, с хутора.

– А-а!

Мальчик поблагодарил хозяев, взобрался на указанные хозяйкой полаты и мгновенно уснул. Проснулся Венька затемно. Все еще спали. Был слышен только храп хозяев и тихое мычание коровы в сениях. Мальчик тихонько спустился с полатей. В сениях надел кожаный, взял ружье и лыжи и вышел во двор.

Утро было ясное. Пока Венька прикручивал веревкой лыжи к валенкам, начало светать. Впереди была еще погоня за подранком и долгое возвращение домой. Но в своей победе Венька ни на мгновение не сомневался.

Мой будущий отец проходил срочную службу в пограничных войсках на Дальнем Востоке. Помню, тогда в Криничном, он рассказывал о красотах Уссурийской тайги, которую он, как охотник, мог оценить лучше, чем кто-либо другой. Отслужив положенный срок, он возвращался домой. В пути их эшелон задержали и объявили, что началась война. Перед строем выступил пограничный начальник и предложил желающим пройти ускоренные курсы по подготовке офицеров.

Отец был в числе согласившихся. Учебу он проходил в Алма-Атинском погранучилище. Через полгода ему присвоили звание младшего лейтенанта и назначили командовать взводом снайперов на Калининском фронте.

После войны отец узнал, что из его сослуживцев, попавших на фронт летом 41-го года, в живых не осталось никого. Но и живым приходилось не сладко. Помню, когда мы ходили с ним в баню в Мукачево, я как-то обратил внимание на его расчесанные в кровь ноги выше ступней.

– Это моя памятка о фронте, – пояснил отец, – мы всю зиму просидели на передовой в окопе по колено в воде. Местность там была болотистая, и вода просачивалась даже в самый сильный мороз.

Вообще, он не любил рассказывать о войне. Пограничники были на передовой только во время нашего отступления и обороны. Когда Армия перешла в наступление, погранвойска пошли в арьергарде, очищая тыл от предателей и бандитов. Особенно жестокими, по его словам, были украинские националисты – бандеровцы.

После окончания войны и в период оккупации нашими войсками части Германии, отец некоторое время был комендантом небольшого городка. Однажды к нему пришел местный коммерсант и попросил продать ему цистерну спирта, которая стояла поблизости на путях.

– Херр коммерсант, – ответил ему отец, – Вы предлагаете мне деньги, но не представляете, что я могу делать с ними в нашей стране. Поэтому я могу предложить вам этого спирта ровно столько, сколько вы сами сейчас можете выпить.

Помню, как однажды под настроение он спел мне песенку из того времени:

Комм, паненка шляфен,
Морген будет брод.
Нечего бояться –
Сделаем аборт.

Мои будущие родители познакомились в голодном 1947 году в западно-украинском городке Каменец-Подольский, куда война забросила театр, в котором работала мама, и где отец, боевой офицер, проходил курсы переподготовки пограничников.

За две недели до выпуска офицеров начали обучать танцам.

Партнершей отца оказалось хрупкая от постоянного недоедания, неунывающая танцовщица, которая содержала на свою зарплату родителей и больного сына.

Через десять дней после знакомства отец сделал моей будущей маме предложение.

Он уже знал о назначении начальником заставы на сухопутной советско-турецкой границе.

– Никаких богатств я тебе не обещаю, но еды будет вдоволь, – сказал отец, который всегда говорил только правду.

Не стал он и скрывать, что на родине, в Павлово-на-Оке у него осталась неразведенная жена, жить с которой он не собирался, и, как потом выяснилось, с маленькой дочерью. Он расписался с ней сгоряча, после короткой побывки домой, в хмелю застолий не разглядев, какой стала после многих лет разлуки девушка, которая когда-то, еще задолго до войны, ему нравилась.

Застава отца находилась в Марадиди, и я, разумеется, ее совершенно не помню.

Российские пограничники размещались в этом районе вплоть до 2008 года. По некоторым сведениям, Саакашвили уступил часть спорной территории близ села Кирнати, которое зарегистрировано как место моего рождения, Турции.

Отец рассказывал, что в горах неподалеку от заставы водилось множество диких кабанов, мясо которых приятно разнообразило небогатый рацион пограничников.

Встречались также и медведи. Во всяком случае, я помню себя играющим на шкуре добытого отцом косолапого.

Зимой выпавший снег укрывал заставу многометровым слоем, так что для того, чтобы попасть из казармы в столовую, солдаты копали тоннели.

Насчет питания отец оказался прав. Ягоды в горах произрастали в изобилии, и скоро в крепкой горбоносой молодежи, собирающей на склоне дикий виноград или спускающейся на лошади в расположенный совсем неподалеку Батуми, было не узнать прежнюю изможденную танцовщицу.

Рождение сына мои родители встретили с радостью. Мама – потому что боялась, что и второй ее сын окажется безнадежно больным, а отец от души был горд своим первенцем. Встречая из роддома любимую жену, он подарил ей ... петуха, а затем поднял меня голенького над головой, и я щедро окропил его рыжие «буденовские» усы и белый парадный китель.

Этот случай отец будет помнить до конца своих дней. И в последние мгновения жизни, когда у него уже началось недержание, он еще пробовал шутить, и, думая, что перед ним я, а не внук, сын моей сестры Сергей, произнес понятную только нам двоим фразу:

– Вот сейчас мы с тобой квиты.

Как-то раз в Марадиди в отсутствие отца маме позвонили из комендатуры.

– Вы только не волнуйтесь, – сказали ей, – но Вашего мужа задавила машина. Кажется, насмерть.

На самом деле отец отделался сравнительно легко: переломом ключицы и недель в госпитале

А дело было так. Врач, а, может быть, даже главврач больницы в Тбилиси, грузинка, только что купила себе легковую машину и поехала прокатиться по городу. На пути у нее оказался отец, с которым они были даже шапочно знакомы. Потом отец рассказывал:

– Я влево, и она влево, я вправо, и она вправо.

Машина сбила его и протащила за собой еще метров десять. Впрочем, для всех эта история закончилась благополучно. Особенно для меня. В два года я заболел дизентерией, лежал в больнице и был уже совсем плох. Отец, который сдавал для меня кровь, говорил, что я уже не мог громко говорить и только шептал.

Меня спасла та же врач, которая недавно чуть не угробила отца. Она достала пенициллин, первый антибиотик, который был тогда большой редкостью.

Совсем маленьким я настолько привык видеть вокруг только военных, что, по словам мамы, говорил, глядя на человека в форме:

– Это дядя.

А на человека в штатском:

– Это не дядя.

Как и все дети, я временами вел себя неважно. Однажды я совсем вывел маму из себя и в ответ она замахнулась на меня.

– Ну вот. Родила меня, воспитала меня, а теперь бьешь! – выдал ей кроха.

Больше меня не трогали.

Отец начал брать меня с собой на охоту, наверное, лет с трех.

Тогда он был начальником пограничной заставы в Шекветили. У нас была собака Альма, породы сеттер-гордон. Так что мы ходили на утиную и перепелиную охоту втроем. Охота началась в холодное время года, когда перелетные птицы прилетали на зимовку сюда – в зону субтропиков. Снег я видел только далеко в горах, а здесь зима состояла в том, что море штормило, и шли проливные дожди.

Где-то у сестры осталась фотография, на которой я прогуливаюсь по заставе между пальмами. Я помню, как мы бродили по песчаному берегу моря. Чуть дальше была старица – узкая полоска пресной воды, на которую предпочитали садиться утки.

Рядом с заставой находился поселок староверов-молокан. Среди семейных преданий сохранился такой эпизод: после неудачной охоты отец зашел к своему другу завмагу, и тот посетовал, что вынужден списать целый ящик шампанского. Дело в том, что староверы пили только чачу, виноградную самогонку, и шампанское совсем не пользовалось у них спросом. Друзья решили, что добру не стоит пропадать, лучше его выпить. Заодно дали попробовать мне и собаке Альме. Мама рассказывала, что, придя домой, мы блевали все втроем.

Отец, как начальник заставы, отвечал не только за участок черноморского побережья, но и за работу рыбацкой артели староверов. Поэтому рыбы у нас было предостаточно. Мама вспоминала, как будучи беременной моей будущей сестрой, она зашла в копильню, где висели на крюках туши белуг. Она едва не упала в обморок, увидев фосфоресцирующие хребты огромных рыб.

Другой случай я уже хорошо помню. К тому времени мама родила дочку, мою сестру, младше меня на три с половиной года. С этой поры я был в основном предоставлен самому себе. После этого со мной начали случаться всякие неприятности. То меня собака кусала прямо за лицо, то корова комолая бодала в щеку. До сих пор помню, как было больно и обидно. Я плакал и грозился пристрелить ее из ракетницы.

Однажды отец уехал на машине в комендатуру в Кобулет, а я решил пойти его встречать. На моем пути оказалась горная речка Натанеби, с канатным подвесным мостом шириной в две доски и поручнями на уровне груди взрослого человека. Когда мост стал раскачиваться, я продолжил свой путь на четвереньках. На той стороне реки меня ждал замирающий от страха отец, который, чтобы не испугать меня, не сказал ни слова до тех пор, пока я не дополз до конца моста.

Отец рассказывал, что его избирали депутатом районного совета. Где это было, он не уточнял. Однако эта работа ему не понравилась. На мой вопрос, почему? Он ответил коротко:

– Приходилось слишком со многими выпивать.

Насколько я помню по детским воспоминаниям, у родителей были прекрасные отношения с местными, будь то грузины, абхазцы или аджарцы. Маму, так вообще, из-за ее внешности они все принимали за свою.

Когда мы жили в Шекветили, на шкафу у нас часто стоял тазик с мандаринами.

О быте местных мужчин отец рассказывал так. В саду работает только женщина. Когда созревают мандарины, мужчина нанимает самолет, грузит цитрусовые и летит в Москву. Возвращается с чемоданом денег и опять целый год не работает.

Напомню, за окном только начинались пятидесятые.

Официально считалось, что у отца семилетнее образование, но на самом деле не было и его, поэтому надежд на получение звания майора и должности выше начальника заставы практически не было.

Отцу все не служилось на одном месте, и мы поменяли еще два места его службы, прежде чем обстоятельства позволили ему демобилизоваться.

Я не знаю, по какой причине отец решил уехать из Шекветили. Казалось бы, все там было хорошо: и быт налажен, и служба в порядке. Когда уезжали с заставы, все плакали. Особенно тяжело отцу было расставаться с любимой собакой. Альма была ему настоящим другом. Свою последнюю в жизни собаку он также назовет Альмой.

После заставы в Шекветили была служба в Чарнали. Здесь он уже не был начальником заставы, а, кажется, командиром роты. В этом месте отец прослужил очень недолго. Погиб его солдат. Пошел в самоволку и пропал, как оказалось – утонул. На фотографиях в интернете в Чарнали показаны одни горы, а мне почему-то запомнилась равнинная местность. Мы с ребятами уходили довольно далеко за родниковой водой и не один раз купались в крохотной речушке, в которой даже в самом глубоком месте было «воробью по колено». Как мог умуд-

риться утонуть здесь взрослый здоровый человек, совершенно не понятно. Но факт оставался фактом.

В армии за все должен отвечать командир. Какое наказание понес отец, я не знаю, но только он скоро был переведен в морские пограничники, и мы переехали в Очамчиру.

Это было последнее место службы отца. Этот городок запомнился мне тем, что сначала мы жили на так называемом «карельском перешейке» – узкой песчаной косе, в углу фанерного домика, который во время шторма продувался насквозь.

Не помню, сколько времени мы там провели, но знаю, что за это время я успел дважды проболеть воспалением легких, и с тех пор у меня на левом легком «затемнение». Затем мы получили жилье в двух или трехэтажном доме, который стоял на самом краю обрыва. С каждым штормом обрыв приближался к нам на несколько метров. Чем все это закончится, я узнать не успел.

Отец уехал куда-то довольно надолго, а затем вернулся как-то ночью в непривычном штатском костюме.

Он протянул мне мокрый, грязный и очень холодный комок и сказал:

– Геночка, это снег.

Позже он говорил, что воспользовался приказом о сокращении в армии и вовремя подал рапорт об увольнении.

Так закончилась наша жизнь в Грузии.

В тридцать шесть лет отец вышел в отставку и получил пенсию, совсем не плохую по тем временам, из-за того, что его воинский стаж приходился на годы войны и службы на границе. Одна незадача: ему не позволялось получать на работе больше определенного, кстати, совсем не высокого предела.

Поскольку на родину отца ехать было нельзя, решено было отправиться к родителям мамы, которые вслед за старшей своей дочерью перебрались жить в Закарпатье.

Несмотря на то, что отцу, как демобилизованному офицеру, полагались преимущества в получении жилья, нам пришлось еще довольно долго мыкаться по частному сектору, прежде чем мы получили в Мукачево довольно приличную квартиру в одноэтажном доме по улице Севастопольской.

Отцу приспособиться к жизни на «гражданке» оказалось очень непросто. Вернее, дело было даже не в самой гражданской работе, а в той специфической атмосфере погони за прибылью, которую отец считал наследием капиталистического прошлого. Ведь советской власти было в этих местах меньше десятка лет.

Он последовательно работал ревизором, водителем автобуса, водителем грузового такси, и, наконец, водителем такси легкового. Но везде, он так или иначе имел дело с дополнительным, «левым» заработком, а от него отца мутило, и угрызения совести не давали спокойно спать.

Ему казалось, что это только на Западной Украине такие порядки, а в России, и даже на востоке Украины люди живут по-другому, и поэтому он постоянно хотел из Закарпатья уехать.

Была и другая, этническая часть этой проблемы. Отец, возможно, острее других чувствовал плохо скрываемую, а зачастую, и демонстративно подчеркнутую, неприязнь не только к русским, «москалям», но даже и к украинцам «восточникам», то есть, приехавшим с востока Украины. Он всю войну прошел в погранвойсках, поэтому не понаслышке знал, кто такие бандеровцы, которые действовали, можно сказать, совсем рядом с Закарпатьем.

Этот рассказ об отце я написал совсем недавно, и мне кажется, что так его мысли и чувства, которые до сих пор живут во мне, можно передать более выпукло и точно.

Отец, Жаботинский и Смуженица

Если кабинет заместителя директора городского автобусного парка Ицхака Абрамовича Жаботинского часто и раньше бывал задымлен по причине пристрастия его многолетнего хозяина к крепкому табаку, то сейчас он просто утопал в сизом дыму.

Ицхак Абрамович, по совместительству также парторг автопарка, напряженно думал. У него на столе лежало личное дело члена партии с 1942 года, капитана в отставке Кумохина Вениамина Федоровича, моего отца. В графе образование значилось – 7 классов, а в графе специальность и вовсе стоял прочерк. Отец сидел на стуле как раз напротив своего будущего начальника, но видел того как бы сквозь густой туман.

Вениамин Федорович и сам никогда не отличался богатырской статью, но против Ицхака Абрамовича он выглядел просто молодцом.

Жаботинский к тому времени, пожалуй, разменял полтинник. Он был худ и сутул, а беспрестанное покашливание явно свидетельствовало о серьезной проблеме со здоровьем.

Однако энергии у заместителя директора явно было хоть отбавляй. Затушив одну папиросу, он давил ее в массивной фарфоровой пепельнице, стоящей у него на столе, тут же доставал из пачки другую и яростно ее раскуривал.

Наконец, он, кажется, принял решение.

– Вениамин Федорович, – обратился он к отцу неожиданно густым и громким голосом, – Вы надолго к нам?

– Я надеюсь, – коротко ответил тот почти по-военному, – Мукачево станет местом постоянного жительства для моей семьи. Других вариантов я не рассматривал.

– Ну, что же, – удовлетворенно кивнул парторг, – тогда мы с Вами сработаемся.

Он привстал со стула и, протянув руку через стол, сказал:

– Будем знакомы, меня зовут Ицхак Абрамович.

Улыбнулся и добавил после короткой паузы:

– Ну, рассказывайте.

Вениамин Федорович пожал протянутую ему мягкую, как будто бесконечную белую ладонь и удивился тому, как он до сих пор не заметил, какой добрый и отзывчивый человек товарищ Жаботинский.

– А что рассказывать? – не понял он, но тоже улыбнулся.

– Все рассказывайте. Как живете, есть ли квартира? Ведь мы можем... – Жаботинский покрутил головой, посмотрел на собеседника по – сорочьи, боком, – да, к сожалению, у нас нет квартирных фондов, но мы можем ходатайствовать перед райисполкомом.

– Спасибо, – ответил Вениамин Федорович, – это было бы очень кстати. Мы стоим на очереди, но она продвигается очень медленно.

– Вот и прекрасно! – воскликнул Жаботинский, – после нашего разговора зайдите в канцелярию и Вам оформят соответствующий документ. Я сейчас распоряжусь.

– А как жена, дети? – продолжал он расспросы.

– Трехлетняя дочь у нас слабенькая, часто болеет, поэтому мы не можем определить ее в садик, да, говорят, и мест там сейчас нет.

– Ну, место в садике мы для Вас отыщем, и жене работу у нас найдем. У меня как раз одного кассира на автовокзале не хватает, – все так же с энтузиазмом подхватил Ицхак Абрамович, – а еще дети есть?

– Сынишке старшему шестой годик. Через год в школу пойдет.

– И где он у вас?

– На улице болтается. Где ему еще быть?

– Дорогой Вы мой! У нас в селе Плоском прекрасный ведомственный пионерлагерь. Горный воздух, рядом минеральный источник – что еще ребенку для здоровья надо? Сейчас как раз формируется первая смена.

– Ну, что, договорились? – проговорил он почти без паузы, – тогда завтра-послезавтра можно выходить на работу.

– Ицхак Абрамович, – озадаченно проговорил отец, – но Вы так и не сказали, какая у меня будет работа.

– Разве? – притворно удивился Жаботинский, – я могу назначить Вас на должность ревизора на автобусной линии.

Он помолчал, ожидая ответной реакции своего собеседника, затем несколько торопливо добавил:

– На первых порах. К сожалению, я не могу предложить начальственной должности.

– Вы знаете, Ицхак Абрамович, работа ревизором меня вполне устраивает. А командной должности я не ищу. В армии: на войне и на погранзаставах я на всю свою жизнь накомандовался.

– Вот и прекрасно. Я сам много лет работал на северах. (Он, видимо, по – привычке, сделал ударение на последнем слове). Но когда понадобилось помочь наладить здесь нормальную жизнь, без лишних слов собрал всех своих домочадцев и переехал сюда, на западные границы страны.

– Ведь вы подумайте, – продолжал он, все более и более возбуждаясь, – сколько лет мы живем при Советской власти и то не научились как следует беречь общенародную собственность. А здесь? Новой власти всего-то десять лет. И что? Ведь попробуй им втолкуй, что давать взятки – плохо и что необилеченный проезд – это тоже взятка.

– А некоторые кондукторы этим пользуются. Трудный народ, – задумчиво сказал Ицхак Абрамович.

– Да, я Вас понимаю, – подхватил, как-то даже обрадовавшись, Вениамин Федорович, – у меня самого родственники такие

– Вот, видите, – укоризненно сказал Жаботинский, – и со всем этим нам с вами предстоит вести решительную борьбу. Да, именно борьбу! Не скрою, Вам предстоит работа сложная не только физически, ведь придется много ездить, но и морально. Я вам сейчас расскажу о некоторых ее особенностях

Но не прошло и десяти минут, как в кабинет нетерпеливо постучали.

– Да-да, войдите, – сказал Жаботинский.

Дверь отворилась настежь, потому что иначе в нее не мог войти этот богатырского телосложения парень. Он был высок, и, может быть, даже несколько полноват, но двигался так легко и свободно, словно весил не далеко за сто килограммов, а по крайней мере вдвое меньше.

– Ицхак Абрамович, можно до Вас? – спросил парень и широко улыбнулся.

– А, Иван, – приветливо ответил Жаботинский, – заходи.

– Вот, Вениамин Федорович, знакомьтесь. Иван Смуженица, наш активист и кандидат в члены партии, – представил вошедшего парторг и сказал уже напоследок:

– Если будут какие вопросы, заходите, не стесняясь, в любое время.

А через пару дней, погожим утром в самом начале лета, отец стоял уже далеко от города на обочине шоссе, обрамленного яркой зеленью черешен. По случаю раннего утра сторожа видно не было, и Вениамин Федорович задумчиво отправил в рот несколько спеющих ягод со свесившихся совсем низко веток.

Хорошо она начиналась, эта новая жизнь. И разве можно было не радоваться, когда так ласково светило солнышко, и шелковисто блестели под его лучами, и переливались молодые овсы по обе стороны дороги. И погудывал в проводах теплый ветер, и ласково ворковали горлинки, сидевшие на их серебряных нитях. И звенел в небесной вышине жаворонок.

Однако не было в природе той решительности, которая через край переполняла Вениамина Федоровича и даже почему-то немного смущала его.

– Вот человек, – тепло думал он о Жаботинском, – верно сказал: нужно приучить их жить при Советской власти. О том, что к числу этих людей относятся и его родственники со стороны жены, и сама она, ласковая и милая Лариса – именно это обстоятельство смущало и беспокоило его больше всего.

Они переехали в небольшой городок на западе страны, говорящий на пяти языках, где вот уже несколько лет жили родители жены, которые, в свою очередь, перебрались сюда вслед за старшей дочерью. Здесь строили просторные частные дома на высоких фундаментах и огораживали их каменными заборами. Из промышленности в городке были только маломощные пивзавод, табачная и лыжная фабрики. Поэтому превыше всего ценились должности кондуктора и продавца газированной воды. А хвалить что-нибудь отечественное: одежду, там, или обувь, считалось дурным тоном.

Таков был этот город. По крайней мере, в то время, когда приехал сюда Вениамин Федорович; и та часть жителей, с которыми он был знаком до сих пор: дражайшие родственники и их немногочисленные приятели.

– Умеет человек жить! – с завистью говорили о тех, кто имел свой дом, квартиру, мебель, непременно заграничную, и дорогие импортные вещи.

Все это было у зятя – мужа старшей сестры Ларисы, Николая. А у Вениамина Федоровича – «ни кола, ни двора», военная пенсия была маленькой, и он в высшей степени «не умел жить», вызывая к себе жалость и даже презрение.

И вот, чтобы быстрее его обучить, Вениамина Федоровича сердобольные родственники «устроили» на железную дорогу проводником в заграничье. На должность, которая являлась для многих предметом острой зависти. В свое время попасть на эти рейсы зятю стоило большого труда, а Вениамину Федоровичу с его анкетными данными – очень легко.

Напарник Вениамину Федоровичу попался на редкость жуликоватый, который все норовил скрытно провезти через границу какие-то отрезки, кофточки и обувь, а Вениамин Федорович, не подозревая, что в этом-то и состояло «умение жить», чувствовал себя скверно, гадко и не раз ругался с напарником по этому поводу. В конце концов, не заработав ни денег, ни почта, он ушел с железной дороги и переключился на автомобильный транспорт.

К тому времени отношения Вениамина Федоровича с родственниками жены застыли на уровне откровенного недружелюбия. Они презирали его за простоватую честность, а он платил им тем же за ханжество. Бедная Лариса оказалась между двух огней. С одной стороны, обладая практическим складом ума, она не могла не видеть, что ее муж часто беспомощен в житейских делах, и была солидарна с родителями в этом отношении. А с другой стороны, каким-то высшим чувством она ощущала правоту мужа. Потому что не здравый смысл, а нечто более высокое в нас – совесть – отличает ложь, какой бы удобной она ни была, от правды и добра.

Новый, сверкающий стеклами и голубой эмалевой краской, непривычно большой автобус сытой рыбиной вывернулся из-за поворота. Вениамин Федорович скоренько выплюнул косточку черешни и, торопливо вытаскивая из планшета похожий на ракетку для настольного тенниса жезл, полез через заросший травой кювет. Водитель, молодой парень с полным добродушным лицом, видимо не ожидал увидеть здесь такого «пассажира», сделал испуганные глаза и затормозил.

– Не очень-то они здесь нас любят, – подумал Вениамин Федорович, но даже не удивился.

Он вошел в автобус через открытую дверь и застал кондуктора, молодую женщину с таким же лицом, какое только что было у водителя. Делая вид, что ничего не заметил, Вениамин Федорович представился, попросил у кондуктора путевку, списал номера и серии бобин всех билетов и начал обход пассажиров. Как он и предполагал, некоторые билеты были не из тех серий, которые значились в путевке, то есть неучтенными. Это был тот самый случай, о котором предупреждал накануне Жаботинский. Вениамин Федорович вежливо просил у ничего не подозревающих пассажиров их «левый» билетик, и таких неучтенных набралось не меньше

десятка. Затем он предложил кондуктору сесть рядом с ним на свободные места в хвосте салона. Она, видимо, поняла, что ее ждет и сидела красная, готовая вот-вот расплакаться. Вениамин Федорович терпеть не мог женских слез и, чтобы немного разрядить обстановку, спросил, как ее зовут.

– Галина, Галина Смуженица, – был ответ.

– А Иван Смуженица ваш родственник?

– Он мой муж, – ответила женщина и все-таки разрыдалась.

– Значит, так, – сказал отец, который успел принять решение за это короткое время, – возьмите эти билеты и вместо них раздайте пассажирам другие, отмеченные в путевке. Я надеюсь, что больше по такому поводу нам с Вами разговаривать больше не придется. Вы меня хорошо поняли?

Еще не веря своему везению, Галина облегченно вздохнула и принялась обилечивать пассажиров, а Вениамин Федорович махнул водителю, что бы тот остановил автобус и вышел через задние двери.

Вечером, в конце рабочего дня Вениамин Федорович собрался уже идти домой, когда от группы шоферов отделился самый молодой видный парень, которого он встретил в кабинете Жаботинского.

– Вениамин Федорович, – сказал он, немного смущаясь, и постоянно переходя с русского на местное наречие, отчего у него вместо «Федорович» получалось «Хведорович», – мы тут з хлопцями надумали в генделык зайти на часок. Чи не составите нам компанию?

– Да, вроде, неловко как-то, и не знаком я ни с кем...

– Как же ни с кем? Мене знаете? А вси инши теж наши хлопци. Разом и познаймимось.

Часа через два они сидели рядом в большой компании, сдвинув два стола, в шумном прокуренном помещении закусочной и разговаривали как давние приятели.

– Ну так, вот, Вениамин Федорович, ты русский, а я русин.

– Это как? – не понял его собеседник, который порядочно уже захмелел, – гуцул, что ли? А ты здорово пьешь, Иван. Сколько взяли, а у тебя ни в одном глазу.

– Так я ж вон який великий. Мени багато и треба. Так нет, Вениамин Федорович, есть русские, украинцы, а есть русины. Мы и есть русины. А ты молодец, Вениамин Федорович, що не написав бумагу на мою Галку. Вона нічого жінка, хіба трошки жадная. Я узнав, що ревизор на лінії. Кажу – будь обережна. Так ні. Дякую, тобі, добрий чоловік.

– А как же ты узнал? – удивился Вениамин Федорович.

– Так я ж и кажу – свои хлопцы кругом. Ви на автобуси из городу ихали?

– Ну и что?

– Так той же водий тим, хто ихав назустріч, и подавав знак. А що? У нас взаимовыручка.

– Зачем же ты Галину в жены взял, если она такая жадная?

– А що робити? Краще хоч один в симби жадный буде, а коли обидва – зовсим бида.

Немного отлегло у Вениамина Федоровича от сердца, хотя чувствовал он, что по возвращению домой ему еще предстоит неприятный разговор с женой, которая очень не любила, когда муж приходил домой не вовремя, да еще сильно «навеселе».

Но все-таки была эта работа ему сильно не по душе. Хорошим быть с кондукторами совесть не позволит – воруют, а составить акт – жалко, люди ведь тоже.

– Нужно будет устроиться на курсы и получить специальность водителя, – твердо решил он.

Так, или почти так происходили те события, о которых я поначалу даже и не догадывался по причине своих малых лет. А вот другие сведения вполне достоверны. Я много раз слышал пересуды родителей о Смуженице, не представляя толком, какую роль он сыграл в жизни отца. Что же касается Жаботинского, то о нем, вообще, никогда не было связных разговоров. Одни

отрывочные воспоминания отца. Видимо, потому, что в скором времени вопрос об Израиле перерос в дело сугубо политическое.

Между тем, первым ушел Смуженица.

Этот здоровяк и красавец просто не придавал значения тому, что у него в течение какого-то времени болел низ живота справа. Когда боль стала почти невыносимой, пришлось все-таки обратиться к врачу. Его срочно положили в больницу. На операционном столе выяснилось, что у него развился инфекционный перитонит, как осложнение аппендицита. Когда его решились оперировать, болезнь была на последней стадии. Из больницы Смуженица уже не вышел. Эта неожиданная смерть поразила всех, кто его знал. Особенно переживал отец. Ведь одно дело – терять друзей на фронте, а другое дело в мирной жизни, да еще так нелепо.

Вслед за ним ушел и Жаботинский.

Правда, об этом в автопарке Мукачево узнали только спустя довольно продолжительное время. Это было связано с тем, что Жаботинский вместе со своими многочисленными домочадцами отбыли в недавно созданное государство Израиль. Так сказать, вернулись на свою историческую родину. Свое восхождение, или «алию», они совершили не в массовом, а в индивидуальном порядке. Судя по всему, непоколебимый борец с пережитками прошлого, планировал продолжать свою деятельность и на родине своих предков. Однако и там у него что-то не срослось, и вместо уютного кабинета Жаботинский отправился работать в шахту. Скорее всего, не по собственной воле. А это, учитывая его слабые легкие, оказалось равносильно смертному приговору. Что, собственно говоря вскоре и произошло.

Вениамин Федорович, мой отец.

Он так и не смог смириться с жизнью в Закарпатье и постоянно рвался на восток. Наконец, ему удалось уговорить маму, и мы переехали в маленький городок на Днепре, где он прожил вторую половину своей долгой жизни. Здесь отец пережил и распад СССР, и становление «самостийной», но, слава богу, он, все-таки, уже не застал Майдан и торжество «бандеровского» государства.

Жизнь показала, что тысячу раз прав был отец, когда так стремился уехать из Закарпатья. Только переехали мы, оказывается, все-таки не так далеко на восток, как, возможно, следовало.

Сейчас я оказался отрезанным от своих родственников не только рамками границы, которая с годами становилась все менее проходимой, но и реальными боевыми действиями и уже лет десять не имею о них никаких сведений.

Отец несколько раз уезжал на стройки, в основном на Днепре, которые разворачивались в те годы. Так, до поездки на Кременчугскую ГЭС он был на строительстве Каховки, но все его попытки до поры наталкивались на сопротивление мамы.

Довольно часто в те годы, особенно после получки, отец приходил домой сильно выпившим. Мама не любила это его состояние, поэтому отец без лишних разговоров норовил побыстрее отправиться спать.

Но все эти проблемы отступали, когда отец оказывался на природе. Только здесь он чувствовал себя по-настоящему свободным. Как правило, на все вылазки он брал меня с собой.

В первые годы приоритет отдавался охоте. Мы ходили с ним поздней осенью и зимой за зайцами. Сначала довольно результативно. Отец метко стрелял из своей неразлучной «ижевки» шестнадцатого калибра, и мы редко приходили без трофеев.

Нечего и говорить, что я с детства привык гордиться своим отцом. В одном из первых стихотворений, которое я придумал в то время, когда еще не знал, что существует такое понятие, как рифма, были такие строчки:

Он был начальником заставы,
И командиром роты был.

Он от Москвы с боями,
Шел прямо на Берлин.

Если не считать некоторых неточностей, смысл его отражал действительность достаточно верно.

Одно время отец работал на грузовом такси. Это был грузовик с кузовом, обтянутым брезентом, который заезжал в самые дальние, расположенные в горах села, куда не добирался ни один автобус. Зимой в Карпатах это было небезопасное занятие. Это внизу, на равнине, снега выпадало мало, и он, пролежав всего несколько дней, как правило, успешно таял. А в горах, особенно на перевале, он лежал гораздо дольше, и морозы там случались серьезные. Иногда отцу приходилось по несколько часов мерзнуть в неисправной машине в такой глуши, где надеяться встретить проезжающую машину было совершенно бесполезно.

Я помню, как мы сидели с мамой на кухне в ожидании отца и слушали, как завывал холодный ветер в печной трубе. Мне казалось, что на много километров вокруг нас нет никого из людей. Только ветер и снег, да где-то в горах едет на своей «ласточке» отец, с трудом пробираясь домой через наметенные сугробы.

Под впечатлением ощущения хрупкости нашего бытия я впоследствии написал стихотворение «Хуторок».

Однажды, уже не в первый раз перечитывая с целью редактирования мой клип, Иринка сказала с некоторым сомнением:

– Знаешь, твой «Хуторок» уж больно мне что-то напоминает, наверное, из Некрасова.

Стали искать по интернету. Но ни у Некрасова, ни у Кольцова похожего стихотворения не было. Не отыскалась и подобная фабула: ожидали живого отца, а принесли гроб.

Поэтому, мы с женой решили, что просто у меня неплохо получилось стихотворение под старину.

Ночью в степи тишина и безлюдье,
Робкий горит огонёк.
Стёкла в окне разрисованы выюгой.
Тихо стоит хуторок.
– Мама, а скоро наш папа приедет,
Долго нам ждать ещё?
– Скоро, уж скоро, милые дети,
Месяц давно прошёл.
Тане подарит он новую книжку,
К лету – цветной сарафан.
Ване сапожки, коньки и штанишки.
Папа всё знает сам.
Ночью в степи тишина и безлюдье,
Робкий горит огонёк.
Стёкла в окне разрисованы выюгой.
Тихо стоит хуторок.
– Папа приехал, ведь я говорила!
Слышишь ползьев скрип?
Люди чужие дверь открыли,
Гроб с телом отца внесли.
Ночью в степи тишина и безлюдье,
Робкий горит огонёк
Стёкла в окне разрисованы выюгой.

Тихо стоит хуторок.

Постепенно мы с отцом все больше начали переходить на рыбалку. Дичи в окрестностях Мукачево становилось все меньше, а, кроме того, надо было чем-то заполнять досуг с весны до осени. Я готов был вставать в какую угодно рань, чтобы мчаться почти в полной темноте на подростковом «Орленке» рядом с отцом, ехавшим на взрослом велосипеде, стремясь не опоздать на утреннюю зорьку. Отец научил меня пользоваться «внутренними» часами: загадывать желание, во сколько часов нужно проснуться, и мы никогда не просыпали, хотя и не заводили будильник.

Сколько себя помню, отец, когда мы были на природе и позволяли обстоятельства, рассказывал случаи из своей жизни. Это были немудреные истории, действительно из его жизни, которые никогда не заключали в себе морали в чистом виде. Отец вообще никогда не пытался меня «воспитывать», ни в раннем детстве, ни тем более, когда я был постарше. И еще, он никогда не рассказывал о войне или о своей службе на границе. Но зато я много раз слышал историю о том, как его старшина пытался отыскать, с чем же можно есть трофейную мазь с приятным запахом, которая оказалась солидолом. Он не рассказывал подробно, как мерз в окопах на Калининском фронте, в болотистой местности, по колено в воде, но с удовольствием вспоминал как однажды там же в Калининской, ныне Тверской, области на утлом плотике наловил целый котелок раков.

И, что удивительно, многие из этих историй я запомнил и пересказывал, добавляя к ним свои случаи из жизни, своему, нет, не сыну, потому, что у меня оказалось слишком мало времени на общение с маленьким сыном, когда ему действительно был необходим отец, а своим внучатам

После нашего переезда на Днепр отец перестал рваться в другие земли, а вторую половину своей жизни он прожил в маленьком городке и его окрестностях почти безвыездно.

Сначала нам было очень тяжело.

Помню, как в первые дни после переезда, когда ночи уже стали холодными, а денег на покупку дров или угля у нас еще не было, мы с отцом на велосипедах ездили в лес за сухим хворостом.

А потом всякого рода неприятности обступили моих родителей со всех сторон.

То мама ушла утром на работу и ... исчезла. Оказалось, что она упала, ударилась лицом и потеряла сознание. Очнулась уже в больнице.

То на новой работе ее подставили. Обнаружилась недостача и маме, как материально ответственной, пришлось выплачивать огромные, по нашим меркам, деньги. Их с трудом отыскали (разумеется, с возвратом) у наших дальних родственников.

Только с получением квартиры в новом доме, то есть через пару лет, мы, наконец, могли вздохнуть спокойно.

А еще через два года я поступил в институт и навсегда уехал из родительского дома.

Мне кажется, что мои родители еще успели прожить в Светловодске свои хорошие годы, когда старые проблемы уже были решены, дети выросли, а новые, связанные с неудачным замужеством дочери, еще не наступили.

Я помню, как радовалась мама, рассказывая, что летом, после дежурства, отец, который в это время стал работать на шлюзе, регулярно приносил из оранжереи букеты роз, которые она очень любила.

Мы с Иринкой приехали в Светловодск сразу после свадьбы. Однажды отец привел нас на стенку за шлюзом порыбачить, и здесь Иринка поймала единственного в своей жизни судачка.

У отца вдруг появилась любовь к огородничеству, и он получил участок под самой плодотворной Кременчугского водохранилища, где на вековой целине снимал удивительные урожаи ягод и фруктов.

Помню, мама в шутку сердилась на него, из-за того, что ему было жаль срывать огурцы маленького размера, и он привозил огромных «монстров», которые уже не годились для консервации.

И все изменилось в течение нескольких лет.

Сестра вышла замуж через полгода после нашей свадьбы и еще через полгода родила прелестного малыша. Он был в род отца: белокурый и курчавый, такой же, как и моя сестра и еще одна сестра, сводная, которую я видел только однажды, когда мы на несколько дней приехали на родину отца в Павлово-на-Оке.

Я же всю жизнь, пока не поседел, был чернявый, но не внешнее сходство определяет родство душ.

Отец души не чаял в своем внуке.

А у сестры никак не заканчивались проблемы на личном фронте. Она развелась с мужем и скоро опять вышла замуж.

Я служил в армии, затем у меня родился сын, и мы вдвоем с женой занимались беспокойным малышом. Поэтому как гром среди ясного неба прозвучало для меня известие о тяжелом состоянии мамы. Я приехал в декабре, увидел ее в последний раз, а затем через две недели уже – на похороны.

В день похорон отец выглядел совсем потерянным. Но на ночь домой не пришел.

А еще приблизительно через полгода нас поразила новость, что отец снова женился. Его новая жена совершенно подходила под описание Гоголем ведьмы Солохи в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Только у нее еще и один глаз постоянно был полузакрит.

Она утверждала, что была подругой мамы и та, вроде бы, чуть ли не просила ее присмотреть за отцом после своей смерти. Звали новую жену, так же, как и маму, но мы называли ее за глаза по отчеству «Ильиничной».

Ильинична неплохо разбиралась в целебных травах, а сестра ее и вовсе была знахаркой. Характер у Ильиничны был злобный, необузданный. Мне кажется, единственный человек, которого она любила, был ее сын, порядочный лентяй и увалень, который и в нормальные годы норовил увильнуть от работы, а в годы разрухи вообще годами сидел без дела.

Отца Ильинична терпела поневоле, ведь он был, со своей пенсией участника войны, чуть ли не единственным источником дохода для семьи ее сына. А меня же она просто ненавидела, о чем мне в открытую говорил отец.

После смерти мамы отец не мог даже смотреть на дачку возле плотины, с которой у него были связаны последние воспоминания о маме. Он ее продал и купил домишко под Кременчугом, но ему показалась очень шумной обстановка в этом селе, и он подыскал себе более спокойное место на хуторе Криничное в километрах двадцати от Светловодска.

Местность возле нового его дома была, действительно, живописная: участок на котором стоял небольшой домик с белыми стенами, спускался несколькими террасами к самому дну широкого оврага.

Тишина и темнота по ночам были здесь необычайные.

Сначала летом в домике было шумно от детских голосов. Внуки отца и внуки Ильиничны составляли разношерстную компанию.

Наш сын, будучи еще подростком, помогал деду пасти коз, о чем у него еще долго были свежи воспоминания.

Но постепенно дети подросли и почти круглый год в домике над оврагом жил один отец.

Мне кажется, он до конца жизни жалел, что так распорядился своей судьбой, женившись на Ильиничне.

Тогда еще не произошли те неприятные изменения климата, которые сделали некоторые летние дни на Украине, да и в России, не просто жаркими, но нестерпимо жаркими.

Летний день неприметно переходил в погожий вечер, и миллионы невидимых насекомых роились в теплом воздухе, от чего до самой темноты стоял тонкий, едва различимый человеческим ухом, звон.

И без того малолюдный хуторок на берегу искусственного моря на месте бывшего Днепра за годы катастрофических перемен, которые тогда многие воспринимали как возрождение Украины, стал еще безлюднее.

Многие хатки покосились и заросли дикой травой, и не слышно было ни одного звука, который мог бы выдавать здесь присутствие людей: ни человеческой речи, ни музыки и песен из громкоговорителей, которые в прежние времена любили на полную катушку включать обитатели подобных селений.

В те годы он почти совсем перестал интересоваться политическими событиями на Украине. Только иногда, включая в городе телевизор говорил:

– А ну, послушаем, о чем они там брешут!

Однако, бесконечные русофобские выпады, кажется, действовали даже на него. Однажды, во время моего очередного приезда к нему, он заговорил о желательности получения Украиной ядерного оружия.

– Пап, а для чего хохлам атомная бомба? – не понял я – на Россию, что ли напасть?

Он задумался и признал, что сморозил глупость.

На старости лет отец, который никогда, кажется, не был особенно упитанным, еще больше похудел и сделался, как будто, меньше ростом.

Но в свои восемьдесят он еще не утратил быстроты движений и все так же лихо мог ходить с нами из одного села в другое по немалым крутым пригоркам, и, как будто по-прежнему, не испытывая особой усталости.

Я слушал его рассказы, многие из которых я помнил почти наизусть вот уже много лет и с горечью замечал новые, незнакомые мне прежде нотки печали: отец все сильнее и безнадежнее ощущал свое одиночество.

Нет, он не жаловался. Он был сильным духом и мужественным, мой отец.

Но, как человек неверующий, он не оставлял себе ни искорки надежды на хоть какое-то продолжение после смерти, и эта бессмысленная жестокость все больше ужасала его.

Он почти круглый год жил в одиночестве на своем хуторе, и только на один – два месяца посреди короткой южной зимы приезжал в Светловодск.

– Понимаешь, – говорил он вполголоса, – я приезжаю, в свой город, хожу по знакомым улицам и вижу все меньше знакомых людей: все мои сверстники умерли, и даже тех, кто был намного моложе меня, уже давно нет в живых.

Отец надорвался, когда после зимней малоподвижной жизни в городской квартире приехал на дачу и пытался самостоятельно убрать с крыши сарая упавшее абрикосовое дерево.

Несколько раз он еще ездил на свой хутор, пока ему не стало совсем худо и его, почерневшего, забрали прямо из автобуса в больницу.

Первый инфаркт не сломил его, но лишил былой подвижности.

Он прожил еще десять лет, постепенно теряя силы, но совершенно в здравом рассудке.

Перед смертью он совершил свой последний мужественный поступок, уйдя от супруги, которая совсем потеряла стыд и почти перестала ухаживать за ним, но постоянно обирая его ради своего бездельника сына.

Когда он позвонил и сказал, что врачи после случайного падения в квартире внука, поставили ему диагноз – перелом шейки бедра, я понял, что нужно торопиться.

Я опоздал на два дня, и мы приехали только на поминки.

Но я разговаривал с ним еще раз, в каком-то странном сне.

Мы сидели на завалинке возле его хатки, хотя я знал, что ее больше нет: стены глинобитной мазанки обрушились, и даже ореховое дерево, которое росло на участке, давно спилил зять.

Собственно, я его даже не видел, просто ощущал, что он сидит рядом со мной и внимательно слушает.

– Папа, – спросил я, как будто был маленьким, – зачем ты ушел?

А он ничего не ответил, только положил мне руку на плечо.

Какое-то удивительное ощущение покоя передалось мне от этой руки, и я понимал, что он уходит, но мне больше не было одиноко, как будто он сказал мне:

– Я всегда буду с тобой, сынок.

После распада Союза я разуверился в историческом материализме, с его неоправданным оптимизмом, и, так же как вся страна в те годы, почти всерьез почитывал всякую мистику. В этом чтиве ведьмы, колдуны и прочая нечистая сила приобретали почти осязаемую реальность.

Отец до конца своих дней был убежденным материалистом. Как-то раз мы разговорились с ним о чудесах и всякой нечисти. И вот что он мне однажды сказал:

– Я прожил уже довольно большую жизнь, но ни разу, никогда я не сталкивался с нечистой силой, колдовством и ведьмами.

– Ну, да, – подумал я, – почти тридцать лет живешь с ведьмой, а до сих пор об этом не знаешь.

Но вслух, разумеется, ничего не сказал.

Жена и дочь, стоило им переночевать в дедовой хате, начинали жаловаться на мучившие их кошмары. Было ли это как-то связано с Ильиничной, утверждать не могу. Сам я всегда и на даче тоже, спал крепко и без сновидений.

Но один случай, произошедший лично со мной, наводит на определенные подозрения. Отец сказал, что Ильинична ждет нас в день отъезда к себе в городскую квартиру. Мне почему-то очень не хотелось к ней ехать, так как я чувствовал, что, несмотря на внешнее гостеприимство, она всегда держит «камень за пазухой».

И вот, сидим мы за столом, мирно разговариваем, а я возьми и скажи:

– Приехал бы ты, папа, к нам погостить.

Ильинична как вскинется:

– Нет!

Как зыркнет на меня, действительно, ведьмовским взглядом.

И все ощутили этот недобрый взгляд.

Через час, когда мы уже сидели в поезде, я вдруг почувствовал себя плохо. Меня знобило, а дома, когда мы приехали, оказалось, что температура у меня под сорок, и я неделю провалялся в постели.

Отец очень дорожил своим домиком в Криничном, и возможностью жить в одиночестве никогда не тяготился. Но однажды он совершил опрометчивый поступок, отписав дарственную на дом внуку Сергею. Я думаю, так отец хотел обезопасить свою собственность от того, чтобы она не досталась жадным родственникам Ильиничны после его смерти.

А внук решил этот дом продать немедленно.

Вот тогда отец испугался. Заехав к нему в отпуск, я застал его очень расстроенным. Не без колебаний он рассказал о возникшей проблеме. Я понимал, что отнять у него дачу, это значит – реально укоротить ему жизнь.

Дело было в послесоветский период, и мои украинские родственники остались почти без средств к существованию.

Конечно, это было жестоко – оставить отца без его любимого прибежища, но, похоже, никто об этом даже и не задумывался. Тем более, что цена за участок, не знаю реальная или мнимая, была предложена немалая.

Мне очень хотелось помочь отцу, но денег у меня таких не было. И тогда, посоветовавшись с женой, я предложил следующий вариант: я выкупаю его дом, но не сразу, а в рассрочку, на полтора или два года.

И все останется как прежде.

Сам жить я там, разумеется, не собирался, разве что в отпуск иногда приезжать, да и то не каждый год.

Узнав о том, что выселять его не собираются, отец приободрился прямо на глазах.

Но каково было мое удивление, когда буквально через пару дней после нашего приезда, в Москву без предупреждения пожаловал племянник за первой частью денег. С трудом я собрал требуемую сумму.

А уже следующей весной передал отцу недостающую часть.

Когда, спустя год, я снова приехал к отцу, он в некотором смущении рассказал, что деньги эти не пошли нашим родственникам впрок.

Сергей собирался вложить свою долю в какое-то дело, но «прогорел», а они с Ильиничной в целях большей сохранности решили закопать часть денег в огороде в жестяной банке.

Когда некоторое время спустя отец решил проверить их сохранность, денег в банке не оказалось.

Короткие рассказы – Детство

Коротко и ясно

Меня всегда тянуло к краткому изложению мысли. Краткому и четкому. Не то, чтобы я не пытался писать подробно, но это выходило гораздо хуже. Например, мои статьи по эстетике.

А вот объяснить свои мысли на словах несколькими фразами получалось гораздо лучше.

Мой приятель студенческой поры Володя Мысливченко, видимо, тайно завидуя этой видимой легкости, однажды в сердцах выразился так:

– Ты, Гена, только не пытайся диссертацию написать афоризмами.

Я пытался писать диссертации дважды и оба раза прекращал это занятие по не зависящим от меня обстоятельствам.

В годы моего «романа в архитектуре» я написал несколько учебников. Особое удовольствие доставили первые из них.

Но все это было раньше, во время моих прежних «жизней». А как же получится у меня сейчас, когда я буду впервые говорить свой голосом и ... о себе?

– Ну, и долго ты собираешься заниматься самокопанием? – с сомнением спросила как-то жена, – и будет ли это кому-нибудь интересно?

– Может быть, я сам и не очень интересен, но наша жизнь проходила на фоне исторических событий, которые еще долго будут будоражить умы людей, и они самым крутым образом повлияли на нашу с тобой судьбу и судьбу наших знакомых. Думаю, что вот это и может быть интересно.

Я довольно долго раздумывал над структурой своего произведения.

С одной стороны материала много, и охватывает он больше шестидесяти лет.

Поэтому это мог быть только роман.

С другой стороны, он составил из множества кусочков, похожих на картинки, ожившие благодаря настойчивым усилиям моей памяти.

И я решил: назову эти картинки клипами.

Сегодня само слово «клип» многие рассматривают в расширенном смысле. Существует даже такое понятие: клиповое мышление.

Но разве не сама наша жизнь все больше начинает походить на видеоклип, тем что в ней происходит бесконечное множество не связанных между собой событий?

Я даже посчитал количество этих коротких рассказиков или клипов в романе. Получилось больше полутора сотен. Конечно, не все клипы настолько малы, чтобы могли быть прочитаны за пару минут, но этого, думаю, и не нужно.

Первую главу романа я написал позже остальных. Может быть поэтому клипов в ней больше, чем в других главах.

«Охота к перемене мест»

Каждый год мои родители отправлялись в отпуск к родителям мамы в Закарпатье.

На первый взгляд в этом не было ничего странного. В самом деле: испокон веков близкие родственники приезжают в гости друг к другу. Странность заключалась в другом. Мы уезжали от теплого моря, куда большинство наших соотечественников тянулось испокон веков, преодолевая подчас значительные трудности и невзгоды. Правда, Закарпатье тоже считалось курортным местом со своими, весьма впечатляющими достоинствами.

Тем не менее, каждое лето мама упаковывала чемоданы и прочий багаж, и мы сначала втроем, а потом и вчетвером с моей малолетней сестрой загружались в пассажирский вагон.

Я прекрасно помню всю первую часть нашего путешествия. Когда в открытые окна нашего поезда с одной стороны врвался теплый ветерок погожего синего моря, а с другой – высились покрытые снежными шапками горные вершины. В купе мы занимали только две полки, а две другие – чужие дяди и тети, чаще всего грузины или абхазцы, как правило, тоже с детьми. Я помню, как взрослые всегда непринужденно общались, и, если с ними была девочка, то обязательно нас «сватали».

На этом самая привлекательная часть путешествия для меня заканчивалась. Поезд выезжал на равнину, а нам предстояли две пересадки, кажется, в Ростове и Харькове. Вокзал неизменно встречал нас невообразимым гвалтом и скученностью. Взрослые и дети располагались на скамьях и в проходах между ними, на узлах и чемоданах. Некоторые, очевидно, подолгу. Здесь они ели, спали и громко разговаривали. Мы с мамой с трудом находили какое-нибудь относительно свободное место и присоединялись к господствующему здесь распорядку.

Иногда, если повезет, нам доставалось место в комнате «Матери и ребенка». Я помню, что в комнате было много свободного места и грудой навалены большие потертые игрушки. Отец отправлялся штурмовать билетную кассу в надежде закомпостировать билеты на ближайший проходящий поезд. И хотя у него была очередь в специальную «Воинскую кассу», желающих уехать в ней было не меньше, чем во всех остальных. Рано или поздно отец добывал билет, и мы отправлялись вплоть до следующей пересадки. На этом вокзале повторялось в точности то же самое. После месячного отпуска в Закарпатье у родственников мамы, мы отправлялись в обратную дорогу, и опять подолгу застревали на вокзалах в местах пересадки.

А затем, когда мы уехали из Грузии насовсем и несколько лет вообще никуда не уезжали, по ночам мне стали сниться поезда и дальняя дорога, и шум, и ветер в ушах.

Мама

Уже много лет мамы нет в живых, и я начал забывать ее голос. Но помню, что у нее был легкий, незлобивый характер. Она была, что называется, оптимист назло всему.

В раннем детстве у нее обнаружили врожденный порок сердца, и врачи, к которым обращались ее родители, давали ей от силы года три жизни. Лекарства от этой болезни не было, и ей посоветовали лечебную гимнастику. Она, на удивление, быстро окрепла, стала заниматься спортом, легкой атлетикой, и была даже чемпионкой Запорожья по прыжкам в длину среди девушек. Затем увлеклась танцами. У нее даже в трудовой книжке значилась первая должность: танцовщица ансамбля. Она прожила дополнительных пятьдесят лет к тому сроку, что ей давали врачи. К сожалению, так мало.

До войны ее семья жила в Запорожье. Ее родители были украинцы, как говорят, «щыри украинци», но дома говорили всегда на русском языке. А в школу ее отдали украинскую. Потом я не раз замечал, что при подобном образовании прорехи в правописании были у людей громадные.

Я помню песенки, которые напевала мне мама, наверное, с колыбели: «Ой, на двори метелыця...», и украинский язык никогда не был для меня чужим. Поэзию Шевченко я люблю не меньше, чем стихи Пушкина.

Когда мы переехали в Закарпатье, нам пришлось довольно долго «мыкаться» в поисках жилья. Отец был очень деликатный человек, и ходить по городскому начальству приходилось маме. Помню, как однажды, на приеме у председателя горсовета при мне в качестве последнего аргумента она предъявила исколотую уколами попку моей маленькой сестры.

Мама довольно быстро устроилась на работу, что, учитывая полное отсутствие в городе какой бы то ни было промышленности, было делом совсем не простым. Она работала билетным кассиром на автостанции. Я помню выражение ее лица, когда приходил к ней на автовокзал. Оно было отчужденным и даже суровым, что было совсем не похоже на мою обычно добрую и улыбчивую маму.

Однажды в местном театре давали детский спектакль «Снежная королева». Мама купила два билета, и мы пошли на это представление. Не могу сказать, что оно произвело на меня сильное впечатление, но одна мамина реплика заставила взглянуть на происходящее на сцене по-другому.

– Ты знаешь, Гена, а я много раз играла в этом спектакле. И знаешь кого? Маленькую разбойницу.

Я представил себе маму, молодую и худенькую в роли маленькой разбойницы, и мне сразу стали интересны события пьесы и действующие лица, и особенно эта симпатичная неумытая девчонка. Не очень часто, но мама все же вспоминала некоторые эпизоды из своей театральной жизни. Насколько я сейчас могу судить, труппа у них была небольшая, и им приходилось выступать и в амплу драматических актеров, и в подтанцовках, и в отдельных балетных номерах.

– Я была третьим слева "маленьким лебедем", – сказала она как-то раз, имея в виду танец «маленьких лебедей» в балете «Лебединое озеро».

В каком-то из спектаклей с помощью жженной пробки они превращались в симпатичных негрятючек, а затем еще долго ходили черномазыми, потому что пиво, положенное им в качестве смывочного материала, они, разумеется, выпивали.

Село Русское

Родители мамы перебрались в Закарпатье вслед за своей старшей дочерью, которая вышла замуж за местного жителя.

Мои дедушка с бабушкой жили в доме зятя в селе Русском. Это был одноэтажный саманный, как большинство в селе, крытый шифером домишко. К тому же разделенный на две части. В одной половине (комнате и кухне) жили мои бабушка Клава и дедушка Тося. Вторая половина, так называемая «Гансина хата», фактически была нежилой. Мне кажется, что Ганся (произносилось по местному наречию с форсированной «г») была сестрой дяди Коли, но куда она девалась, мне не известно. Рядом с домом за невысоким забором был небольшой садик с несколькими овощными грядками, а за сараем и курятником находился довольно большой участок, который засаживали картофелем. Из-за этого участка у стариков постоянно возникали ссоры с соседями справа и слева, которые норовили отхватить у них несколько метров земли, произвольно перенося межу. Участок оканчивался глубокой канавой по которой протекал какой-то вонючий ручеек. Перед домом, который стоял перпендикулярно дороге был еще маленький палисадник с цветущими георгинами – любимыми цветами бабушки.

На моей памяти бабушка Клава была полная с круглым лицом и толстым кончиком носа, таким же, как у своего брата, а дедушка Тося был худой и горбоносый – настоящий казак с острова Хортица, откуда он был родом. Когда я был совсем маленьким, я застал дедушку, работающим кондуктором на автобусе. Он ездил на большом кургузом автобусе. Я встречал его вместе с бабушкой и называл марку автобуса:

– Тат-ра.

Потом дедушка работал инструментальщиком в автопарке. Бабушка рассказывала, что в молодости дедушка был шофером и возил в революцию красных комиссаров. В мирное время он стал слесарем высшей квалификации – лекальщиком. Бабушка Клава работала кассиром в большом гастрономе. До войны и во время войны они жили в Запорожье, а потом начались скитания, о причине которых со мной никто и никогда не разговаривал.

Асфальтированная дорога, ведущая в Ужгород, проходило прямо через село. Было еще продолжение села на поселковой дороге. Но я туда никогда не ходил. Меня больше привлекала основная дорога. За бабушкиным домом еще через несколько строений проходил мост через небольшую речушку, которая обычно мирно журчала мутноватой водицей. Рядом стояла высокая церковь, как и все культовые сооружения в округе, находящаяся в довольно хорошем

состоянии. Колокольный звон извещал прихожан о наступавшем празднике. Бабушка в церковь не ходила, но в углу комнаты у нее всегда стояла иконка с лампадой.

Из детских воспоминаний: утром будит колокольный перезвон, мы выходим с бабушкой на улицу и, прогуливаясь, доходим до моста. Выпал небольшой снежок, и так торжественно припорошил он землю, берег и дома, из труб которых клубится ароматный дымок. Скорее всего, это время Рождества.

Село хоть и называлось Русским, но на самом деле русских там не было. Местные жители, потом я узнал, что их национальность называется «русины», разговаривали на своеобразной смеси нескольких языков. Например, штаны назывались «гати», а город – «варош». Когда я хочу озадачить кого-нибудь из внуков, хвастающихся передо мной знанием английского, я прошу перевести детские дразнилки, которые запомнил сизмальства, гуляя с местными детьми: «бачи, крумпли гарячи» (дядька, картошка горячая) или «краду, краду комуныцю» (ворую, ворую траву, кажется, клевер).

Находясь у бабушки, я поневоле проникался и особенностями быта и общения селян. Ну, дети, они всегда дети. Непосредственные и наивные. В пять лет я свободно гулял в селе и общался со сверстниками. Когда лет через двадцать моя двоюродная сестра вышла замуж, ее избранником оказался Михаил, с которым я еще мальцом играл в Русском. Бабы в селе, как и все женщины на свете, не всегда между собой ладили. Но вот последним аргументом в споре был такой. Баба нагибается, поднимает подол и показывает свой голый зад – «гузыцю», помещному. Отвечать больше было нечем, кроме как в ответ продемонстрировать свою пятую точку. После этого спорщицы расходились в разные стороны, вполне собой довольные. Сам был свидетелем такой сшибки характеров.

С мамой на реке

В первые годы знакомства с Мукачево родители довольно часто бывали на Латорице. Любимым их местом была река, мелкая, быстрая и холодная в своем верхнем течении, в районе санатория «Карпаты». Так стали называть при советской власти замок Берегвар графов Шенборнов, построенный еще в конце 19 века. Мы часто бывали в парке поблизости от замка, но меня, признаюсь, больше манил пруд, с плавающими там у всех на виду карпами. А взрослых скорее привлекала река, вернее ее уединенный противоположный берег, где они приладились устраивать пикники в довольно многочисленной компании.

Но сейчас я вспомнил не эти шумные сборища, а один день с мамой и отцом на Латорице, куда мы добрались, судя по всему, из дома бабушки в Русском, откуда до ближайшего изгиба реки было совсем не далеко. Видимо, я был еще совсем мал, потому что оставался с мамой, а не пошел за отцом, который пытался удить рыбу неподалеку от нас. Летом в баню мы не ходили, и мыться удобнее всего было на реке. Вода здесь, в двадцати с лишним километрах от санатория, была совсем теплая. Да и характер реки сильно изменился. Она уже никуда не торопилась, и ее вода была спокойной и ласковой. Пока мама мыла голову, зайдя поглубже в воду, я плескался на мели у нее на виду. Затем она подошла ко мне и сказала, склонив голову и отжимая волосы руками:

– Ты посмотри, сынок, какой у нас папа красивый! Ему скоро будет сорок лет, он до сих пор выглядит, как мальчик.

Я посмотрел в сторону отца, но ничего особенного в нем не заметил. Папа, как папа. Я всегда его знал таким. Отец, действительно, до старости был стройным и подтянутым. И только много позже у него появилась небольшая округлость в области живота.

Село Плоское

Каждое лето, едва мы переехали в Закарпатье, родители отправляли меня в пионерский лагерь. На одну, на две смены, а то и на все три. Так что я успел как следует впитать в себя «дух» пионерлагеря тех времен.

Как правило, это был пионерлагерь в селе Плоское, который был закреплен за автобусным парком, где работали отец и мама

В свои первые смены я попадал в самый младший отряд. В нем были еще дошколята, которые по ночам «ловили рыбу». Это был эвфемизм, обозначающий, что после этого простыни «рыбаков» вывешивались на просушку. Однажды на веревочке сушилась и моя простыня, но только один раз. Лагерь «Плоское» размещался в сельской школе, из классов которой на лето убирали парты и собирали кровати. Здание школы было одноэтажным. Под шиферной крышей в несколько слоев лепились ласточкины гнезда. Все дни моего пребывания в лагере были наполнены ласковым щебетанием взрослых и малолетних касаточек. Но я не видел ни одного разбитого такого хрупкого на вид гнезда и не видел ни одного случая гибели птенца или взрослой ласточки.

Утро начиналось с хрипловатых звуков горна, после чего все отправлялись к умывальникам и на линейку. В столовую отряды также направлялись строем под мелодию с известными словами:

«Бери ложку, бери хлеб, и садись-ка за обед».

И дальше:

«Нету ложки, нету хлеба – оставайся без обеда!!

На завтрак часто подавали манную кашу, щедро посыпанную порошком корицы. Мама корицей никогда не пользовалась, поэтому мне запомнилась эта каша, как характерная для лагеря. Больше ничего непривычного в лагере не подавали. Из взрослых в лагере были только воспитатели и повара. Всю остальную работу выполняли дежурные, которые назначались по очереди из старших отрядов. Из младших отрядов дежурных назначали только для посильных для дошколят обязанностей.

Мне запомнилось только дежурство у въездных ворот лагеря. Машин тогда было еще мало, так что открывать ворота приходилось только пару раз за дежурство. Гораздо большая нагрузка ложилась на дежурных по столовой. Им нужно было не только разносить блюда, но и убирать, и мыть посуду, чистить картошку и обеспечивать кухню водой. С водой был связан инцидент, который мне особенно запомнился.

Воду нужно было носить из соседнего ручья, весело журчавшего в метрах ста от лагеря. Однажды ребята из вечерней смены решили облегчить себе жизнь и, чтобы не ходить на ручей, набрали воду из колодца ближайшего к лагерю селянина. На ужин чай, который нам подали, пить было просто невозможно. Дело в том, что вода в колодце была минеральная, как говорили местные – «квасова», почти непрозрачная и желто-зеленая. А в соседнем ручейке она была чистая и очень вкусная. Немного выше по течению стояла старинная, но еще работающая мельница. Ее тяжелое колесо приводилось в движение напором воды, которая подавалась по почерневшему от времени деревянному желобу. Быстринки на ручье чередовались с небольшими омутами.

С одним из них связано у меня очень острое переживание от рыбацкой неудачи. Как-то раз в день посещения, которые проходили строго по выходным, отец приехал ко мне без мамы, но с удочкой. Мы отправились на речку. И вот, сидим мы на берегу, а под нами в омуте, в прозрачной воде проплывают чудесные рыбины. В воде они кажутся крупнее, чем на самом деле. Я забрасываю свою удочку с наживкой и на хлеб, и на муху, но они даже внимания не обращают. С досады я чуть не плачу. Потом я научусь: нужно забрасывать удочку так, чтобы рыба тебя не видела. На быстринке или из-за куста. Но для этого мне нужно было еще немного подрасти.

Большую часть времени младшие группы были предоставлены сами себе. Поэтому и занимали себя, кто чем может. Однажды я с несколькими мальчишками забрел во двор ближайшего к лагерю хозяина, который, к слову, не был даже огорожен. Здесь-то я и рассмотрел, что за вода была в его колодце, которую однажды нам предложили пить на ужин. Да, вода была просто б-р-р! Тут из дома выскочил мужик и, распугивая кур, бросился за нами. Я оказался самым близким к нему, поэтому он легко догнал меня и, ни слова не говоря, влепил подзатыльник. Удар был не сильным, но обидным, потому что даже пожаловаться воспитателю я не мог, так как нас поймали на чужой территории.

Раз в неделю наш отряд водили в кино, которое демонстрировали в местном клубе. Мы шли по проселочной дороге попарно строем через все село. Однажды во время нашего похода случилась гроза. Мы порядочно вымокли, потому что ни о каких плащах или, тем более зонтиках, не могло быть и речи. Прямо над нашими головами сверкнула яркая молния, и тотчас же раздался оглушительный треск. Как будто кто-то огромный и жестокий разрывал на небесах крепкое полотно. С испугу почти половина отряда попадала в траву на обочине.

Клуб состоял из одной большой комнаты, в которой были расставлены стулья. С одной ее стороны стоял на столе проектор, а на стене напротив была прикреплена обыкновенная простыня. Кинофильмы были черно-белые, а пленки старые, давно отслужившие свой срок. Поэтому они часто рвались. Тогда в комнате включали свет, и мы терпеливо ждали, пока пленку вставят заново. Точно такие же перерывы были для установки новой бобины. Однако от похода в кино никто не отказывался.

Не помню, в ту ли самую смену, или уже в следующую, но только я оказался самым младшим в компании больших ребят, которые нашли достаточно кардинальный способ досуга. Каждое утро кто-то из ребят заходил на кухню, брал у дежурных бидон с молоком, пару буханок хлеба, и мы отправлялись на целый день на ближайшую лысую гору, которая на местном диалекте именовалась «полониной». Кроме свежего хлеба с молоком мы объедались крупной земляникой, до которой, кроме нас, кажется, никому не было дела. Однажды мы с нашей компанией отправились вниз по ручью на рыбалку. Здесь я поймал самую крупную на тот момент добычу. Красноперого голавля весом грамм под двести. Это была самая большая рыба, пойманная нами.

Одним словом, это были упоительные дни. Мы наслаждались ощущением полной свободы. К сожалению, все очень быстро закончилось. В ближайший родительский день начальник лагеря вызвал к себе в кабинет наших родителей и объявил, что вся наша компания исключена из пионерского лагеря за систематическое нарушение дисциплины.

– Ничего, Геночка, – сказала моя мама, которая одна приехала в этот день, – видно, ты уже достаточно вырос, чтобы проводить школьные каникулы по своему графику.

Я с радостью с ней согласился.

На Одесской

Первое жилье, которое родители сняли после переезда в Мукачево, находилось на Одесской улице. Не помню из каких помещений оно состояло, но одну комнату, скорее всего, спальню, помню точно. Вероятно, была и кухня, иначе где бы мама готовила еду. Хозяева жили во второй половине дома, от которой нашу комнату отделяла просто закрытая на ключ дверь. У хозяев было двое детей: мальчик Вова и девочка Люся с большой родинкой на правой щеке.

Тетя Вера часто приходила к нам в гости и даже оставалась ночевать. Она говорила, что родинка у девочки очень опасная, так как может развиться рак. Спать тетя Вера укладывалась на моей кровати, которая находилась у самой двери на половину хозяев. Каждый раз, просыпаясь утром тетя Вера жаловалась на головную боль, причиной которой были страшные запахи, которые якобы исходили из-под двери.

– Ведь они там постоянно едят фасоль! – говорила она с таким выражением, будто фасоль была ее личным врагом.

Странно, я спал на этой кровати каждую ночь и совершенно ничего не чувствовал.

Общительная мама успела завести в городе подруг, одна из которых подсказала ей способ надежно заработать. Больше того, эта подруга вызвалась лично руководить всей операцией. Суть ее состояла в том, чтобы купить живую свинью, нанять мясника, который должен зарезать и разделать ее, а затем продавать мясо по кускам. В нашу задачу входило: сначала выделить средства на покупку свиньи, предоставить помещение для разделки, а потом «грести деньги лопатой». Свежее мясо и сало лежало у нас сплошь на полу днем и ночью.

Проснувшись по нужде, я шел, наступая на что-то холодное и противное. Мамина «подруга» два дня суежилась, разнося по знакомым куски свинины, а потом оказалось, что выручка не покрыла и половины расходов, и в результате операции мы, что называется, «вылетели в трубу».

«Дама с камелиями»

«Дама с камелиями» – так называла мама хозяйку нашего следующего жилья. Почему? Этого я так никогда и не узнаю. Единственное, что приходит на ум, это намек на род ее занятий. Но и то в прошлом. А, может быть, из-за названия цветов, которые хозяйка выращивала на подоконнике. Это была уже пожилая женщина (по меркам меня – малолетки) с взрослой дочерью на выданье.

В нашем распоряжении была комната в двухкомнатной квартире, в которую едва поместилась та убогая мебель, которая у нас еще сохранилась после бесчисленных переездов. Мы жили на пятом этаже большого дома, в котором селились в основном семьи военных. У «дам с камелиями» мы прожили несколько месяцев, прежде чем обстоятельства позволили нашей семье получить коммунальное жилье.

Это время мне запомнилось участием в своеобразной мальчишеской команде. Поскольку я тоже был сыном офицера, хоть и в недалеком прошлом, меня здесь однозначно приняли за своего. У мальчишек был свой командир. Команда была хорошо организована, потому что все жили в одном доме. Основной своей задачей она считала борьбу с проживающими поблизости мадьярами (разумеется, нашего возраста). Эта задача сильно упрощалась из-за того, что вокруг нашей пятиэтажки стояли в основном одноэтажные жилые дома, и живущие там дети были, как правило, одиночками.

Однажды я даже участвовал в одном таком террористическом мероприятии. Пацаны поймали мальчишку на соседней улице и столкнули его в яму, вырытую под фундамент строящегося дома. Мальчишка плакал внизу, и мне было искренне жаль его.

Скоро мы переехали от «дам с камелиями» и получили жилье как раз на этой улице, которая называлась Севастопольской. Здесь мы прожили целых восемь лет, и я много раз играл с этим мальчишкой, которого звали Питер, и он, действительно, был венгром.

А про команду из офицерского дома я больше не слышал. Скорее всего потому, что в городе начали строить новый микрорайон, который стали называть ДОСы, возможно, – дома офицерских семей, и туда переехали мои прежние товарищи со своими родителями.

Севастопольская 22

Знаете, что возникает передо мной каждый раз, когда я вспоминаю улицу, на которой я прожил восемь самых памятных лет моего детства? Скромный голубоватый цветок, названия которого я долгое время даже не знал – цветок цикория. Они росли здесь совершенно свободно, словно это была не улочка пусть и небольшого, но старинного города, а какое-нибудь далекое селение на природе. Тем не менее, это было именно так, возможно потому, что она была не проезжей, а заканчивалась глухим забором, то есть тупиком.

Я смотрю на современную карту Мукачево в интернете и, разумеется, не нахожу знакомого названия. Вместо нее нечто трудно произносимое: улица 128-й Отдельной Горно – пехотной Бригады. Узнаю по интернету, что такое эта 128-я? Ну да, это переименованная бывшая советская, а теперь украинская бригада со штабом в Мукачево. Наверное, штаб разместили на территории бывшей в/ч, а нашу улочку к нему просто присоединили. Ведь негоже в «нэзалэжной» называть улицу по имени города в Крыму, «аннексированного» Россией.

Дом стоял на фундаменте высотой в семь или восемь ступенек. Перед домом был небольшой палисадник с цветами во вкусе хозяев. Вход в дом находился внутри двора. Глухую стену дома обнимали кусты черного винограда, доходившего до самого цоколя. Виноград принадлежал соседям, так же, как и высокое дерево грецкого ореха, росшего во дворе. Из остекленной веранды вели две двери. Соседская и будущая наша.

Но для того, чтобы поселиться в первую нашу квартиру, предстояло пройти своеобразный искуc: пережить теплое время года в утлой пристройке во дворе. До тех пор, пока теперешние жители не закончат строительство собственного дома, которому уже присвоили номер 31 по Севастопольской. Но время шло, а их семья все не выезжала. Я уже пошел в школу, приближались холода, и чтобы ускорить переезд, родителям пришлось заплатить.

Ах, какое это было наслаждение, возвращаться из школы в свою квартиру. В новой квартире мне нравилось абсолютно все, но особенно, стоящая в спальне высокая почти до потолка, покрытая изразцами цвета слоновой кости печь – груба. Пока мы с сестрой были мелкими, высшим удовольствием для нас была невыразимая ласка, с которой мама грела, прислонив к грубе наши одеяльца, а потом с головой накрывала наши съжившиеся от холода тельца. На кухне было две двери: входная на веранду и в кладовую, в которой была крутая деревянная лестница на чердак.

На чердаке хранились россыпи грецких орехов и издающие чудесный аромат груши – все из нашего сада. Их срывали еще зелеными поздней осенью, и они доходили на соломе, приобретая густую желтую окраску и тот вкус, при воспоминании о котором у меня рот до сих пор наполняется слюной.

Однажды я обнаружил в проемах слуховых окон покрытые толстым слоем пыли пустые бутылки странной формы, хранившиеся здесь, видимо, с незапамятных времен. От долгого хранения та сторона, на которой они лежали сделалась совсем плоской. На кухне была вторая печь, которую топили в холодное время года, и, естественно, на ней готовили еду. А в теплое время на плите стояла керосинка. Этот нагревательный прибор был неприхотлив и прост в употреблении.

Я уж и не помню, сколько раз за годы жизни в Мукачево, я ходил на базар за керосином. Для того, чтобы сократить себе дорогу, я пытался пройти сквозь тупик, который разделял нашу Севастопольскую с проходившей совсем рядом улицей Ивана Франко. Но это редко удавалось без стычки с живущими там людьми. Поэтому я в конце концов оставил эти попытки.

С нашей стороны дома под верандой был расположен вход в подвал и маленькая дверца в миниатюрный курятник. Отец любил иногда выпивать пару свежих яиц от собственной несушки. Так продолжалось до тех пор, пока ему случайно не попалось яйцо с зародышем. После этого брезгливый родитель отказался от этого блюда.

Туалет без удобств находился в саду, там же была колонка, из которой мы носили воду. Сад был небольшой, разделенный на две части тропинкой, ведущей к колонке. После того, как легализовалось жилье в пристройке, сад разделили на три части. На нашей стороне сада росло большое дерево грецкого ореха и пара деревьев поменьше – абрикос и груша. Оставалось совсем немного места для нескольких грядок, на которых мама сажала помидоры и сладкий перец.

Все годы жизни на Севастопольской соседями у нас была пара пожилых венгров. Жена работала поваром в городской детской больнице, а муж был столяр.

В пятьдесят шестом году, во время событий в Венгрии, находившейся в каких-нибудь полсотни километров, наш сосед по коттеджу на Севастопольской улице, плюгавый мадьяр лет под шестьдесят, рубил дрова во дворе, и, с подтекстом, показывая топор, в пьяном кураже кричал на ломаном русском:

– Вот придут наши, мы вам покажем!

По местным понятиям он слыл «горьким пьяницей»: раз в неделю, после работы заходил в «генделык» (чайную), заказывал стакан сухого красного вина и две бутылки минеральной воды. Выпив полстакана вина, он доливал его водой, и так до тех пор, пока не выпивал все. После этого, покачиваясь и матерясь, исключительно на русском, он отправлялся домой.

Его супруга, которая была его раза в полтора больше, хватала его в охапку и тащила в квартиру. Возможно, она не брезговала также и рукоприкладством, потому что ее благоверный очень скоро затихал, а наутро появлялся трезвый, как стеклышко, хотя и изрядно помятый, и на любой вопрос бормотал что-то по-венгерски, давая понять, что русского он не знает.

Наша соседка вела себя гораздо дружелюбнее. Однажды она угостила маму своими пирожными, и та упросила ее поделиться некоторыми рецептами. После этого я стал объедаться по праздникам чудесными эклерами, вкуснейшими бисквитами и прочими деликатесами

Болото

У семьи, переезда которой мы так дожидались, живя в пристройке на Севастопольской улице, была странная для русского звучания фамилия «Болото». Собственно, Болото был сам глава семьи, чех по национальности, грузный мужчина с круглым лицом, очень похожий на иллюстрации персонажей романа Ярослава Гашека. По профессии он был маляром, работа которого высоко котирировалась в местном обществе.

Дело в том, что в Мукачево вместо бумажных обоев, использовался совсем другой принцип оформления интерьера – нанесение на стены орнамента с помощью валиков. Михаил Болото-старший был мастером своего дела. В этом мы убедились, когда в освобожденной для нас квартире он сам проводил ремонт. Одно плохо: Болото был сердечником и с каждым годом работать ему было все тяжелее. Он был женат на местной уроженке, Елене, и у них было трое детей и больная мать на иждивении. Старший сын Болото Мишка был моим приятелем, на год или полтора меня моложе. Семья Болото была баптистской. Это отражалось и на общении Мишки с окружающими. Мы были детьми неверующих, и над его подчеркнутой религиозностью и всепрощением нередко посмеивались.

Болото были очень отзывчивыми и доброжелательными людьми. Моя младшая сестра, так та просто целыми днями проводила в доме у своей подружки Марты. И питалась вместе с ними. Уже много лет спустя она считала самым вкусным блюдом лопатки – вареную зеленую фасоль в стручках.

Я тоже много раз видел, как они питаются, но, как правило, с ними не ел. Первое, что удивляло, это количество еды. На пятерых, в том числе троих детей, тетя Лена могла приготовить целый большой тазик винегрета. Они были вегетарианцами, как теперь модно говорить, веганами. Например, к гарниру из того же винегрета она могла подать большой кусок вареного теста.

Однажды мы ходили с тетей Леной Болото по грибы в лес, который местные называли Форнош. Она нашла там, как она говорила, очень ценный «яичный» гриб, который я бы принял за обыкновенную поганку, только желтую, и ни за что бы не стал класть в корзинку. Тетя Лена говорила, что умеет готовить даже мухоморы, правда, я не видел, чтобы она их собирала.

После нашего отъезда на Днепр я видел Мишку еще раз. Уже студентом, в летние каникулы, возвращаясь с городского пляжа, я шел по улице Ленина. Мишка вышел мне навстречу с приятелем. Несмотря на то, что мы не виделись лет шесть или семь, я его сразу узнал. Это был невысокий, слегка полноватый юноша, с круглым добродушным лицом и начинающей курчавиться бородкой, так же, как и его отец, похожий на одну из иллюстраций из книги Ярослава Гашека о бравом солдате Швейке.

Мишка сказал, что перед призывом в армию едет автостопом от Мурманска через всю страну, и, заодно, заехал повидать нас.

Мы немного поговорили, и больше я его не видел. Говорили, что у него, как и у отца, было больное сердце, и он умер уже довольно давно. У него было десять сыновей, и все они работали с ним в его автомастерской.

Школа № 4

Я пошел в школу совершенно не подготовленным. То есть не умел ни читать, ни писать. Правда, я уже сочинял какие-то вирши, не зная еще, что такое стихи, а что такое проза. И даже не подозревая, что есть такое понятие, как рифма.

Меня записали в школу № 4. На современной карте города я вижу, что улица, на которой расположена школа носит имя Илоны Зрини. Как она называлась раньше, я не помню, и мои попытки выяснить это ни к чему не привели. Школа находилась гораздо дальше от нашего дома, чем, по крайней мере, еще две русские школы, расположенные на улице Пушкина. На первых порах мне не хватало не только знаний и умений, но и элементарной усидчивости, для того чтобы эти знания получить.

Моей первой учительницей была Вера Степановна Балецкая, женщина лет под сорок, у которой было двое своих детей подростков. Вера Степановна была местная, но говорила на русском совершенно без акцента. У нее был ровный характер, она была скорее приветливой и доброжелательной, чем строгой. И еще она никогда не выделяла любимчиков, по крайней мере внешне.

Балецкие жили на углу улицы Гоголя, совсем недалеко от нас. Несколько раз, пока дела с каллиграфией у меня были совсем плохи, я приходил к ним домой для дополнительных занятий. Меня сажали за большой стол в гостиной, который был высок для меня, и поэтому под сиденье стула приходилось подкладывать толстую книгу. Что это была за книга, я, разумеется, не знал, но чувствовал к ней большое уважение, хотя знакома с ней была только часть тела, противоположная той, на которой находятся основные органы чувств.

В первом классе мы учились во вторую смену, но уже в середине осени нам велели приходить в первую, потому что нам собирались «гнать глисты». Первый день стал для меня особенно памятен. Мама перепутала время и разбудила меня даже не на один, а на целых два часа раньше положенного срока. Я шел по темным улочкам города, и мне было очень интересно, потому что я уже привык видеть эти улицы при свете дня, а видеть их спящими было вновинку. Вот, на соседней улочке темными стеклами поблескивает часовня без креста с заколоченной входной дверью, а через несколько минут появится массивное здание Дома офицеров, в которое мы по выходным ходим с мальчишками смотреть детские фильмы. Я иду дальше, и звук моих шагов звонко и четко отпечатывается на покрытой брусчаткой мостовой. Вот на пути у меня за оградой высится здание католического собора с высоченными каштанами, свесившими свои ветви далеко на проезжую часть. Это не те каштаны, которыми я, помнится, лакомился в Кобулеті. Они называются конскими. Их плоды, коричневые глянцевые голыши, успели созреть, и, вываливаясь из своих колючих зеленых оболочек, звонко впечатываются в булыжники мостовой. Наконец я прихожу в школу, но она также, как и дома вокруг, все еще темная. Хорошо еще входная калитка приоткрыта, а вот двери в здание заперты наглухо. Я что

есть силы колочу в дверь. И вышедший через несколько минут заспанный сторож на пальцах объясняет мне, что до начала занятий еще целых два часа.

Постепенно дела с учебой у меня начали налаживаться. Все чаще в моей тетрадке по чистописанию появлялась надпись красными чернилами «молодец», и она отправлялась на классную доску почета.

Я еще не успел окончить и первый класс, как у меня появилась идея, которую можно даже назвать «культуртрегерской». Я решил переписать в свои школьные тетрадки роман Дефо «Приключения Робинзона Крузо». Зачем? Для того, чтобы сохранить эту, как я слышал из отзывов мамы, эту очень ценную книгу. Я открыл тетрадь и на первой странице написал каллиграфическим почерком имя автора: Даниэль Дэфо. Затем перевернул страницу и на следующем листе написал: «Приключения Робинзона Крузо». И снова перевернул страницу.

Постепенно до меня начало доходить, что для того, чтобы переписать в мои тетрадки, предназначенные для первого класса, с их большими интервалами и крупными пропусками строк, потребуется не просто много, а очень много бумаги. С большим сожалением я был вынужден отказаться от этой затеи. Но запомнил свой энтузиазм на всю жизнь. За многие годы я еще не раз загорался новыми идеями. Как ни странно, некоторые из них мне даже удалось исполнить.

Мама пыталась мне помогать в учебе только в первое полугодие первого класса. Я тогда ленился делать уроки и учиться читать. Но когда дела пошли на лад, и я стал получать отличные отметки – контролировать меня просто отпала необходимость.

Последний раз я попросил маму о помощи, когда нужно было назвать предметы посуды, изображенные на последней страничке "Букваря".

Тут стоит напомнить о специфических особенностях русской и украинской грамматик. В украинской пишется, как слышится. А в русской все намного сложнее. Дома в семье у мамы говорили по-русски, а училась она в украинской школе.

– Мама, а что это? – я указываю на фаянсовую миску с рисунком.

– Это мыска, сынок.

– Так и писать?

– Да, так и пиши.

– А это?

– А это каструля.

Я написал, чем немало удивил мою первую учительницу, Веру Степановну, которая поставила мне тройку с минусом. После этого, я, хоть и в шутку, но твердо заявил, что больше никогда не буду просить у мамы подсказки.

В младших классах, мама частенько приходила ко мне в школу учить наших девочек какому-нибудь танцу к празднику.

– Эх, Генка, – говорила она с досадой, – ну почему ты такой упрямый.

А я наотрез отказывался участвовать во всякого рода «танцульках». Зато я с удовольствием писал стихи, чем не один раз заслужил похвалу учительницы. Однажды моя одноклассница Тома отнесла показать один стишок своей маме, которая, как говорила Тома, сама писала и издавала стихи под своей девичьей фамилией «Кольцова». Отзыв был такой – они еще очень детские. Я не имел ничего против. Детские, так детские. Когда-нибудь станут взрослыми. Постепенно участие мамы в моей учебе стало сводиться к вопросу в конце четверти: сколько у меня четверок? Я честно отвечал.

Тетя Лена Гринько

Прошло довольно много времени после нашего переезда на основную жилплощадь, а пристройка все пустовала. Мы уже начали надеяться, что новых жильцов там не будет, но с первыми теплыми днями туда нагрянули строители. Они что-то там укрепили и побелили, и

мы поняли, что с нашей легкой руки, горсовет решил, что в его распоряжении появилась новая площадь. Жилая. И, действительно, скоро туда переехала семья. Женщина с двумя детьми. Ее звали Елена Гринько, мальчика Толя, он был немного старше меня, а девочка Алла, чуть старше моей сестры.

Тетя Лена рассказывала, что они жили в Белоруссии, но были вынуждены переехать из-за преследований бывшего мужа. Жили они бедно. Денег едва хватало от получки до получки. Но у тети Лены, несмотря ни на что, был легкий и беззаботный характер. С зарплаты она устраивала настоящий пир: картошку в мундирах, селедку и квашеную капусту. Приглашала она и нас с мамой, и с тех пор для меня это одно из самых любимых блюд.

Тетя Лена работала на трикотажной фабрике. В числе прочих там шили женское трикотажное белье. Иногда она приносила комбинацию, обмотав ее на голое тело вокруг талии. Мама покупала у нее это белье. Не знаю, по какой причине: то ли это был дефицит тогда, то ли, чтобы поддержать подругу.

По понятной причине с Аллой я общался мало, а вот с Толиком мы были дружны. Приблизительно через год тете Лене удалось устроить детей в интернат, так что видеться мы стали гораздо меньше. А еще через пару лет она вышла замуж за местного. Он был вдовцом, и Гринько переехали в его большой дом. После этого мы виделись еще один или два раза.

Спиннингист

Я буквально заболел спиннингом, когда прочел о нем в журнале «Рыболов-спортсмен». Во втором классе упросил отца купить первое снаряжение. На вопрос отца, какое удилище покупать, попросил выбрать самое крепкое. Мне казалось, что для этой ловли нужны самые прочные снасти. О том, водится ли в нашей речке такая рыба, для которой они могли пригодиться, я как-то не думал.

В итоге к началу зимы я стал обладателем крепкого двуручного удилища, большой инерционной катушки и лески приблизительно миллиметровой толщины. С выбором блесен я тоже долго не раздумывал: выбрал пару самых крупных «колебалок».

Когда все было готово, я с нетерпением стал дожидаться воскресенья. Рано утром, в середине января мы с моим одноклассником Сашей Астаховым отправились на рыбалку.

В это время года других рыбаков на реке не было. Латорица, хоть и не замерзала, но по утрам покрывалась ломкими ледяными закраинами. Мы перешли через деревянный мост и по крупному булыжнику подошли поближе к монастырской горе. Здесь вода сильно бурлила, хоть и была совсем мелкой. Все это не останавливало меня. Я подошел к самой воде, резко взмахнул удилищем и отпустил катушку. Полученный результат значительно превзошел все мои ожидания. С одной стороны, блесна довольно далеко улетела в воду. Но со стороны другой, катушка еще долго продолжала вращаться и леска свободно с нее спадала и сворачивалась клубками. Наконец катушка резко дернулась и остановилась, а огромный клубок лески застрял у первого пропускного кольца моего удилища.

Одним словом, я сделал «бороду», да еще какую! На моей катушке оставалось совсем мало лесы, потому что вся она ушла в пресловутую бороду. О дальнейшем продолжении ловли не могло быть и речи. Дрожащими от волнения руками я принялся распутывать гигантский моток лески, но скоро понял, что только затягиваю, а не распутываю узлы. Замерзшими пальцами я с трудом собрал по берегу мелкий хворост и разжег костер. Делать было нечего. Я собрал манатки, и мы с позором отправились по домам. Это происшествие надолго отбило у меня охоту заниматься спиннингом.

Дядя Коля

Его звали Николай Брыжак.

Отец у дяди Коли был цыган, а мать – мадьярка, но по паспорту он числился русским. Таков был тогдашний мейнстрим. Его жена, тетя Вера, мамина сестра, была высокой, и, судя по старым фотографиям, красивой девушкой. Что заставило ее выйти замуж за маленького, носатого юношу, моложе себя на несколько лет, каким был дядя Коля, оставалось загадкой. У них родилась дочь Надя, моя двоюродная сестра. Я никогда не видел тетю Веру красивой, потому что несколько лет потребления морфия кого угодно превратят в развалину. Это была семейная тайна, о которой не принято было говорить.

Тетя Вера была откровенно неважной хозяйкой, если судить по качеству питания семьи. Однако дядя Коля любил свою жену, несмотря ни на что. Тетя Вера отправила дочку к родителям в село, а сама либо готовила редко, либо вообще ничего не готовила. Поэтому они жили впроголодь. Мама сочувствовала дяде Коле, но она не могла, конечно, приглашать его столоваться постоянно. Зато в тех случаях, когда ей случалось пересолить блюдо, приглашали Николая, и тот съедал все до крошки.

При всем при том жили Брыжаки значительно богаче нас. Их квартира была хорошо обставлена мебелью. В ней был холодильник, это в начале пятидесятых, и даже черно-белый телевизор. В телевизоре мы не очень нуждались, потому что передачи велись только на венгерском или чешском. Вещания на русском языке в Закарпатье не было вплоть до нашего отъезда. Что касается холодильника, то у нас его не было не только в Мукачево, но и все время жизни в Светловодске, аж до моего отъезда в институт.

Помню, еще когда мы приезжали в отпуск в Закарпатье, у дяди Коли уже был мотоцикл. Мне запомнился один случай. Мы загостились в Мукачево и опоздали на последний автобус, идущий в Русское. Решено было добираться на мотоцикле. Отец был прилично пьян, иначе он не пустился бы на подобную авантюру. Он сажал меня к себе за руль, а маму на багажник, но мы раз за разом падали, то просто на асфальт, а то в глубокий кювет. Чем закончилась эта история я не помню, но все остались живы. Скоро дядя Коля вместо мотоцикла купил машину, на которой, я не помню, чтобы он катал кто-либо из нас.

Вспомнил забавную историю, рассказанную отцом, о том, как дядя Коля охотился на уток. Не знаю, видел ли он, как отец стрелял уток в Грузии, или только слышал его рассказы, но дядя Коля тоже захотел стать охотником. Он купил одноствольное ружье и всю необходимую для охоты амуницию и пошел охотиться на соседний пруд. Отец рассказывал ему, что стрелять нужно только по летящим уткам, но дядя Коля не внял его советам. Когда он подкрался к воде, то увидел совсем близко плавающих селезней. Выстрел оказался удачным, потому что сразу несколько уток перевернулось кверху лапками. Пока он складывал добычу в мешок, к нему подошел хозяин, живущий рядом с прудом. В селе все знали друг друга, хотя, не могу сказать, что питали дружеские чувства.

– Ты зачем пострелял моих уток? – спросил хозяин.

– Это не твои, а дикие! – возразил ему дядя Коля.

– А ну, покажи! – настаивал тот.

На беду, среди пестрых уток оказалась одна белая. Пришлось дяде Коле платить за убитых домашних уток втридорога.

Новый толчок к возрождению моего интереса к спиннингу дал, как ни странно, дядя Коля. В отличие от охотничьих проблем, дела со спиннингом пошли у него не в пример успешно. Однажды тетя Вера угостила нас жареной шукой, которую намеренно поймал ее муж, и это окончательно сломило наше недоверие.

Я почти с благоговением рассматривал снасти дяди Коли. Гибкое металлическое удище, невиданная мною прежде катушка, называемая безынерционной, и тоненькая леска. А блесны: маленькие, с продолговатыми лепестками, надетыми на жесткую проволоку, они не колебались во время проводки, а быстро вращались вокруг своей оси. Поэтому и назывались – вращающимися.

Отец расщедрился и купил дорогие удилище и катушку. Блесны я тоже нашел и в дальнейшем собирался делать их самостоятельно. Дело оставалось за малым – леской, она должна была быть тоненькой, но крепкой. Такой лески в магазинах не было. Дядя Коля доставал импортную леску контрабандным путем, но заломил за нее цену, по понятию отца, просто грабительскую – три рубля. Это при том, что в магазине отечественная леска стоила в несколько раз меньше.

Отец от предложения свояка отказался, и мне пришлось довольствоваться отечественной. Прошло еще несколько лет, прежде чем мне удалось приобрести импортное сокровище. Меня выручил случай. К нам в секцию гимнастики пришли модельеры из Москвы. Они искали подходящего мальчика, так как их ребенок заболел и остался дома. Из всей секции выбрали одного меня. Я не стал отнекиваться и только спросил, в каком классе учиться их мальчик. Мне ответили, что окончил первый класс. А я уже перешел в седьмой. Тем не менее одежда мне подошла, я мужественно продефилировал несколько раз по импровизированному подиуму и в заключение получил вознаграждение размером в три рубля. Нисколько не колеблясь я отдал их новоявленному «гобсеку» и получил вожденный моток лески.

А тогда, для того чтобы разузнать секреты ловли на спиннинг, я упросил дядю Колю взять меня на речку с собой. Честно говоря, никаких откровений я от него не получил. Почти все я знал либо из прочитанных книг и журналов, либо из собственного опыта. Единственно, что меня удивило, так это, как мы с ним завтракали. Я, как обычно, – бутербродом с маслом и колбасой. А он – кусочком хлеба с половинкой острого перца.

Сливянка

Мама была отличная хозяйка. Уже в Грузии она не только растила двоих детей, но научилась вкусно готовить дичь, которую в изобилии приносил отец в сезон охоты. Но жизнь в Грузии, честно сказать, я помню довольно плохо, а вот пребывание в Мукачево запомнилось очень ярко. Помню, еще издали я чувствовал запах вкусной еды, которую готовила мама.

Отец был мясоед. Поэтому мама даже в национальный украинский борщ неизменно добавляла изрядный кусок мяса, как правило, с мозговой костью, которую отец любил со вкусом обгладывать своими крепкими белыми зубами. Даже пельмени, которые она лепила сама, мама варила на мясном бульоне обязательно с косточкой. Пельмени мы всегда ели как суп, а отец заканчивал еду мозговой косточкой. Одним из любимых наших блюд были жареные пирожки. Отцу больше нравились пирожки с зеленым луком и яйцами, а мне эти и все другие: и с вареной картошкой, и жареным луком, и с капустой, и с ягодами.

Впрочем, не обходилось и без накладок, особенно, когда пытались освоить нечто новое. Так, отцу долгое время хотелось освоить изготовление «сливянки», то есть самодельного вина из слив. Я не знаю, кто больше приложил руку к этому напитку. Отец или мама, но эффект оказался просто ошеломляющим. Помню, подготовились к процессу изготовления наливки со всей тщательностью. Приобрели большую бутылку литров на двадцать, всевозможные резиновые трубки для отвода воздуха. Ну и все прочее.

Когда созрел урожай слив типа «угорка», зарядили аппарат и принялись ждать. После завершения процесса брожения, отец процедил полученный продукт и пригласил на дегустацию свояка – дядю Колю. Тот с удовольствием явился, и они употребили по паре рюмочек. Отец, у которого желудок был более чувствителен отправился в «ригу» почти сразу. А дядя Коля долго крепился, но, когда он пришел на следующий день к маме весь зеленый и заявил, что умирает, мама поняла, что со «сливянкой» что-то не так, и отправила все содержимое бутылки на помойку. Помойка в виде выгребной ямы была устроена под забором в глубине нашего участка. Дело было уже глубокой осенью, все фрукты и овощи уже давно были собраны, и на помойке беспрепятственно копались наши куры, которых мама ласково называла «мои

проституточки». Впрочем, это прозвище навряд ли можно было назвать справедливым, потому что петух на полтора десятка кур был только один.

Но зато какой! Огненно-рыжий, с переливами, красным гребнем и острыми шпорами – настоящий бойцовый экземпляр. Он держал в постоянном страхе не только детей, но и всех взрослых нашего двора. Бил безжалостно острыми шпорами и крепким клювом. Приходя домой, я заранее брал портфель в левую руку и защищался им как щитом, а в правой руке сжимал палку, которой только и можно было отбиться от несносной птицы.

И вот, поклевав на помойке остатки от так называемой «сливовицы», наутро сдохли все куры. Все до единой, во главе с петухом.

Только тогда родители поняли, какой опасности они себя подвергали. А наливку отец больше не пытался делать, по крайней мере, еще лет десять.

Инвалид

Едва Гринько уехали из пристройки возле нашего дома, как в ней появились новые жильцы. Это опять была женщина с двумя детьми. Мать была местной, неопределенного возраста и выглядела как-то изможденно. Дочка по имени Павлина была моей ровесницей, а сын Иван был тремя годами ее младше. Они жили в пристройке некоторое время втроем. А потом у матери появился сожитель. И он сразу почувствовал себя хозяином.

Это был рыхлый альбинос с поросячьими глазками в белесых ресницах, наглый и ленивый. Однажды он так объявил моей маме, почему не работает:

– Я инвалид.

И хотя потом он устроился куда-то охранником, это прозвище так к нему и приклеилось: «Инвалид». Я не знаю, что творил он у себя дома, но даже во дворе, так сказать «на людях», его поведение вызывало у меня бешеный протест. Инвалид измывался над бедным Ванькой и заставлял без конца выпрямлять гвозди, которые он откуда-то доставал в неограниченном количестве. Бедный мальчишка был забит до крайней степени и постоянно ходил в синяках.

Однажды мы встретились во дворе. Двери наших сараев находились совсем рядом. Я стоял перед дверью и колол дрова. А Ванька, как обычно, правил гвозди. Вышел Инвалид и принялся учить мальчика.

– Иванэ, нэ так цэ робиш!

Дальше я не берусь передать его слова прямой речью, поэтому перескажу смысл. Мол, непослушных детей следует учить. Вон твоего соседа Гэну мать в детстве мало лупила...

Тут он прервал свою тираду, потому что увидел, что я оставил свое полено и молча, с топором в руках, направился к нему. Инвалида как ветром сдуло. Он остановился только за своей дверью и боязливо из-за нее выглядывал.

Оказывается, он был еще и трус. И кого испугался? Десятилетнего пацана. Исподтишка он даже шпионил за мной. Однажды, много лет спустя, сестра показала мне фотографию длинноногого и тощего мальчишки, склонившегося над кустом смородины.

– Узнаешь? – спросила она.

– Кто это? – я недоуменно пожал плечами, – лица ведь не видно.

– Это Инвалид тебя фотографировал. Я взяла только одну карточку.

О том, как мы уезжали, я расскажу в одном из следующих клипов, а сейчас завершу свою историю шокирующей информацией.

Через несколько лет мы узнали, что Павлинка родила двойню в неполных семнадцать лет. Кто был отцом так и осталось неясным, потому что ей вроде как ни с кем не разрешали встречаться.

Папиросы «Казбек»

Сегодня ночью мне приснился сон о том, что я как будто снова курю.

Причем это было так правдоподобно, словно я на самом деле пускал дым, и мне это было не неприятно. И тогда я вспомнил связанный с курением случай из далекого детства, который характеризует меня, увы, не лучшим образом, но зато мама в нем такая, как была на самом деле.

Мне едва исполнилось семь лет, но мы уже живем на Севастопольской улице. Я стащил из ридикюля у мамы три рубля и купил папиросы «Казбек». Видимо, это было престижно среди мальчишек моего возраста – курить папиросы «Казбек». Там, где на коробке изображен горец, скачущий на фоне снежных гор. Одним словом, сижу я, гордый собой, курю у всех на виду, за забором соседней воинской части, покачиваясь на толстой ветке растущего там куста.

Вдруг, вижу, идет с работы моя мама. Я с испуга даже с ветки свалился. А она подошла, как ни в чем не бывало, позвала меня, и мы вместе пошли домой. Нет, она меня совсем не ругала, просто говорила со мной, как с совсем взрослым.

– Понимаешь, сынок, – сказала она тихим голосом, – вот, ты взял у меня без спроса три рубля. А ведь это очень плохо, это воровство. Но хуже всего то, на что ты потратил эти деньги. Ладно бы на булку или конфеты, это я еще могла бы понять, но покупать на ворованные деньги папиросы – это совсем плохо. Пожалуйста, больше никогда так не делай.

Я дал ей слово, но сдержал его только на половину. Я старался никогда больше не брать ничего чужого, а свое обещание не курить я не сдержал. Я покуривал, за компанию с мальчишками в детстве, и в лесу, и на рыбалке, и в школе. Иногда и в институте, но чаще всего – в армии.

Здесь я курил, можно сказать, по необходимости. Летом в самолете было жарко, температура под пятьдесят градусов. А под самолетом, на ветерке, значительно прохладнее. Всего каких-то сорок. Собирается на перекур весь наземный экипаж «сорок восьмого», а вредный Тимка, старший техник нашего самолета, говорит:

– Ты, Кумохин, некурящий, так что не сачкуй, иди работай.

Приходилось закуривать. Зато, как только я демобилизовался, больше не курил ни разу. Вот уже почти сорок пять лет.

Три Рекса

Где-то я читал, что животные часто бывают похожи на своих хозяев.

В Закарпатье, как только появилась возможность, у нас один за другим были три кобеля, каждого из которых звали Рекс. Причем, каждый раз отец брал маленького щенка, а потом вырастало... – словом, то, что вырастало.

Первый Рекс вымахал огромным зверюгой, который как легкую щепку таскал по двору тяжеленную будку, к которой он был привязан.

Зато на нем мы запросто могли прокатиться, как на жеребце или запрячь в санки с несколькими ребятами. Однажды, разбаловавшись, он проглотил мою кожаную варежку. Мы с тревогой ждали, не навредит ли это собаке, но через пару дней нашли пропажу, правда уже в совсем непотребном виде. Так прошла целая зима, а по весне он научился отделяться от ошейника и убегать на целую ночь. После одного такого побега он уже не вернулся.

Второй Рекс был почти чистокровной гончей, но у нас он разъелся сверх всякой меры, поэтому головка у него стала казаться маленькой, а шея очень толстой. В результате ему ничего не стоило освободиться от любого ошейника. Для этого стоило ему чуть попятиться, и ошейник оказывался отдельно, а пес отдельно. Но он никуда не пытался убежать, а просто мирно укладывался рядом. Как только начался сезон охоты, мы с отцом взяли его в поле. Но тут он ничем себя не проявил.

До тех пор, пока мы не повстречали отару овец. И тут он, словно и был для этого предназначен, принялся с азартом стогнать овец в гурт. Старый чабан мигом оценил его способности и принялся просить отца уступить ему собаку.

– Ладно, – согласился отец, – берите, если он вам нужнее.

В конце охотничьего сезона мы снова встретились со знакомым чабаном. Вокруг стада деловито бегал наш Рекс, который нас совсем не узнал.

А третий Рекс вообще учудил. Он умел улыбаться. Рекс улыбался всем: и знакомым, и незнакомым. Вместо того, чтобы встречать чужих лаем. У родителей просто опустились руки. И тут сослуживица мамы, богатая еврейка, у которой был дом за рекой, попросила отдать третьего Рекса ей.

– Да, пожалуйста, – ответила мама, – забирайте.

Через месяц я зашел в тот дом проведать бывшего Рекса. Мне навстречу бросилась огромная, свирепо лающая псина.

Лазня

Совсем недавно я наткнулся в интернете на заметку о том, что в Древней Руси баню называли «лазня». И тут я вспомнил, что именно с таким названием висела в Мукачево вывеска на здании, в котором располагалась баня. Здание находилось на улочке, идущей влево от центральной улицы параллельно реке Латорице.

Какой она была в мое время, я, разумеется, не помню, а сейчас она называется улицей Рауля Валленберга. На месте бывшей бани сейчас расположен то ли банк, то ли кафе. Баня выполняла свои функции, видимо, задолго до прихода Советской власти в Закарпатье. Само здание было двух или трехэтажным, но я выше первого этажа никогда не поднимался. Все его помещения были выложены светлым кафелем.

В бане отсутствовал привычный для нас общий зал. Все моечные помещения были разбиты на индивидуальные комнатки, в которых установлены ванны и души. Нам в коттедж на Севастопольскую провели водопровод только в последние пару лет пребывания в Закарпатье, а все остальные годы в холодное время года, мы с отцом ходили в «лазню».

Больше всего мне нравилось ходить в баню в раннем детстве. Особенно, если отцу удавалось купить время в номере с двумя ванными. Помню, как тщательно он намыливал и оттирал щеткой кремово-белые, стоящие посреди помещения ванны, а затем заполнял их теплой водой. Пока он тщательно мылся в своей ванной, я успевал от души понырять в своей. Затем отец принимался за мое тщедушное тельце, и все хорошее в бане для меня заканчивалось. Ну, а в душевой вся романтика исчерпывалась стоянием под теплыми струйками воды.

Возвращаясь к далекому детству, замечу, что у старшего поколения местных, особенно на селе я вообще не замечал особой чистоплотности. Помнится, бабушка говорила, что отец ее зятя Николая вообще не мыл ноги ни разу в жизни. Однако давил виноградный сок на вино он всегда босыми ногами.

На пасеке

Я закончил второй класс с отличными оценками, и родители подарили мне детский фотоаппарат. Только успел вставить в него пленку и уже готовился приступить к своей первой, как говорят сейчас, фотосессии. Ездить в пионерлагерь я уже престал, и, как утверждала мама, слонялся без дела со своими приятелями. Тетя Лена Болото предложила мне поехать вместе со своим сыном на пасеку. Я согласился и предложил третьим взять нашего общего приятеля Сашу Рубанова.

В ближайший выходной мы втроем, в сопровождении тети Лены, погрузились в автобус и отправились в горы. Я не помню, было ли это село с одноименным названием Пасека, или это было другое село, но пасека там была точно. И это было в Карпатах.

Сразу по приезду в село мой фотоаппарат вызвал невиданный ажиотаж среди местных ребят. Каждый хотел сфотографироваться. Сначала в одиночку, а потом вместе с друзьями. На первых порах я был даже рад своей неожиданной популярности. Но через пару десятков

снимков внутри фотоаппарата что-то хрустнуло, и я с огорчением понял, что моя фотосессия на этом завершилась. То ли пленка просто закончилась, то ли, что еще хуже, она оборвалась. В любом случае я понял, что больше ни одного кадра мне получить не удастся. Но желающих сфотографироваться ребят как будто и не убавлялось. Больше того, когда я попытался объяснить, что никого сфотографировать я больше не смогу, на меня стали сильно обижаться. Появились очень недовольные местные мальчишки, которые уже сжимали кулаки, и продолжением этого, вполне возможно, случилась бы драка. И тогда я совершил свое первое должностное «преступление».

Я продолжил фотосессию. Когда я сделал еще с полсотни щелчков фотоаппарата, количество желающих сошло на нет, и, даже не поинтересовавшись, когда будут готовы снимки, все энтузиасты разошлись. Правда, Рубанов заподозрил неладное и поинтересовался, как это мне удалось сделать так много снимков на одну пленку. И я ему честно во всем признался.

Когда мы пришли, наконец, на пасеку, я засунул свой фотоаппарат поглубже в сумку и больше о нем не вспоминал. По приезду домой, я все-таки проявил злополучную пленку, но оказалось, что она засвечена. Вся до последнего кадра.

Мы поселились в избушке пасечника, сооруженной в прямой видимости от ульев. Пасечник, дальний родственник или даже просто знакомый тети Лены, особой заботой о нас себя не утруждал. Он приходил нас проведать раз в день, приносил свежий хлеб и банку парного молока, проверял, все ли в порядке с пчелами, и отправлялся в село, где у него, очевидно, были более важные дела.

А мы всю неделю наслаждались абсолютной свободой. Мы купались в соседнем крохотном ручье, где из камней была сооружена небольшая запруда, в результате чего вода в нем доходила до колена. Регулярно питались. Пасечник оставил нам достаточно свежего меда из первой выемки, и мы объедались им, что называется, «от пуза». А со свежим хлебом и молоком это было просто пиршество. Ссорились, в силу различий в домашнем распорядке и привычках, мирились, в меру баловались. И вместе отбивались от пчел, когда те в обилии прилетали к нам, привлеченные запахом ароматного меда. Поначалу мы еще как-то реагировали на каждый довольно болезненный укус, а потом привыкли, и только не без ехидства посматривали друг на друга, замечая значительные изменения на наших лицах.

Когда на следующий выходной приехали наши матери, они нас попросту не узнали. Настолько мы стали похожи между собой – прямо родные братья, но только с явно азиатской внешностью. На наших мам смотрели одинаково опухшие физиономии, где для глаз сохранились только узенькие щелочки.

Кукурузное поле

В конце августа открылась утиная охота, и отца, который еще не успел окончательно отвыкнуть от охоты на перелетную дичь в Грузии, в бытность свою начальником заставы в Шекветили, неудержимо потянуло на утиную тягу. По непроверенным слухам, подходящая местность была где-то на равнинной западной части Закарпатья. И вот мы высадились из утреннего автобуса в поле за Великими Лучками, в надежде найти подходящее место, с непугаными утками. Однако мы шли час за часом, то по проселочным дорожкам, то по тропинкам, а чаще напрямик, но никакого даже неприметного болотца не было и в помине. Несмотря на то, что мы собирались на охоту, я все же прихватил с собой одну из своих удочек. Сначала отец держал свою двустольную «ижевку» наперевес, ожидая, что вот-вот выпорхнет перед нами селезень, а я шел, соблюдая дистанцию, справа и немного сзади. Потом, убедившись, в тщетности встретить дичь, повесил ружье дулом вниз, а после передал его мне. У отца за спиной был его еще военный рюкзак с провизией и патронташ на поясе, а я нес ружье и удочку. Словом, экипированы мы были на славу.

Однако, по-видимому, это был «не наш день». Мы шли километр за километром, и вышли на большое кукурузное поле. Время приближалось к полудню, и здесь было по-настоящему жарко. У моего отца был армейский обычай: куда бы он ни шел, на охоту или рыбалку, в любое время года, он никогда не брал с собой воды. Первые годы, особенно пока я совсем был мелким, лет до семи, я иногда не выдерживал и просил напиться. Тогда он останавливался у какой-нибудь лужи и говорил:

– На, пей.

Тотчас всякая охота у меня пропадала. Зная, какой брезгливый я был от природы, он мог быть уверен, что никакой заразы я не подцеплю. Зато как отводили мы душу, придя домой. Мама кипятила чайник, заваривала чай, а на самом деле воду с вареньем, наливала его во все имеющиеся в доме чашки и стаканы, и мы с наслаждением утоляли жажду.

Наконец мы вышли на берег речки, разумеется, это была Латорица, такая знакомая мне река. Только здесь она текла по равнине и была спокойной и ленивой. Берег, насколько мы могли видеть, был в колючих густых зарослях. Так что у нас даже и мысли не возникало пробраться к воде. Перед нами встал вопрос: куда идти дальше. Мы повернули направо и пошли вдоль берега Латорицы.

Я смотрю в интернете на карту «Спутник» и вижу, какую мы совершили ошибку. Поверни мы налево, очень скоро добрались бы до искомого болотца. А так, впереди нас ожидал почти десятикилометровый прямой, как по линейке отмеренный берег. Это сейчас со «Спутника» на нем видны ровно нарезанные прямоугольники полей и огородов, а полвека назад здесь было только одно поле – кукурузное.

Первое время мысль о том, что мы можем заблудиться не в лесу, а на поле, пусть даже очень большом и кукурузном, нам даже и в голову не приходила. Однако, чем сильнее припекало стоявшее почти в зените солнце, тем больше нас мучила жажда.

Одно дело переносить жару в лесу или на лугу среди веселой травы и пения жаворонков, а другое дело – на этой черной, едко пылящей при каждом шаге, без единой травинки земле, из которой как острые пики торчат трехметровые стебли кукурузы. В довершение средневековой пытки листья кукурузы превратились в желто-зеленые, изогнутые мачете, которые оставляли порезы на руках и шее при каждом неосторожном к ним прикосновении. Я не жаловался, так как знал, что жаловаться бессмысленно. Пот, который сначала обильно выступал, высох, и язык ворочался во рту, как сухая щепка.

– Ах, я, старый дурак! – услышал я слова идущего немного позади отца и, повернувшись, увидел его черное от пыли в потеках пота лицо.

Моему «старика» не было и сорока лет, и ему предстояла еще очень долгая в полвека жизнь. Мы не умерли, а вышли из этого проклятого поля. Солнце уже явно клонилось к закату. Заросли кукурузы расступились, и мы вышли на проселочную дорогу. Колючая поросль вдоль реки тоже закончилась, и через Латорицу пролегал деревянный мост.

За дорогой был самый настоящий лужок, с недавно скошенной травой и стожками сена, собранными заботливыми руками. Моментально сбросив одежду, мы оказались в реке. Мы по очереди через мою кепку пили теплую мутноватую воду, и, казалось, я в жизни не пробовал ничего более вкусного.

Дальнейшее было просто: вдоволь накупавшись, я отыскал червяка в глине у берега, и скоро у нас в руках оказалось штук пять небольших окунишек, очень подходивших для ухи, которую отец споро приготовил в испытанном закопченном котелке. А потом мы еще долго сидели у догорающего костра и уже со смехом вспоминали выпавшее на нашу долю приключение. Мы немного примяли пару соседних стожков и легли поверх пахучего сена, запрокинув головы и глядя на темное бархатное небо с неисчислимым количеством сияющих звезд. У меня было ощущение, что я впервые заглянул в вечность.

Поездка на Днепр

Наш переезд на Днепр не был спонтанным, а готовился, по сути, очень долго. В течение нескольких лет в разных местах этой великой реки успели побывать все, кроме сестренки, которая все еще оставалась маленькой. А вот как в первый раз увидел Днепр я.

С весны на строительство Кременчугской ГЭС уехал отец, а в середине лета он сообщил, что ждет нас с мамой. И мы поехали, но не обычным способом, а на автобусах, которые перегонялись на капитальный ремонт в город Павлово-на-Оке, кстати, на родину отца. Но мы не собирались ехать до конца маршрута, а планировали добраться только до Киева.

Автобусов было три, они были старые и без конца ломались. Тогда все останавливались, и водители сообща устраняли неисправность. А потом все вместе трогались снова. Карпат я не заметил, очевидно, мы проехали их еще в первую ночь. Я запомнил медленное движение по равнинной Украине, ее бесконечные поля с уже желтеющей пшеницей и аккуратные хатки сел, утопающих в густой зелени деревьев. На третий день движения мы подъели все припасы, которые мама приготовила в дорогу и, главное, выпили всю воду. Как назло, очень хотелось пить.

И тут мы проехали мимо села, в одной из хаток которого почти на дорогу свесились ветки с красными ягодами. Мама попросила водителя остановиться, мы вышли из автобуса и направились к стоящей рядом с домиком хозяйке.

– Продайте нам ягод, – попросила мама.

– Та берить скильки завгодно задарма, – приветливо ответила хозяйка.

Я буквально набросился на склонившиеся к земле ветки, унизанные спелыми крупными ягодами. Это оказались не черешни, как мы думали, а вишни. В Закарпатье они не росли. Вишни мне очень понравились, но, когда я съел их достаточно много, у меня буквально свело скулы.

– Это называется, «набить оскомину», – прокомментировала мое состояние мама, – ничего, скоро пройдет.

В Киеве мы проехали по главной улице города.

– Это Крещатик, Геночка, – сказала мама, – такая красота, а мы тут тащимся на своих тарансах. Неудобно даже.

Я во все глаза разглядывал непривычно высокие и красивые здания. На пристани мы купили билеты на пароход. Он был под завязку забит пассажирами. На верхних палубах стояли покрытые тканью плетеные корзины, от которых маняще пахло клубникой. Когда мы будем жить в Светловодске, я успею изучить маршруты пароходов, везущих ароматную ягоду. Сначала с юга, вверх по течению, а потом в противоположную сторону, когда начнет созревать клубника в более северных районах. Эта первая поездка на пароходе запомнилась мне тем, что ночью я скатился на чемодане вниз по крутой лестнице, рядом с которой меня уложила мама, за неимением другого подходящего места. И ничего, обошлось без последствий. И еще скандалом в ресторане, когда повара поймали за тем, что он подливал в котел с готовым борщом сырую речную воду.

Наконец, мы встретились с отцом. Позже я так и не смог отождествить, где же на самом деле он тогда жил. Помню только, что это было настоящее село с белыми домиками под соломенными крышами, и вездесущий песок, который не только лежал под ногами, но ввиду недалеко гигантской стройки постоянно висел в воздухе и норовил забиться в глаза, нос и уши.

Когда мы приехали, отец заявил, что блесен у него больше не осталось, но рыбалка здесь такая, что и без спиннинга, можно наловить на любую уху. Червей, как я ни старался, мне накопать не удалось. А потом оказалось, что это и не нужно. Импровизированной удочкой из тонкой ветки тальника на катышек хлеба я поймал верхоплавку. А затем на ее глаз – приличного окуня. И пошло – поехало. Через час рыбы набралось достаточно. А тут еще поблизости обнаружился крохотный ручеек, впадающий в Днепр, с переползающими по мелководью рыбеш-

ками. Там мой улов пополнился щуренком и незнакомой мне черной, похожей на толстого ужа рыбой, в которой отец признал угря. Мама потом долго ворчала: его режешь, а он пищит.

К сожалению, все прелести днепровской рыбалки не перевесили тогда в глазах мамы неудобства предстоящей сельской жизни. Поэтому в тот раз мы вернулись обратно в Мукачево. Скоро строители достроили плотину, и началось заполнение рукотворного кременчугского моря. Огромное водохранилище затопило множество плодородных земель, сел и даже такой город, как Новогеоргиевск. Но всего этого я уже не видел, да и не осознавал, потому что был всего лишь десятилетним пацаном. Но в памяти у меня навсегда осталось: бескрайний простор, белый песок и голубая прозрачная вода. К сожалению, этого уже больше никто не увидит.

День сурка

Мне запомнилась одна удивительная по своей повторяемости смена погоды в Закарпатье. Летнее утро. Теплое, погожее. Вся природа выглядит какой-то особенно чистой и приветливой. Так и хочется улыбнуться всему на свете.

После завтрака начинает по-настоящему пригревать. И всех, от мала до велика так и тянет на городской пляж. Разумеется, тех, кто не занят работой, или тех, у кого, как и у меня, продолжаются летние каникулы.

На пляже – не протолкнуться. Собственно, пляж в нашем городке, это небольшой клочок зеленой травы в низинке, образованной излучиной реки за большим городским парком.

Речка здесь совсем мелкая. По крайней мере, со стороны пляжа. В ней прощупывается крупная галька, а иногда, особенно когда в горах давно не было дождей и уровень воды пару недель не повышался, дно успевает покрыться нежной пенкой ила, в котором так весело барахтаться совсем еще мелкой ребятне. И только у противоположного берега проходит стержень течения, и там гораздо глубже. Пожалуй, по грудь взрослому человеку.

Когда я был еще совсем маленьким, я даже умудрился там чуть не утонуть. Это было в тот день, когда я пришел проводить одного из наших Рексов к маминой коллеге, живущей на противоположном берегу Латорицы. Рядом с ними работала фабрика, на которой давили подсолнечное масло, и поэтому все вокруг, и даже на пляже удивительно приятно пахло. На обратном пути мы с ребятами вышли на берег реки, как раз напротив пляжа. Мальчишки были постарше меня и тут же полезли в воду, а следом за ними и я. Но я еще не умел как следует плавать и только-только проплыл несколько метров по-собачьи. Меня подхватило течение и, вместо того, чтобы оказаться на мели напротив пляжа, я оказался гораздо ниже. Я стал на ноги, но погрузился почти с головой.

И тут я испугался... Меня подобрала лодка перевозчика, которая курсировала как раз ниже по течению. С тех пор я научился уверенно держаться на воде, но еще долго не любил вспоминать этот случай, справедливо полагая, что выглядело все ужасно глупо.

Время медленно течет, и к обеду становится все жарче и даже по-настоящему душно. Поэтому никто и не думает уходить с пляжа. Но тут на западе, на том отрезке горизонта, который единственно не закрыт выступающими с трех сторон невысокими горами, начинает формироваться темная, почти фиолетовая туча. Постепенно она все растет и занимает теперь уже значительную часть неба. Видно, как она угрожающе клубится и между ее частями проскакивают сверкающие молнии. Некоторые, наиболее предусмотрительные отдыхающие начинают собираться домой, но только не мы – мальчишки. Мы будем сидеть в воде до последнего, и только когда от порывов ветра по воде побежит мелкая рябь, а в воздухе запахнет скорым дождем, мы опрометью помчимся с пляжа, надевая на ходу рубашонки и короткие штанишки. Кто-то успеет добежать до дома почти сухим, а кого-то накроет с головой хлынувший как из ведра тропический ливень.

Постепенно ливень переходит в обычный дождь, а тот – в легкую изморось. В это время хорошо сидеть дома у окна и смотреть, как за окном медленно сгущаются сумерки. Все. Пора спать.

А завтра опять ясное солнышко и умытая листва. Потом пляж и полуденный солнцепек. Затем опять фиолетовая туча на горизонте. И бушующие потоки с неба.

А напоследок дня – ленивые капли в водосточных трубах:

– Кап – кап.

И опять:

– Кап – кап.

И так изо дня в день. Много раз подряд. Вот что такое настоящий «день сурка».

Лепестки сакуры

В детстве мне особенно нравилась Первомайская демонстрация. В Мукачево в это время года всегда было по-летнему тепло. Мы ходили колонной в черных сатиновых трусиках и белых маечках, всегда по одному и тому же маршруту, и я с замиранием сердца ожидал, когда же наша праздничная колонна пройдет по улице Московской, где в это время всегда цвели высокие деревья сакуры и вся мостовая была усыпана розовыми лепестками.

Я узнал, как называются эти деревья только недавно, когда начал смотреть в интернете фотографии цветущих деревьев. Мама называла их «китайская роза», но это было неправильно. Китайская роза – это гибискус, у которого цветы красивые, но совсем другие. Они цветут только один день, и китайская роза – это кустарник, а не дерево.

Сакурой называют деревья семейства розовых, подсемейства сливовых (вид – вишня мелкопильчатая), цветы которых исполняет чисто декоративную функцию, то есть не дают плодов.

Когда задувал легкий ветерок, тысячи розовых лепестков пускались в свой последний полет. Иногда мне снится далекое детство, где самое трогательное воспоминание связано с этим полетом. Кажется, и сам я лечу, и так больно и сладко сжимается сердце, и хочется плакать, и я просыпаюсь, и снова утыкаюсь в подушку для того, чтобы вернуть этот сон.

Мое детство с каждым годом отдаляется все дальше и дальше, и с каждым осознанным стремлением вспомнить его, рассыпается и улетает, как те лепестки.

Охота в Закарпатье

Поздней осенью, еще до рассвета мы с отцом вышли из автобуса за селом Пестрялово. Стоял густой туман, и редкая машина, проходившая за соседним пригорком, сначала высвечивала причудливый столб света, бьющий высоко в небо, и только потом доносился звук ее мотора, а затем появлялось смутное очертание кузова.

Мы зашли в виноградники, и размокшая земля сразу облепила наши сапоги тяжелыми комьями. В довершение с рассветом пошел холодный осенний дождь. Он казался бесконечным, и скоро наши телогрейки набухли от влаги и сделались вдвое тяжелее. Но сколько бы мы не ходили вдоль виноградников, ни одного зверька даже не увидели.

– Нет, – сказал отец, когда мы совсем выбились из сил, – в такую погоду заяц сидит плотно и выскочит только в том случае, если мы на него наступим. А это, сам понимаешь, случается очень редко. Делать нечего. Давай-ка мы с тобой перекусим, а там посмотрим, что делать дальше.

В поисках подходящего укрытия, мы набрали на одинокий сарайчик. Он был доверху забит сухими поленьями, поэтому укрыться от дождя в нем не удалось. Зато поленья прекрасно годились для костра, который мы развели с подветренной стороны строения. Прячась за стеной сарайчика, мы развесили для просушки наши телогрейки и принялись за приготовленные мамой бутерброды. Дождь все не прекращался, и спешить нам было некуда.

Отец принялся рассказывать свои бесконечные истории, а я внимательно его слушал. Некоторые истории я знал уже чуть ли не наизусть, но мне все равно приятно было их слушать. Время от времени, мы проверяли, достаточно ли высохли наши телогрейки. Ждать пришлось довольно долго. Все это время мы с отцом, не таясь, громко разговаривали и, когда собрались уходить, время уже перевалило за обеденное. Мы затушили костер, проверили, не остался ли за нами мусор, и пустились в обратную дорогу.

У нас был строгий, годами проверенный порядок движения на охоте. Отец всегда шел впереди с ружьем наперевес, держа его дулом влево, а я шел справа и немного сзади. Так было нужно, чтобы случайно не попасть под выстрел отца. Но едва мы тронулись, как буквально из-под ног выскочил заяц и помчался вдоль проволоочной изгороди.

– Это он специально поближе прискакал, чтобы послушать наши рассказы, – говорил довольный отец, засовывая добычу в свой видавший виды, сохранившийся еще со времен войны брезентовый вещмешок.

В автобусе, который вез нас в город, редкие пассажиры недовольно на нас оглядывались и к чему-то принохивались. Ничего не подозревая, мы пришли домой и были встречены недоуменным возгласом мамы:

– Вас что, специально прокоптили?

И только тут мы почувствовали, что от нас ощутимо тянет дымком. Как обычно, мама поила нас чаем, а мы наперебой рассказывали ей о наших приключениях. После этого я умылся, даже голову помыл, но все равно, в школе еще несколько дней замечали, что от меня пахнет гарью.

Накануне охоты отец священнодействовал: доставал свой заветный ящичек, в котором хранились запасы пороха, дробы и пистонов, и собственноручно заряжал патроны. Покупные картонные заряды он не признавал, снисходительно называл их «пукалками» и насыпал в многозарядные латунные гильзы полуторную норму пороха.

В результате в сезон охоты и он сам, и я ходили с отметинами на средних пальцах правой руки, а я иногда и с припухлостью правой щеки, которые образовывались в результате жестокой отдачи отцовского ружья. По заведенной традиции, после окончания охоты я расстреливал газету, в которую мы заворачивали наши съестные припасы. Сначала я был еще мал, чтобы держать ружье на весу, поэтому отец соорудил для меня бруствер, чтобы я мог стрелять лежа. Через год – другой я уже мог стрелять, стоя на одном колене, и только спустя еще какое-то время стрелял из отцовского ружья, стоя в полный рост. Отец заразил меня духом неутомимого скитальчества, и не было в радиусе километров десяти от города такого места, где бы мы с ним не побывали.

Озеро «Военное»

На самом деле это было даже никакое не озеро, а просто пруд, в котором вода от небольшого ручья скопилась после строительства земляной дамбы в самой низкой части небольшой ложбины между двумя пригорками. Военные строители соорудили дамбу, построили небольшой домик и поселили туда сторожа, в обязанности которого входила не столько охрана, сколько сбор платы с рыболовов – любителей за посещение озера. Озеро «зарыбили» серебристым карасем и карпом, а пескари развелись в нем самостоятельно, в качестве бесплатного приложения.

Вот этими-то пескарями и ограничивался наш улов на первых порах. Так продолжалось до тех пор, пока я не начал всерьез интересоваться рыбной ловлей, и, для начала, обходить более удачливых рыболовов и выспрашивать, как и на что они ловят карасей. После этого мы поменяли наши снасти, заменили червей на тесто и перловку и ушли с дамбы в более привлекательные для карасей окрестности.

По весне это было самое узкое и мелкое место, куда впадал ручей, который еще только собирался стать озером. Вода здесь прогревалась быстрее всего. Это и привлекало рыбешек ранней весной. Уже в начале апреля карасики заходили сюда и набрасывались на любой корм, для того чтобы потом, месяц спустя у них хватило сил на нерестовые безумства. Совсем маленьким мальчишкой я наблюдал бесшабашное карасиное поведение, еще и не подозревая, что это и есть всеобщее следствие любви. Обычно осторожные в период нереста рыбешки совершенно переставали обращать внимание на человека и отчаянно барахтались в траве у самых моих ног. Мне стоило больших усилий, чтобы не поддаться соблазну и не попытаться схватить руками хотя бы парочку карасиков. Но нет, я знал, что делать это ни в коем случае нельзя. И крепился до последнего.

Зато как приятно было приехать сюда с отцом или одному чудесным апрельским днем, закинуть удочки, и, блаженно шурясь под ласковым весенним солнышком, подставить ему свои худенькие мальчишеские плечи. Каждую весну, вплоть до поступления в институт, я успевал загорать так, что после этого никакие летние солнечные ванны не могли мне причинить никакого вреда. И только посреди первой летней сессии, когда я отправился на Пироговское водохранилище и целый день провел на весельной лодке – вот тогда я по-настоящему обгорел в первый раз, чему несказанно удивился.

В предчувствии долгожданной весенней рыбалки, каждый раз, выходя в «военный» лес за первоцветами, которые мы без разбора называли «подснежниками», я неизменно делал поряточный крюк и заходил на озеро. Лиловые крокусы начинали появляться в Закарпатье в двадцатых числах февраля, когда на озере еще лежал потемневший лед, а ручей был почти сух и недвижим. Как-то раз я вытоптал резиновым сапогом приличную ямку в том месте, куда в апреле поднималась вода и была середина узкой протоки.

В тот апрель среди взрослых рыболовов проводили соревнование. Я приехал на велосипеде один, отдал деньги и отцовский охотничий билет сторожу – одноглазому Игнату и отправился на привычное место. Вокруг было много рыбаков. Каждый забрасывал по несколько удочек. Но клевало почему-то только у меня и притом только на одну удочку. Я не сразу сообразил, что закидывал ее именно в ту ямку, которую проковырял в конце зимы своим сапогом. Когда я собрался уходить и снова зашел к Игнату, он посмотрел на моих карасиков в садке и сказал:

– Зря я не записал тебя в число участников соревнования. С таким уловом ты был бы победителем.

Лес Форнош

В начале лета мы собрались в лес по грибы. Мы, это я, моя сестренка Иринка, четырех с небольшим лет от роду, и наш сосед Мишка со смешной фамилией Болото. Он еще дошкольник. Старшим был я. Мне еще не исполнилось восьми лет, но я уже окончил первый класс и считал себя достаточно взрослым. Родители, видимо, не сомневались в моих возможностях, поэтому отпустили нас втроем без сопровождающих.

Сначала мы пришли в так называемый «военный» лес. Он весь перекопан старыми и более свежими окопами. Говорят, иногда здесь проводят учения и гремят разрывы. Тогда вокруг леса выставляют охрану. Не знаю, не видел. Но ведь с конца войны прошло всего десять лет. Лес был буковый, взрослый, без подлеска. Травы здесь тоже было мало, поэтому в нем было видно далеко. Если бы были хоть какие-нибудь грибы, мы бы их сразу заметили. Однако грибная пора еще не наступила. Не было даже вездесущих поганок и мухоморов.

Убедившись, что здесь грибами и «не пахнет», я повел свою маленькую команду в соседний лес, который все называли Форнош. Мы шли по проселочной дороге вдоль «военного» леса. Слева от нас находилось «военное» озеро, а на самом деле пруд, который сформировала земляная плотина.

Однажды эта плотина рухнет, и от озера ничего не останется. К счастью, это произойдет еще очень нескоро. «Военный» лес, протянувшийся довольно узкой полосой километра на три, плавно переходил в Форнош. Это сразу было заметно по характеру леса. Здесь росли не только буки, как в «военном» лесу, но и высокие раскидистые дубы, сосны и еще много других деревьев, породы которых я тогда не знал.

Только грибов мы не нашли и здесь. Но это меня нисколько не расстроило, ведь впереди была еще большая часть прекрасного времени, называемого летом.

Мы как следует перекусили и вполне довольные продолжали свой путь. Прошли довольно много, прежде чем вышли к удобному броду через злополучный ручей. Я перенес сестренку, а Мишка перешел сам. Наконец мы вышли из леса, и вдалеке я увидел село, которое показалось мне знакомым. Судя по всему, это было Лалово.

То, что я узнал Лалово, было и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что я твердо знал, куда нам идти, а плохо, по той причине, что до дома было далеко. Однако времени у нас было еще много – солнце едва перевалило зенит. Правда, все уже порядочно устали и хотели пить. И тут мы подошли к подножию невысокой пологой горки.

Такие горушки здесь называли «винницами». Они, обычно, были сплошь засажены виноградниками. На этой горке виноградника не было.

Я помнил ее. Однажды, когда выпал достаточно глубокий снег, мы катались здесь на лыжах. Она была самой близкой к Мукачево, и почти единственной, расположенной на равнине. Западнее от нее был только Паланок, со знаменитой крепостью на вершине. Но зато на этой горке мы обнаружили целую поляну созревшей земляники, на которую мы ту же с жадностью набросились. Ах, как это было чудесно.

Летнее тепло, солнечный свет, густой аромат зрелых ягод и их неповторимый вкус. Одним словом, мы эту землянику ели, потом начали баловаться, а потом, разомлевшие, даже задремали. Когда я открыл глаза, солнце уже заметно клонилось к горизонту. Я растолкал сестренку и Мишку, и мы поспешили домой.

Жаль только, что идти до него оставалось еще очень много. Чтобы выбрать наиболее короткий путь, мы взобрались на вершинку. Отсюда все окрестности были видны как на ладони. И горы на востоке, и равнина на западе, и сам город с черепичными крышами, но еще далеко. А дальше все было не очень интересно.

Когда мы, наконец, пришли домой, уже окончательно стемнело. То есть были не сумерки, а настоящая ночь. Я не знаю, как встретили Мишку, а нас с сестрой встретила встревоженная мама с мокрым от слез лицом. Отца не было.

На мой вопрос:

– Где папа?

Мама ответила, что он побежал в «военный» лес искать нас с ружьем.

Скоро пришел и отец, от него пахло порохом. Он сказал, что в лесу пару раз выстрелил, чтобы мы могли его услышать.

Что удивительно: я не помню, чтобы родители меня ругали. Видимо, сначала на радостях, а потом поняли, в чем было дело. Я рассказал родителям о нашем путешествии.

При моем упоминании о селе Лалово, отец удивленно воскликнул:

– Вон вы в какую даль забрались!

Мама хотела нас накормить, но мы наотрез отказались, заявив, что объелись земляникой.

Так закончился этот поход. Но сестренку я старался с собой больше не брать.

О национальном вопросе

Одним из самых запоминающихся детских впечатлений о Мукачево остается вид молодых цыганок, почти девочек, зимой. Они были одеты в разноцветное тряпье и ступали по редкому в этих местах снегу босиком. За спиной каждой из них находился, закутанный в клетча-

тый плед младенец. Все они были из находящегося неподалеку от города табора венгерских цыган.

И еще пара картинок из далекого детства.

К нам приходит настоящий персонаж из сказки Андерсена – трубочист. Весь в саже, в черном защитном костюме, черной шапочке и с мотком упругой стальной проволоки с жестким ежиком на конце через плечо. В городе едва ли не половина домов с печными трубами.

А утром, по выходным раздается протяжный голос старьевщика:

– Цюря! Ряндя! – кричит дряхлый старикашка, сидящий на бичке, запряженной не менее древней, чем ее хозяин лошадкой.

После того, как по телевидению промелькнуло сообщение о том в ЕС, в связи с дефицитом удобрений, собираются переходить на использование продуктов жизнедеятельности человека, я вспомнил, как это было в Мукачево.

Однажды осенью к нам на Севастопольскую пришел чумазный цыган-ассенизатор и вывалил из стоявшего рядом туалета все его содержимое на опустевшие грядки в огороде.

Вернувшаяся после работы аккуратистка-мама была вне себя от негодования.

– Это же чистая зараза! – в сердцах восклицала она, – я потом ничего есть не смогу с этих грядок.

Как я уже, кажется, уже вспоминал, в нашем классе в Мукачево были дети разных национальностей: русские, украинцы, местные (русины), венгры, но, пожалуй, больше было евреев.

Насколько я могу припомнить, было всего двое мадьяр. Так здесь называли венгров. Мокан и Матола. Их было так мало, возможно, потому, что на улице Кирова была венгерская школа.

И еще я помню, что ежедневно по городской радиосети два часа шли новости на венгерском языке.

Из интернета узнал, что восточноевропейских евреев именовали «ашкенази», и говорили они на идише. Идиш – это восточный диалект средненемецкого языка с большой примесью еврейских, тюркских, славянских и иных слов.

Немецкий язык нам преподавал настоящий немец – Морис Менделеевич, высокий, курчавый, темноволосый. Немцев среди детей в нашем классе не было. Правда, говорили, что где-то в другой части города довольно компактной группой проживали швабы. Морис Менделеевич был прекрасным преподавателем. Со словарным запасом и произношением, поставленным этим учителем, я имел твердую пятерку по немецкому не только в старших классах в Светловодске, но и в институте. На уроках немецкого по известной причине особенно выделялись наши евреи: Айзнер, Апфельдорфер, Розенфельд и другие. Все они были ярко рыжие. Высоких оценок в четверти по немецкому ни у кого из них не было. Дело в том, что Морис Менделеевич практиковал не только разговоры исключительно на немецком на своих уроках, но и диктанты. Если разговорный язык у наших ашкенази был вне конкуренции, то самая высокая оценка за диктант была двойка, а чаще, вообще, единица, которые Морис Менделеевич с иезуитской жестокостью непременно выставял в журнал.

Дудка

Мой одноклассник был Давид Розенфельд, а все его называли – Дудка.

Дудка был огненно-рыжий и конопатый.

За лето Дудка сильно вытянулся.

Я встретил его в середине августа и заметил, что он стал выше меня на целую голову. Дудке я обрадовался и тут же предложил пойти со мной на ночную рыбалку.

– А кого ловить будем? – спросил Дудка.

– Карпа на «военном» озере, – ответил я.

Он сразу согласился. Позже я не один раз пожалел о своем предложении, но сейчас был доволен. Дело в том, что у нас было два велосипеда: взрослый и «Орленок». Дудка уже явно дорос до взрослого.

До «военного» озера от города было километров пять, на велосипедах мы добрались довольно быстро. «Военным» оно называлось потому, что стояло на балансе воинской части.

Как обычно, я зашел к знакомому сторожу Игнату, отдал охотничий билет отца, заплатил положенную за одну рыбалку сумму, не помню – то ли один, то ли три рубля, и спросил, на что клюет карп. Услышав, что на вареную кукурузу, довольно кивнул. Накануне, готовясь к рыбалке, я долго варил несколько початков, достигших молочно-восковой спелости. На вопрос Игната, где буду ловить, я махнул рукой в сторону противоположного берега:

– Там, где в прошлый раз.

Несколько дней назад я в одиночку провел целую ночь на озере. Поймал на червя всего несколько карасиков, но получил от сторожа ценную информацию, что карп сейчас хорошо клюет на кукурузу.

Мы переехали по плотине на другую сторону озера. По почти неприметной тропинке добрались до места, которое я стал считать «своим». Даже зола от костра была совсем свежей, как будто огонь только что погас. Здесь было два прогала в камышах: одно для заброса закидушек, а другое, с деревянным настилом среди камышей, для ловли удочкой. Мы прислонили велосипеды друг к другу, чтобы издалека было видно, что это место занято.

Времени до заката было еще много, и в первую очередь пошли собирать хворост. Его нужно было набрать довольно много, чтобы хватило на большую часть ночи. Я разматал две закидушки, нацепил на каждый крючок по паре ароматных зерен кукурузы и забросил так, чтобы запомнить то место, куда опустилась наживка. Затем я тщательно размял прикормку, состоящую из смеси черного хлеба и жмыха, и забросил ее к закидушкам и на место будущей ловли на удочку. Все эти приготовления я проделывал много раз, даже когда мы были на рыбалке с отцом, а уж теперь и подавно. Все это время Дудка терпеливо стоял в сторонке и почти не помогал даже в сборе хвороста. После этого я указал Дудке на правую закидушку:

– Это твоя. Будешь за ней следить и надевать насадку?

– Нет, я не могу, – ответил тот.

– Ну, ладно, – говорю, – следить буду я.

Теперь можно было, не торопясь, перекусить. Мы жевали наши бутерброды и посматривали на тонкие прутики, к которым была привязана леска закидушек.

– А как мы узнаем, если клюнет ночью? – спросил Дудка.

Вместо ответа я достал из рюкзака два колокольчика и привязал их к лескам.

Стемнело. Я разжег небольшой костер.

– Будешь следить за тем, чтобы огонь не погас, – сказал я Дудке.

Тот согласно кивнул, и я ушел проверять закидушки.

Полная луна только что взошла над невысоким холмом напротив озера, и стало хорошо видно все вокруг: домик сторожа, дамбу и сверкающе зеркало воды. Я аккуратно вытащил сначала одну закидушку и проверил насадку, а затем проделал то же самое со второй. Когда я вернулся к костру, он уже успел прогореть. Дудка мирно спал, свернувшись калачиком, спиной к огню. Ночи здесь были по-южному теплые, и обычного пиджака было достаточно, чтобы не замерзнуть.

Я решил его не будить, и сидел, глядя на оранжевые язычки пламени, и время от времени подбрасывал в огонь веточку-другую. Так прошло довольно много времени.

Вдруг зазвонил колокольчик. Этот звук заставил меня вскочить и броситься к воде. Едва я схватился за леску, как почувствовал упорное сопротивление добычи на другом конце лески. Это сейчас рыба в полкило не кажется мне большой. А тогда барахтающийся в траве зеркальный карпик показался пределом мечтаний. Я схватил его и отнес к костру.

– Посмотри, какой карп попался! – воскликнул я.

– А на какую закидушку? – первым делом деловито спросил, протирая глаза, Дудка.

Я ответил, что на правую.

– Значит, это моя рыбка! – заявил Дудка, отобрал у меня карпа и принялся скакать с ним вокруг костра.

Я был неприятно удивлен неожиданной прытью одноклассника, но ничего не сказал. А тот и не думал униматься. Он принялся дразнить меня, заявляя, что это только его закидушка такая счастливая, а я на свою ничего не смогу поймать. Кончилось тем, что я отобрал у Дудки карпа, заявив, что если его сейчас же не посадить в садок, то рыба к нашему возвращению домой просто протухнет. Дудка обиделся и снова отравился спать. А я сунул карпа в проводочный садок, и опустил садок в воду на деревянном настиле, где даже гвоздь для удобства был загнут. Затем привел в порядок закидушку, на которую клюнула рыба, надел кукурузу и снова закинул снасть. Спать не хотелось. Я молча смотрел на огонь. Постепенно досада на вздорное поведение Дудки прошла, и ко мне снова вернулось хорошее настроение.

Едва первые признаки бледной зари появились на горизонте, я разматал удочку и занял место на дощатом настиле. Рыба начала клевать, как только мой поплавок коснулся воды. Недаром говорят, что карп – рыба по преимуществу ночная. Одного за другим я поймал трех вполне приличных, по моим меркам, карпят. Конечно, они были меньше пойманного на закидушку, но, в общем, очень даже неплохими.

И тут случилось происшествие, которое заставило сердце у меня биться быстро-быстро, и окончательно испортило мне всю последующую рыбалку. К моему поплавку подплыл здоровенный карп, такой большой, что в мелкой воде на поверхности был виден его спинной плавник. Он покрутился вокруг, видимо, понюхал мою насадку, но что-то ему не понравилось. Карп махнул хвостом, да так, что мой бедный поплавок едва не исчез в возникшем водовороте, и пропал.

После этого я просидел на своем настиле еще битый час, но больше поклевки не было. Видимо, тот, здоровый, распугал своим визитом всю мелочь. Утренняя зорька закончилась, и мы вполне могли отправляться по домам. Я медленно сматывал удочку и привязал ее к раме велосипеда. Затем настал черед закидушек. Наш костер давно прогорел, но я, на всякий случай, залил его старым дедовским способом.

Проснулся Дудка и сразу вспомнил:

– А где моя рыбка?

Я принес садок, все равно пора собираться.

– Тут еще какие-то рыбки, – заметил Дудка, откидывая крышку садка, – ты как их поймал?

– Вот на эту удочку, – ответил я.

– А она не моя?

– Нет, эта удочка не твоя, – подтвердил я.

– Значит, у меня, всего одна рыбка, – протянул он разочарованно, а потом нашелся, – зато она самая большая!

Мы приехали к нам домой, я вынес «его» карпа, завернутого в газету. Дудка ушел с карпом под мышкой, даже не сказав «спасибо». А я больше не приглашал его на рыбалку.

Зимой на канале

Зимой я особенно скучал по рыбалке. Но тут делать было нечего: Латорица зимой не замерзала, а на «военном» озере подо льдом караси не клевали. Однажды от отца я узнал, что по дороге на Чоп есть канал со спокойным течением, и, вроде бы, замерзающий зимой.

И тогда я решил: буду готовиться к зимней рыбалке. В соответствующей литературе я не один раз прочел про все необходимые снасти и мастерил их с особой тщательностью:

и удочки, и зимние блесенки, и всю другую необходимую амуницию. Например, из консервной банки я сделал горелку, с помощью которой на сухом спирте мы будем нагревать чай или вино, если станем замерзать. Отец принес из автопарка сделанную местными умельцами пешню. Вот только ударная часть у нее была не лопаткой, как я планировал, а конусная, заостренная. Не забыл я и о технике безопасности. На всякий случай у меня была припасена длинная бельевая веревка и лыжи с легко отстегивающимися креплениями.

Наконец, все было готово. Оставалось только ждать, когда окрепнут морозы. А они все не приходили и не приходили. Стояла обычная для Закарпатья слякотная погода. В конце концов, природа сжалилась над нами. Выпал легкий снежок, и температура опустилась ниже нуля. Мы выждали еще недельку, чтобы лед на канале как следует окреп, и в следующие выходные стали собираться на пригородный поезд.

Мы погрузились еще затемно на первый рейс, чтобы в неяркое раннее утро быть на берегу канала. И канал нас не обманул. Лед был довольно крепким, и только в отдалении под мостом журчала и дымилась на быстринке еще не замерзшая вода. Мы стали на лыжи, обвязались на всякий случай страховочной веревкой и вышли на лед.

А вот первые часы на непривычной рыбалке разочаровали. Скорее всего, здешняя рыба не ожидала, что ее будут беспокоить в такое неподходящее время года и поэтому не клевала. А, может быть, мы еще не приспособились к работе непривычных для нас блесен. Мы пробили с десятков лунок, порядком устали и проголодались. Потом я приступил к подготовке обеда, согрел отцу вина, а себе чаю. Мы постояли, поговорили, а затем я принялся укладывать наши вещи. Слышу, отец меня зовет.

Подхожу и вижу следующую картину. Отец стоит совсем близко от промоины, так что концы его лыж буквально нависают над журчащей водой и с азартом таскает окуней.

– Смотри, – говорит, – Генка, сколько я их поймал!

Но я радости слегка захмелевшего родителя не разделял и почти за хлястик телогрейки оттащил его от опасного места. Вот так и закончилась наша рыбалка на канале.

Следующий раз я ходил с ним на зимнюю рыбалку уже на Днепре, когда приехал из института на каникулы. Стоял жуткий холод. Вдоль замерзшего русла стелилась поземка, и отец отпаивал меня теплой домашней настойкой из термоса. Окуни клевали просто здорово.

Сердце красавиц...

Первые раскаты майского грома прогремели как раз со школьным звонком, возвестившим конец последнего урока. И брызнувший вслед за этим теплый, крупный и пока еще редкий дождь, заставил броситься в рассыпную выскочившую из школы детвору.

Наша школа размещалась в «Белом доме» – дворце Ракоци-Шенборнов, в самом центре главной улицы Мукачево. Более поздние городские строения выступили вперед и заслонили его от любопытных прохожих. Сейчас эта улица называется по-другому. Шестьдесят лет тому назад она была улицей Ленина...

Я учился в пятом классе, и мы находились первый год в этом здании. Наша классная комната располагалась на втором этаже, справа по коридору, за высокими массивными дверьми. Выходящие во двор окна выглядели маленькими по сравнению с метровой толщины стенами. Еще одной достопримечательностью нашего класса были двери в его торцевой части. Они казались точной копией входной – такие же тяжелые и двустворчатые. За ними располагался огромный шкаф, в котором размещалась наша раздевалка, так как общей раздевалки в школе не было. Однажды, расшалившись, мы всем классом забрались в него и тем самым сорвали урок труда, так как, явившись со звонком, сбитый с толку учитель никого не нашел.

Мне было хорошо и легко учиться в этой школе. Ребятам из своего класса я знал уже пять лет. Несмотря на пестрый национальный состав класс был дружный и незлобивый.

Но все же со мной случилась маленькая трагедия. Разумеется, всему виной была особа женского пола. Она училась в параллельном классе, и я был влюблен в нее целых три года. Мне кажется, она даже не подозревала о моем существовании, во всяком случае не замечала, что я хожу за ней следом, провожая до самого дома после школы. Или делала вид, что не замечает.

Я старательно собирал о ней все, что только мог узнать. Знал, что она хорошо учится, что с выражением читает стихи. Знал, что она целовалась со своим одноклассником Славиком. (Он сам мне об этом рассказывал!)

Ее звали Таня, и за это время она превратилась из симпатичной девочки в прыщавого голенастого подростка. А я был, по-прежнему, худеньким длинноногим мальчиком, тенью следующим за ней после уроков. Вот и вчера я шел совсем близко от нее и слышал каждое слово разговора с подругой, толстой рыжеволосой девчонкой.

– Ха! – говорила Таня своим высоким резковатым голосом, – эта Нинка совсем стыд потеряла: обнимается с Вовкой Рассказовым за каждым углом. Я бы ни за что так не поступила!

Была явная неправда в последних ее словах, потому что Славику я поверил больше, чем этой девочке. Зачем она так? И что плохого в том, что мальчик с девочкой обнимались? И вдруг такая злость. Мне было очень неловко за нее. Я шел за девчонками и молча страдал. С тяжелым сердцем я пришел домой, и также муторно прошел следующий учебный день.

И вдруг – гроза! В числе последних я вышел из школьного двора, но не побежал, как это сделали все, а молча пошел под все усиливающимся дождем. В одно мгновение промокла рубашка и прилипла к плечам. Теплые капли лупили по волосам, стекали по лицу и смешивались со слезами. Это было очень неожиданно. Я старался не реветь, даже если бывало очень больно. Мужчине это не к лицу. Но тут я просто не мог сдержаться.

Мне было как-то по-особому больно и сладко. Это уходила первая детская любовь. Я чувствовал необыкновенную легкость. Как будто что-то тяжелое оторвалось от сердца, то, к чему я был очень привязан, но что уже больше никогда не вернется. И эти неожиданные слезы, которые никто не увидит, и теплый дождь, и раскаты грома – все это отозвалось в душе прекрасной мелодией, которую я узнал далеко не сразу.

И только произнося слова, произвольно вырывающиеся у меня из груди, я понял, что напеваю песенку герцога из «Травиаты»:

Сердце красавиц
Склонно к измене
И к перемене,
Как ветер мая...

Дальше слов я не знал, поэтому повторял эти строчки снова и снова. Это было очень странно. Почему вдруг появилась эта мелодия? Наверное, слышал когда-то по радио. Но я представлял себе герцога юным и романтичным, а не развратным и жестоким, как это было у Верди.

С тех пор я просмотрел много вариантов оперы и с отечественными, и зарубежными исполнителями. Но каждый раз, когда действие доходит до знаменитой песенки, передо мной появляется мокрый до нитки мальчишка, топающий под проливным дождем по улочкам старого города.

И так светло и радостно становится на душе, как будто вся жизнь еще впереди...

О пользе физкультуры

В двенадцать лет я был маленьким, длинноногим и довольно тщедушным. Несмотря на то что я много ходил с отцом на охоту, а позже и на рыбалку, это был по сути единственный вид

физической нагрузки. Начиная с осени и до весны, я по многу часов просиживал за книгами. Отец частенько критически оглядывал меня и называл «архивариусом».

Однажды весной он устроил у нас в саду гимнастический снаряд: турник или, по-другому, перекладину. Два столба и железная труба между ними.

Отец подпрыгнул, ухватился за трубу и резко подтянул ноги к перекладине, а затем также резко разогнулся, потом выбросил ноги вперед и вверх и подтянулся.

В следующее мгновение он уже был высоко наверху, упираясь прямыми руками о турник.

– Вот видишь, – сказал он, спрыгнув на землю и слегка запыхавшись, – это упражнение называется «склепка». Делать его на турнике я обучал своих солдат. Теперь пришла пора научиться и тебе, сын мой.

Он подсадил меня, я уцепился за перекладину и пробовал подтянуться, но у меня ничего не получилось. Тогда я попробовал раскачаться и чуть не упал.

– Держи большой палец напротив остальных, вот так, – показал отец.

Все последующие дни я каждую свободную минуту проводил на турнике. Сначала я учился просто подтягиваться и подносить ноги к перекладине. Затем делать это упражнение, предварительно раскачавшись. Наконец, объединив все вместе. На ладонях у меня то и дело лопались водянки, сначала бесцветные, а потом с кровью. Ноги повыше щиколоток я тоже много раз разбивал до крови. Заматывал какими-нибудь тряпками и снова разбивал. В конце концов, на косточках ног у меня даже образовались заметные вмятинки, но я все-таки научился делать эту проклятую «склепку»!

Когда я продемонстрировал отцу без остановки это упражнение десять раз подряд, он сказал «молодец» и отвел меня в секцию гимнастики при Доме офицеров.

В секции гимнастики было два тренера. Они были похожи друг на друга: оба одинакового роста, мускулистые. Только один был русский, по имени Леонид, а другой черноволосый – Борис. Оба – мастера спорта. Тот, который светлый, видимо, отвечал за новичков. Он мельком взглянул на меня и определил к новичкам. Сначала, после разминки, у нас была акробатика. Разучивали кувырки вперед и назад. Здесь я ничем не мог блеснуть. Затем, перешли к снарядам. Первыми шли брусья. Учились делать подъем разгибом из виса снизу на концах брусьев.

Сначала тренер показал нам это упражнение. Он без видимых усилий взлетел над снарядом и зафиксировал угол. Потом подходили мы. Каждый следующий по очереди страховал предыдущего. Я понял, что это упражнение похоже на отцовскую склепку на турнике, поэтому, лихо разбежавшись, наверняка выполнил бы упражнение самостоятельно. Однако страхующий меня крупный полноватый мальчик, такой же, как и я, переросток, придал мне сзади дополнительное ускорение.

Поэтому я не только выскочил на прямые руки над брусьями, но и, перекрутившись, рыбкой полетел вниз. Я ударился левой щекой о край металлического крепления снаряда и потерял сознание. Очнулся от того, что кто-то прикладывал снег к горячей как огонь щеке. Меня усадили на лавочку. А затем, убедившись, что я окончательно пришел в себя, отправили домой.

По-видимому, никто из тренеров не ожидал увидеть меня больше в спортзале. Поэтому, когда опухоль спала, и я снова появился на занятиях, я впервые поймал на себе заинтересованный взгляд Леонида, и меня перевели в следующую группу.

Заниматься в секции мне нравилось. Как-то после удачно выполненного мною нового элемента – соскока с брусьев, светлый тренер сказал темному:

– Борь, а из этого длинноногого может выйти толк.

Летом большинство ребят из секции отпустили на каникулы. Только нескольким разрядникам предложили заниматься на летнем стадионе. Из новичков в этой группе оказался один я. До сих пор с удовольствием вспоминаю эти тренировки. Я привыкал тянуться за ребятами,

которые были намного опытнее, и у меня многое начало получаться. А главное, я привык к физическим нагрузкам и понял, как это здорово чувствовать, как наливаются твои мышцы. После занятий мы отправлялись в бассейн. Вода в нем была прохладной даже в жаркое лето, а поближе к осени – так просто обжигала. И это нам очень нравилось. Тренировки на открытом воздухе не закончились для нас и в сентябре.

Единственное неудобство состояло в том, что в бассейне спустили воду, и нам пришлось перебраться на Латорицу, берег которой был совсем рядом. Возле свай бывшего деревянного моста было довольно глубоко, и мы с удовольствием продолжали нырять и плавать, несмотря на то, что на большом градуснике, показывающем температуру в реке, столбик подсиненной жидкости опускался все ниже и ниже. Последнее значение, которое он показывал накануне моего отъезда на Днепр, составляло 9 градусов.

Неожиданный отпуск

Задумываясь сейчас над поворотами наших судеб, я еще раз убеждаюсь, что переезд нашей семьи на Днепр был отнюдь не случаен. Вот, к примеру, еще один неожиданный отпуск отца. Прошло два года после его неудачной попытки вывезти нас в центральную Украину. Однажды он пришел домой сильно озадаченный и сказал, что получил поручение по линии прежней своей службы. Но смысл этого поручения открылся мне только позже. А сейчас нужно было просто исчезнуть из дома на пару недель. Ему даже денег на этот отпуск выделили. Сомнений куда нам поехать не было – конечно, на Днепр.

Нас было трое, отец взял с собой приятеля, о котором я не помню ничего, не только его имени и внешности, но даже и возраста. Скорее всего, ему было, как и отцу в районе сорока лет. Много из той поездки стерлось из моей памяти, но некоторые обстоятельства все же сохранились. Сначала мы поехали в Киев, но остановились и разбили палатку километрах в двадцати выше по течению реки.

Через несколько лет в этих местах построят новую ГЭС – Киевскую. И тогда исчезнет все очарование здешних мест, а вместо струящейся чистейшей днепровской воды река превратится в дурно пахнущую затхлую лужу.

Но сейчас она была еще прекрасной. Такой, как была сотни и тысячи лет до этого. И не знала, что скоро придут сюда люди, для того чтобы обезобразить ее берега и перегородить течение, а потом построить поблизости еще одну уродину – атомную электростанцию, которая в один ужасный день взорвется и станет прологом катастрофы всей страны.

А в те дни вода в реке была исключительно прозрачной, что не мешало ей иметь чуть желтоватый оттенок и изумительно вкусно пахнуть. Наша палатка стояла на довольно высоком берегу, а метрах в пяти ниже под невысоким обрывом протекал Днепр. Одним словом, «чуден Днепр при тихой погоде...».

Течение было мощным, но равномерным, без видимых струй и водоворотов, какое бывает только у могучей реки. Моя лёгонькая блесна моментально прибивалась к берегу, и на нее никто и не думал клевать. То же самое происходило и с поплавком, когда я пытался ловить в проводку. Первый день на Днепре не принес мне результата. А между тем, рыбаки поблизости от нас были, и рыба у них клевала.

Я целый день провел, можно сказать, впустую, но зато я сумел узнать у местных рыбаков, как они ловят рыбу незнакомым мне способом. Оказалось, что они успешно ловят язей на пареный горох. В донке со скользящим грузилом не было для меня ничего необычного, а вот где достать цельный, а не лущеный горох и как его запарить, я расспрашивал какого-то старожилу с большим интересом. На следующий день мы с отцом поехали в Киев на рынок, купили такой, какой был нам нужен, горох, а в промтоварном магазине – пару капроновых чулок. По приезду на свое место на реке, я отправил весь горох в чулок, завязал его и долго варил в котелке, как это требовала секретная технология. А наутро я, наконец, мог праздновать

победу. Пятак небольших красноперых рыбешек служил подтверждением того, что я вполне справился с новым способом ловли.

Уже на следующее утро мы ехали на стареньком автобусе, следующим по маршруту Киев – Кременчуг. Нам с отцом достались билеты на заднем сидении, как раз там, где в автобусах производства «ЛАЗ» находился двигатель. День был по-настоящему жарким. Нас подогревал, с одной стороны, воздух из раскрытого окна, а с другой – откровенно пышущее жаром сиденье. Когда через десять часов мы прибыли в пункт назначения, нас вполне можно было сравнить с вареными раками.

Была у меня еще одна проблема: глубокий порез на правой ноге чуть выше колена. Я рассек кожу одним неловким движением осколка стекла, когда вместе с приятелем готовил стрелу для лука. Это случилось как раз накануне нашей поездки. В больнице мне наложили повязку, но следить за тем, как заживает моя ранка, было некому. А тут еще сразу после поездки в автобусе я не выдержал и полез купаться в теплую днепровскую воду на местном пляже. Ранка потом еще долго не заживала, пока мама не махнула рукой на советы врачей и не присыпала мне порез толченым стрептоцидом.

В Кременчуге началась вторая половина нашего отпуска на Днепре. Отец хотел обязательно посмотреть, что представляет собой будущий город Комсомольск под Кременчугом. Поблизости открыли большое месторождение железа, и для рабочих будущего комбината собирались строить город. Мы доехали туда на автобусе, но смотреть особенно было не на что, во всяком случае, отца он не заинтересовал. Мы походили-походили, а затем выбрались на берег Днепра. Кременчугское водохранилище, которое находилось в трех десятках выше еще только заполнилось, а Днепродзержинского не было и в помине. Но с Днепром было уже что-то не так, а что именно, мы выяснили только ближайшей ночью.

Мы нашли симпатичный такой мысочек, который довольно далеко выдавался в русло реки. На нем росли тонкие березки и еще какие-то кустики. А с берегом его соединяла довольно узкая коса, которая была ниже остальной части мыса. Кроме того, трава на этой косе показалась мне какой-то влажной, как будто здесь совсем недавно прошел дождь. Но нет, дождя очевидно давно уже не было, потому что и берег, и высокая часть мыса были совершенно сухими. Впрочем, долго разбираться в причинах этой странности мне было некогда, потому что нужно было еще установить палатку, поужинать и успеть немного покидать спиннинг на новом месте. Однако последнее намерение мне осуществить так и не удалось, и я уснул, в надежде проснуться на утренней зорьке и уже половить как следует.

Против обыкновения, спал я очень чутко и проснулся от еле слышного шороха. Но он раздавался не снаружи, что было бы вполне естественно, а у нас в палатке, возле моих ног. Я моментально вскочил и включил фонарик, который всегда держал под рукой. Что-то черное и узкое тенью промелькнуло сквозь веревочные петли входной дверцы.

– Змея!

Дрожащими руками я развязал и откинул дверцу палатки. Что тут творилось! Буквально за пару часов наш полуостров превратился в крохотный островок, вокруг которого бушевала черная вода. А этот островок кишел огромными гадами. Их было множество, а может быть, мне это только показалось. Но весь остаток ночи мы больше не спали, а вооружившись палками, отгоняли от себя многочисленных обитателей этих мест, которые тоже, видимо, были не в восторге от нашего соседства.

Уже намного позже, когда мы переехали на Днепр, я узнал, что на Кременчугской ГЭС по ночам обычно открывали дополнительный сток, и уровень воды поднимался на метр, а то и больше. Поэтому наш мысок по ночам превращался в остров.

На вырост

Я совершенно отчетливо помню, когда возникло у меня ощущение еще не взрослости, нет, скорее, просто не детскости. Ощущение того, что я уже не отделен непреодолимой преградой от проходящих мимо меня больших людей. Ощущение того, что я уже один из них, принадлежу к ним, и теперь с каждым годом буду все больше сливаться с ними – острое, похожее на крик, ощущение.

Мы стояли на прямоугольной площадке большого, несравнимого с размерами протекающей под ним речушки, каменного моста. Набережная, очевидно, тоже строилась на вырост – от ее высоких, выложенных неотесанным камнем стен до воды было еще много метров твердого глинистого берега. Рядом с мостом, совсем близко от края в стену были вмурованы два огромных железных кольца. Иногда я представлял себе, что когда-то вода в Латорице доходила до этих колец, и к ним пришвартовывались корабли.

Мы стояли на мосту втроем: Вася Мокан, Володя Бойко и я. Не скрываясь, курили и заглядывались на проходящих мимо девушек. Разговор постоянно возвращался к женскому полу. Мокан и Бойко хвастались своими «успехами» в этом вопросе. И одному только мне рассказывать одноклассникам было нечего.

Был конец мая, учебный год только что закончился, но мы еще ходили в школу, отрабатывая положенные после окончания седьмого класса десять дней практики – чинили стулья и парты и красили их остро пахнущей зеленой и коричневой масляной краской. Шел первый день практики, и мы были очень довольны своим рабочим видом: пятнами краски на старых брюках и рубашках.

На середине моста столпилось несколько ребят постарше нас. Вася был знаком с ними, и мы подошли ближе. Один из парней перелез через парапет и ловил рыбу прямо с каменного быка. Я проследил движение тоненькой паутинки лески от зажатого в его кулаке конца до подрагивающего на крючке майского жука и изумился огромности плавающих рядом с ним рыб. Вася поговорил о чем-то вполголоса по-мадярски с одним из ребят и сказал, повернувшись к нам:

– Пэцан сегодня не берет, а вчера Пишты взял здесь вот такого, – он ударил ребром ладони по бицепсу руки гораздо выше локтя.

На следующий день в горах прошел дождь. Вода в Латорице поднялась и сделалась желто-коричневой. Крохотные бурунчики крутились за покачивающимися от быстрого течения кустами тальника. Обычно они располагались в глубине пляжа. А сегодня, придя сюда после практики, мы выжимали за ними трусы, дрожа от холода и стоя по колено в воде. На мосту кроме нас никого не было. Не смотря на подъем реки до начала каменной стены оставалось еще много места. А пытаться ловить голавлей в такой воде, видимо, никому не приходило в голову.

Мы уезжаем

Итак, мы уезжаем. Все было решено чуть ли не за день. Казалось, только вчера мама вернулась из своей поездки по Днепру. В приподнятом настроении она рассказывала о своем родном городе Запорожье и о Днепре, а потом, как бы между прочим, о том, что увидела она ранним утром на пароходе, возвращаясь в Киев

– Понимаешь, он стоял на горе, освещенный солнцем, весь белый, как будто целиком вылепленный из мела, – с восторгом описывала она каким привиделся ей городок на берегу искусственного моря, в котором мы могли бы жить, если бы не передумали тогда, во время нашего визита к отцу на стройку.

Но с тех пор прошло целых четыре года – и вот, он вырос, белый город посреди степи.

– Так в чем же дело? – так, кажется, сказал тогда отец, и они решили:

– Мы уезжаем!

А дальше все завертелось и решалось очень быстро. Отец и мама быстро уволились и в последующие две недели, отрабатывая положенные по закону рабочие дни, решали свои проблемы, среди которых главной была: отсутствие денег. Мои родители никогда не старались отложить «на черный день», а то немного, что оставалось, тут же уходило на какие-нибудь непредвиденные расходы. Вот и сейчас все деньги были израсходованы на мамин отпуск.

И тут маме пришла в голову, как ей показалось, прекрасная идея. Перед тем, как вселиться в нашу квартиру, состоящую из половины небольшого одноэтажного дома, мы все лето прожили во временной пристройке в глубине двора, а потом в частном порядке доплатили прежним хозяевам, чтобы те быстрее достроили свой дом, расположенный как раз напротив нашего.

– А почему бы нам не получить эти деньги обратно с Инвалида? – подумала мама. Неприятный тип, по прозвищу «Инвалид», уже несколько лет жил со своей семьей в том же домике, правда уже несколько подновленном и превращенном в постоянное коммунальное жилье. Инвалид с радостью согласился, и, таким образом, средства, необходимые для переезда, были получены.

Как только приехала машина с контейнером, в который загружались наши скромные пожитки, Инвалид с триумфом начал перетаскивать свое имущество.

Потом, через много лет, во время поездки моей уже взрослой сестры в город своего детства, мы узнаем, чем завершилась эта операция. Как оказалось, в отличие от нас, Инвалид, кажется, даже не был очередником на получение жилья. Поэтому его переселение было расценено местной властью, как самоуправство, и он с милицией был выставлен из нашей бывшей квартиры, а в нее вселились очередники – семья моей бывшей одноклассницы Жени Рубцовой, которая уже много лет ютилась в убогом подвальчике на соседней улице. Ее отец – колченогий сапожник имел троих детей: Мусю, Петю и Женю.

Моя подготовка к отъезду выглядела более простой, но тоже не лишенной некоторой доли авантюризма. С прошлой весны мне нравилась одноклассница Томочка Шпигель. Внешне моя симпатия проявлялась только в том, что я на уроках часто на нее поглядывал. Даже провожать ее со школы домой, идя следом за девочкой, мне как-то не приходило в голову. Возможно потому, что Шпигели жили недалеко от реки, то есть совсем в другом конце города.

Накануне отъезда написал девочке записку, которую передал почему-то не ей, а другому своему однокласснику с просьбой вручить ее сразу после моего отъезда. Как сейчас помню содержание этой записки. В ней говорилось, что я пришлю письмо с объяснением своих чувств. Словом, тараканов в моей голове было тоже предостаточно. Письмо это я, конечно, не написал, потому что не вспоминал о существовании ни Тома, ни других своих одноклассников, едва только поезд дал прощальный гудок.

Отправив все свои вещи товарным поездом, и, сделавшись, таким образом, совершенно бездомными, мы еще пару раз ночевали у приятелей мамы и только потом отправились в дорогу сами.

И вот, мы едем на поезде в купе, и в последний раз я смотрю, как за окном разгорается пожар осенних лесов. Было начало октября 1962 года. Осень в Мукачево еще не начиналась, а здесь, в горах она была, что называется, в самом разгаре.

Как замороженные мы следили за тем, как леса, еще зеленые в долине, по мере подъема к перевалу вдруг загорались холодным огнем кроваво-красных рябин и кленов, желтели листвой буков и грабов и остужались темной зеленью высокогорных хвойных лесов.

Два паровозика в начале и в конце нашего состава, натужно дымя, тащили нас через перевал в новую, еще неизведанную жизнь.

Я тогда даже не догадывался, что на самом деле они увозят меня из детства.

Юность

К моей юности

Только надо ль жалеть эту нервную блажь,
Этот стон, эту песнь, этот май?
И ранимость, как горлинку с рук своих,
Отвращение к пошлости до тошноты.
И струною натянутой – только тронь,
Предвкушение вечности, вечную новь?
То, что прожито – прожито. Было – прошло.
Память к прошлому классною черной доской.
Кто-то маленький – маленький белым мелком
Там рисует каракули ... ни о чем.

На пристани

В то утро меня разбудил плеск воды.

Странные непривычные ощущения: аромат пресной воды, смешанный с запахом просмоленного дерева, резкая прохлада утреннего воздуха, едва уловимое покачивание, какое бывает, когда под ногами отсутствует твердая поверхность, и солнечный свет сквозь оконные шторы дебаркадера.

Я открыл глаза и сразу все вспомнил: последний вечерний рейс «Ракеты» – корабля на подводных крыльях и надпись на причале «Мисто Хрущов». Уже темнело, а мы стояли, как неприкаянные, с чемоданами, сумками и не знали, куда податься.

Выручила мама. Она вступила в переговоры с дежурной – толстой теткой в синем халате и красной повязкой на рукаве.

Та вошла в наше положение:

– Ой, лишенько, та куди ж ви з двома дитинами на ніч глядючи? А що, нікого знайомих нема?

– Нет, совершенно никого, – заверила мама и принялась рассказывать, что месяц назад она проплывала на «Ракете» по Днепру, увидела этот город и моментально в него влюбилась. Рассказ, видимо, впечатлил дежурную, и нам разрешили переночевать на дебаркадере.

Все еще спали, и у меня было немного времени, чтобы привыкнуть к новым обстоятельствам. Я натянул тонкое байковое одеяльце и снова зажмурился.

Итак, для всей нашей семьи начиналась новая жизнь.

Для моих родителей. Для моей десятилетней сестры. И для меня – четырнадцатилетнего подростка. Трое из нас уже никогда отсюда не уедут.

И только я окончу школу, поеду поступать в институт и уже надолго здесь не задержусь. Но годы, прожитые здесь – это незабываемые годы моей юности.

Три года назад на Днепре была сдана в эксплуатацию Кременчугская ГЭС, а на берегу Кременчугского водохранилища построен небольшой городок.

Когда заполнялось водохранилище, под водой оказались самые плодородные земли, десятки сел и находящийся поблизости город – Новогеоргиевск. Однако природа не преминула отомстить за такое насилие. Как и во всех подобного рода водохранилищах, летом вода в них становилась сине-зеленой от одноименных водорослей и весьма дурно пахла. Для желающих искупаться оставалось надеяться только на благоприятный ветер, который мог отнести от берега этот жуткий кисель.

Новый город строился на холмах, протянувшихся цепочкой, то опускаясь, то поднимаясь вдоль рукотворного моря.

Ближайший к ГЭС район назывался «Верх».

В отличие от «Низа», который образовался из старого казацкого села Табуриши и был действительно гораздо ниже части нового города на холме. Дальше по холму располагался парк с высаженными соснами и вольно растущими белыми акациями.

А за ним другой район – «Спецстрой». Здесь предполагалось строить корпуса специального металлургического завода – отсюда и название.

А дальше через большой пустырь располагался еще один район, который назывался «Новый город», хотя он состоял, в основном, так же, как и «Низ», из одноэтажных домов, и на город походил мало.

От пристани до улицы Ленина, как было принято в то время, центральной, было рукой подать. Кроме Дворца Культуры, тогда еще не достроенного, и здания Райсовета, все дома были, как под линейку, трех и четырехэтажные, сложенные из светлого силикатного кирпича, так что с моря город действительно выглядел белым.

Этому городу с самого начала была предназначена счастливая судьба. Кем предназначена? Страной, которая его создавала.

И так оно и было, по крайней мере, до тех пор, пока существовала сама страна – Советский Союз. Гидроэлектростанция давала дешевую энергию, бывшие строители ГЭС и их дети, и дети их детей должны были стать квалифицированными кадрами.

Страна на десятилетия запланировала работу нового энергоемкого производства. Строить его начали сразу после открытия города – на Спецстрое. И называли его «Завод чистых металлов». Точнее, на Спецстрое открыли только один цех. А потом построили новые корпуса завода в километрах пяти от города на Ревовке – все-таки производство здесь было вредным. Зато и платили рабочим не только за показатели, но и за вредность – много, как тогда казалось.

Впереди его ожидали, по крайней мере, двадцать пять «тучных лет».

Мы едва подошли к ближайшему гастроному, как увидели толпу людей, возбужденно жестикулирующих и разглядывающих что-то в этом же доме. Там на третьем этаже свесился с балкона крохотный мальчуган. Тельце его почти провалилось наружу и дергалось как у марионетки, и только голова не пролезала сквозь узкую решетку. Пока мы ужасались вместе со всеми, ситуация успела благополучно разрешиться: какой-то мужчина появился на балконе и вытащил малыша из западни.

С такого сюрреалистического сюжета и началась наша жизнь на новом месте.

Новая школа

– Солидный фраер, – сказал плотный прыщавый юноша, мой новый одноклассник, и я даже оглянулся, кого это он имеет в виду.

Оказалось, меня. Это была неправда. Какой же я «солидный» – худенький, еще низкорослый, с вечно вспыхивающим от смущения лицом?

Я стою вполоборота рядом с окном, не в силах оторваться от потрясающей картины, которая из него видна: внизу почти до самого горизонта простиралась голубая вода. Изогнутая полоска бетонного волнолома да едва виднеющийся вдаль на горе неведомый полупрозрачный город совсем не портили этот вид.

– Что это за город там, на горе? – спросил я у стоящей рядом со мной полноватой высокой девушки.

– Это Градижск, – небрежно ответила она.

– Шуба, Мира идет, – раздался чей-то голос.

– Знакомьтесь, ребята, это наш новый ученик. Он почти отличник, – громко произнесла появившаяся в двери учительница, наш классный руководитель, Мира Израилевна, красивая брюнетка, со слегка пробивающейся сединой.

– Пусть идет ко мне, раз он отличник, – махнул рукой крепкий черноволосый парень с низким лбом.

– У меня по русскому четверка, – уточнил я, усаживаясь за предпоследнюю парту и внутренне ликуя: неужели теперь я буду видеть эту воду и гору каждый день?

Школа была новая, как и все здания в том городе, сложенная из белого силикатного кирпича, трехэтажная, по всей видимости, типовая. В ней было все, что нужно для обучения: и просторные классы, и спортзал, и актовый зал, и небольшой школьный стадион, обнесенный, как и все, что принадлежало школе, невысоким металлическим забором.

Но главным ее достоинством был, как мне казалось, изумительный вид из окон нашего класса, открывавшийся на Кременчугское водохранилище, которое мы иначе как море и не называли.

Наш класс был, по совместительству, еще кабинетом ботаники и анатомии, о чем свидетельствовали многочисленные кадки растений на подоконниках и гербарии, и муляжи скелетов за стеклянными стенками шкафов, стоящих вдоль двух стен.

Мои новые одноклассники жили, в основном, в двух частях городка. На Верху жили дети строителей ГЭС и были, как правило, приезжими. Их родители первыми получили квартиры в новых домах, привезли сюда семьи, обжились.

Затем некоторые из них уехали строить Киевскую, а потом Каневскую ГЭС, а их дети остались здесь учиться. Ребятам приходилось вести самостоятельную, почти взрослую жизнь.

Другие жили в Табурицах. Это были потомки казаков, их родители не только строили ГЭС, но и вели личные хозяйства с огородами, фруктовыми садами и домашней живностью. Их дети, разумеется, уже на равных участвовали в домашних делах.

Я чувствовал, насколько многие мои одноклассники по своему жизненному опыту были старше меня.

Было одно весьма таинственное занятие, которое объединяло некоторых из этих ребят. То один, то другой приходил в школу сонным, и тогда его подталкивали и, полушутя, спрашивали:

– Сколько?

— Пять (а иногда семь или восемь) – следовал ответ.

Позже я узнал, что ребята по ночам ходили браконьерить на ГЭС, что было весьма рискованным занятием, а рыбу сдавали задешево какой-то старухе-перекупщице.

Еще одно приятное отличие здешней школы от моей школы в Закарпатье – здесь все учились в одну смену. Поэтому занятия начинались не очень рано, как мне помнится, часов около одиннадцати.

Мои родители сняли для нас жилье на обочине Табуриц. Поэтому в школу мне приходилось идти сначала по сельским улицам, а потом через парк. Сразу после приезда эти переходы мне очень нравились.

У нас было два маршрута для прохода по парку. Один, более длинный, предполагал проход по тропинке в глубине парка с постепенным подъемом по овражку почти перед самой школой. Другой маршрут обходил парк почти стороной, но по нему нужно было преодолевать крутой подъем в горку, буквально нависающую над домом еще одного моего одноклассника – Вити Нестеренко, смуглого, похожего на цыганчонка.

Пока не опала листва, я неизменно выбирал маршрут подлиннее. Как приятно было шуршать желтыми листьями, образующими на дне оврага глубокие скопления, мягкие, как перины.

Вечером, разумеется, я предпочитал другой маршрут.

Когда выпал снег и на горке его изрядно укатали, выбор стал не таким однозначным: либо выбираться по оврагу иногда по плохо протоптанной тропинке, либо карабкаться по крутому склону обледеневшей горки.

Я почему вдруг заговорил об этой горке?

На память мне пришли эпизоды с моей одеждой. Я всегда был к ее выбору очень неприятным. И безропотно носил то, что давала мама, и что можно было купить в магазинах на наши очень ограниченные финансы.

В тот год у меня был новый костюм, потому что из старого я быстро вырос.

Костюм сшил наш хозяин из странной ткани, похожей на тонкое байковое одеяло. Кроме того, на мне было длинное, сшитое на вырост пальто из отцовского отреза на офицерскую шинель.

Дополняли мою экипировку высокие шнурованные ботинки на очень толстой резиновой подошве с глубоким как у грузовика протектором.

Вероятно, мама купила их где-то на барахолке, и были они, возможно, еще трофейные или попавшие к нам по «ленд-лизу». Мы их в шутку называли гд, что составляло аббревиатуру от не совсем приличного слова: говнодавы.

В своих гд я запросто преодолевал эту скользкую крутую горку, чем, наверное, вызывал черную зависть у моих одноклассников.

Помню, я очень жалел, когда они мне стали тесны.

Мира

– Кумохин, срочно зайди ко мне в учительскую, – громко на весь класс возвестила Мира Израилевна на последней перемене.

Предчувствуя недоброе, я побрел в учительскую. Кроме нас в ней уже никого не было.

Я остановился почти у самой двери, прислонившись к стенке. Учительница оперлась вытянутой рукой о стену, как бы препятствуя моей попытке сбежать.

– Кумохин, я знаю, что вчера вечером двое моих учеников распивали алкоголь возле райсовета. Скажи мне, кто это был!

– Ну, если Вы знаете, зачем же тогда я? – ответил я тихо.

– Да, я знаю, но я хочу услышать эти имена от тебя. Говори, же! – продолжала наседать Мира, видимо, не теряя надежды сломать меня.

Я терпеть не могу, когда на меня кричат.

– Нет, – ответил я уже громче.

– Ах так, тогда ты скажешь мне перед всем классом, – заявила она и потащила меня за рукав на выход.

Последним, шестым, был урок литературы, однако никакой литературой у нас и не пахло.

– Ребята, – начала Мира, как всегда громко и четко выговаривая каждый слог, – вчера у нас произошел безобразный случай. Двое учеников из нашего класса распивали алкогольные напитки возле здания Райсовета. И сейчас Кумохин расскажет нам, кто это был!

В классе воцарилась жуткая тишина.

– Встань! – я медленно поднялся.

– Говори! – я молчал.

Тут учительница увидела, что ученик, которого она даже и всерьез не воспринимала, рассчитывая устроить показательный эксперимент с признанием, очной ставкой и мало ли чем еще, этот хлюпик, этот «маменькин сынок», – он улыбался!

Я сам не знаю, как это у меня получилось. Ведь до сих пор я никогда не спорил с учителями. Да, честно говоря, у меня и поводов не было.

Я хорошо учился, никогда не нарушал дисциплину, был тихим, послушным мальчиком. Но эта красивая женщина требовала от меня невозможного – предательства.

И тогда с Мирой Израилевной случилась истерика.

Она бегала по классу, выкрикивая не очень связные слова, лицо у нее пошло красными пятнами и сделалось совсем некрасивым. А я продолжал стоять, и на лице у меня, как приклеенная, красовалась совершенно неуместная улыбка.

Урок был сорван.

Я оделся и отправился через весь Верх в столовую на Приморской улице, куда мама устроилась в буфет. Здесь я обедал по рабочим дням.

Я еще не успел и первого доест, как в столовую буквально ворвалась Мира.

Она отозвала маму, которая до этого сидела рядом со мной в виду отсутствия покупателей. Они довольно долго разговаривали в другом конце зала, так что мне ничего не было слышно.

Вот это номер! Неожиданности буквально преследовали меня в тот день. Я и не подозревал, что Мира знакома с мамой. Это было неприятно, тем более в такой ситуации.

Поговорив несколько минут на повышенных тонах, Мира ушла, явно раздосадованная.

Когда мама подошла ко мне, я ожидал выяснения отношений, но она все отлично поняла.

– Я познакомилась с твоей учительницей, когда лежала в больнице, – сказала мама, – мне показалось, что она очень хорошая женщина, но видно, я ошиблась.

– А чего она хотела от тебя?

– Того же, что и от тебя, но я сказала, что у нас в семье не любят предателей, – сказала мама с неожиданной твердостью.

Нечего и говорить, как я был признателен за эту поддержку, но к этому эпизоду мы больше с ней никогда не возвращались.

Другой вопрос не оставлял меня и когда я в школе так по-дурацки улыбался, и пока пробирался по продуваемым холодным ветром пустынным улицам.

Кто сообщил Мире?

Я снова и снова перебирал в памяти события прошедшего дня. Вот моя одноклассница Лиля приглашает меня прийти вечером к ней домой на вечеринку. Будут ребята и девчонки из нашего класса. Вот я заявился, но оказалось, к ней приехала родственница, и вместо вечеринки мы прогуливаемся по вечернему городу: две девушки и трое ребят.

Ветер раскачивает фонари на растяжках столбов.

Холодно.

Вот отчаянный хулиган Вовка Шемякин пообещал принести что-нибудь «для сугрева» и пришел из гастронома с бутылкой дешевого портвейна «три сапога» – 777.

– Кто будет пить из горла?

Девчонки Лиля и Мила отворачиваются – нет.

Я тоже отказываюсь.

– Ну ладно. Нам больше достанется.

Закадычные друзья Шема и Емеля заходят за угол «Белого дома».

Нам хорошо видны их раскачивающиеся тени.

Вернулись довольные, пахнув издали сладкой бормотухой.

Так, кто же донес?

Лиля – отпадает.

Милка, своя в «доску», разумеется, тоже.

Вовка с Виткой? Они же не самоубийцы.

Остаюсь только я.

Но я этого не делал!

В Табурищах

Родители быстро нашли жилье. Небольшой домик по улице Кирова, в котором нам предстояло обитать больше года, находился в дальней части Табуриц. Пожилая пара сдала нам половину дома: маленькую комнатку и кухню с большой печью.

Хозяин, колоритного вида казак с седыми усами и бритой головой, несмотря на почтенный возраст, а ему пошел уже девятый десяток, выглядел хоть куда: гладкая кожа и совсем не стариковская сила. В теплую погоду он любил ходить по пояс голый, а то и вовсе в трусах. Тело у него удивительно молодое и на вид ему больше пятидесяти не дашь. Он ленив, и, если бы не дражайшая его половина, мог спать целый день.

Двигается он медленно, и говорит тоже медленно:

– Ну, чого ти, стара дура, причепилась до мэнэ?

Спутница его жизни была лет на пятнадцать моложе, но смотрелась не так эффектно. Позже мы поняли, какой душевный недуг подтачивал ее здоровье. Ревность. Это был настоящий Отелло в юбке.

Старуха ревновала своего благоверного к каждой проходящей мимо их ворот женщине, но больше всего – к сорокалетней вдове из соседнего дома.

– Вы представляете, – изливала она маме свою душу, – стоит мне только за порог, как он шасть к этой бабе.

Уходя из дома, она запирала старика на ключ, но все равно жаловалась, что он убегал от нее на свидание – через форточку.

– Они меня отравить хотят, – жаловалась она в очередной раз и предъявляла в качестве доказательства яблоко из своего сада, – вот эти крапинки, это они кололи сюда шприцем с ядом. Только я эти яблоки есть не буду!

Через год мы съедем от них, а она будет ревновать его еще долго.

Приехав в очередной раз к родителям, я узнал, что, дожив почти до ста лет, дед помер, а старуха, едва не повесившись от скуки, продала дом и переехала жить к дочери.

Старик был портным. Я не знаю, возможно, было у его профессии другое название: он специализировался на фуражках. Я видел выставленные для просушки во дворе его творения: это были кепки огромного размера, настоящие аэродромы.

Как он кроил и сшивал свои изделия, я, по правде сказать, был не в курсе. Зато мы абсолютно точно знали, вернее, ощущали, когда он их отпаривал. У него был огромный, наверное, с пуд весом, утюг.

Сам по себе этот предмет, возможно, и не вызывал бы у нас стойкой неприязни, не будь он при этом еще и электрифицированным. Бог знает, какой толщины спираль служила в качестве нагревательного элемента у этого монстра, только после включения хозяйского утюга, свет в доме становился желтым и тусклым, а радиоприемник вообще прекращал работать.

Деньги за квартиру и за свет хозяйка у нас забирала одновременно, поэтому счетчика мы не касались. Как-то я увидел, как удавалось хозяину избегать высокой оплаты за электричество. Перед включением утюга, он подсовывал за вращающуюся рамку счетчика кусочек лезвия безопасной бритвы.

После чего счетчик крутиться переставал.

Но все неприятности с электричеством оказались детской забавой по сравнению с той проблемой, которую мы обнаружили, когда попытались растопить печь. Нужно сказать, что наша семья никогда не была особо избалована коммунальными излишествами. Отопление в нашей квартире в Мукачево было печное, водопровод появился только в последний год, а «удобства» были во дворе, вернее, в огороде.

Но печка в этом доме казалась пределом всему.

Она просто не хотела нормально гореть: сначала не разжигалась, а потом добрая половина дыма вместо того, чтобы выходить через трубу, упрямо просачивалась на кухню сквозь поддувало, печную дверцу, конфорки и все прочие щели.

Каждый раз, дожидаясь пока печка разгорится, в любую погоду нам приходилось открывать все окна и двери.

А хата и без того не была особенно теплой.

Несмотря на то, что снаружи она была обложена силикатным кирпичом, внутри в стенах, по-видимому, была одна труха. Две угловые стены нашей комнаты зимой до самого потолка были покрыты инеем, а летом сквозь побелку обильно проступила плесень.

Нужно сказать, что бороться с бытовыми проблемами по будням приходилось мне одному. Днем родители были на работе. А сестренка до вечера находилась на «продленке».

По ночам мы спали, не раздеваясь, натягивая на себя все одеяла.

Наверное, мои родители рано или поздно нашли бы для нас более подходящее жилье, но посыпавшиеся на нас всякого рода неприятности заставляли все силы направлять на их преодоление.

Отсутствие денег было, пожалуй, самым малым из бед.

Мои родители навсегда остались для меня примером в семейной жизни.

Другая жизнь начинается

Было одно решение, которое я принял для себя этой холодной неприветливой осенью, и которое круто изменило всю мою жизнь.

Я даже не могу точно вспомнить тот день, когда пришло ясное понимание: я буду учиться.

Нет не по школьной программе, там у меня было все в порядке, а по своей, продуманной на годы вперед. Я должен стать культурным человеком, разбирающимся в литературе, поэзии, живописи, музыке.

Научиться все понимать, решать все вопросы всегда самому и не зависеть от чьих бы то ни было мнений и указаний.

Это решение несмотря на кажущуюся спонтанность, было вполне закономерным. Я с детства привык к самостоятельности и всегда стремился все вопросы решать сам. Я еще не знал такого слова – неконформизм, но он был в известной степени предопределен, и нужны были только определенные обстоятельства, чтобы он проявился в осознанном решении.

А пусковым крючком к такому решению стала моя неприкаянность в чужом для меня классе.

Я, конечно, понимал, что многое из того, чем я хотел бы заниматься, в этом городе было для меня недоступно.

Но здесь было несколько библиотек, и в них были книги.

Как жадно я хотел обладать собственной библиотекой хороших книг, чтобы иметь возможность выбрать любую из них, вдохнуть особый буквально пьянящий запах бумаги и клея, погладить корешок и погрузиться в чтение.

К сожалению, об этом я мог только мечтать.

Но я записался во все библиотеки города и регулярно брал в каждой из них солидную стопку книг.

Если прежде я, как и мои родители и большинство моих сверстников, читал, в основном, детективную и приключенческую литературу, то сейчас это была литература классическая: отечественная и зарубежная.

Я начал читать книги по собственной методике: от первого тома до последнего, включая все критические статьи, вошедшие в издание.

Поскольку в библиотеках мне попадались классики, в основном девятнадцатого века, то и я буквально ощущал себя живущим не во второй половине двадцатого века, а, по крайней мере, лет за сто или за сто пятьдесят до своего времени.

Скоро я понял, что поступил правильно, записавшись сразу в несколько библиотек. И дело было даже не в конспирологических соображениях, хотя согласитесь, кому-то было бы странно видеть худенького подростка, таскающего из библиотеки по 5-6 томов еженедельно.

Я разобрался, что не только по количеству книг, но и по ассортименту книжных изданий библиотеки сильно различаются.

Библиотека, расположенная совсем рядом со мной в Табурищах, комплектовалась, видимо, раньше других: здесь я обнаружил даже сочинения Мао Цзэдуна, читать которые я, разумеется, не собирался.

Зато библиотека в Доме Культуры над пристанью обладала сочинениями Шекспира, Сервантеса, Лопе де Вега и Теодора Драйзера, которых не было в других библиотеках.

Я с жадностью погрузился в мир классической литературы, и, смею думать, авторы этих книг, были не самыми худшими советчиками.

Я читал увлеченно, запоем, не забывая, впрочем, аккуратно делать уроки и успевать по всем предметам. В школу посторонних книг я никогда не носил.

Как ни странно, но чтение не художественной, а публицистической литературы вызывало у меня самый большой отклик. Весь следующий год я зачитывался Белинским и Добролюбовым, нет, сначала Добролюбовым, а потом Белинским.

Белинский по-настоящему открыл для меня Шекспира и Пушкина.

Идите в философию, постигайте книжную мудрость – в ней нет ничего страшного.

Этот призыв неистового Виссариона я воспринимал как руководство к действию.

Так, незаметно, я начал вести другую, как бы параллельную жизнь, которая была гораздо интересней и значимей, чем жизнь подростка из бедной семьи в маленьком провинциальном городке.

Нельзя сказать, что я пытался скрыть свое увлечение. Но уж дома-то точно видели, что я делаю, что и сколько читаю.

Видели, но предпочитали не вмешиваться.

Проблем со мной не возникало, а трудностей у взрослых хватало и без меня.

Вода, вода ...

Едва успев переехать в новый город, охваченные рыбацким нетерпением, мы с отцом прихватили спиннинг и отправились на море. Когда мы вышли на бетонную набережную, солнце, должно быть, уже клонилось к закату, но его, все равно, не было видно из-за плотной дымки, окутавшей все небо. На всем протяжении набережной – от здания недостроенной пристани до видневшихся вдали камней – не было ни души. С моря поддувал ощутимый ветерок, заставлявший поёживаться в легкой одежке. Я нацепил самую заветную блесну и, широко размахнувшись, сделал еще один шагок по направлению к воде. Результат превзошел все мои ожидания: вслед за улетевшей блесной я тоже плавно, как по ледяной горке, съехал вниз и оказался почти по грудь в воде.

С первым купанием! Холодная вода привычно обжигала. Однако прохладиться было незачем, я смотал леску и протянул конец удилица отцу. Он легко вытащил меня обратно. Только тут мы обратили внимание, что край бетона у самой воды, и, как я убедился, на пару метров под водой покрыты скользкими зелеными водорослями. Я передал спиннинг отцу, перебрался через парапет и вылил воду из хлюпающей обуви. Затем, сняв одежду, отжал ее и снова надел и уж потом, что есть духу, припустил к нашему новому жилищу, до которого было не меньше трех километров по лесу, который здесь привыкли называть парком. Так бесславно, не успев начаться, закончилась моя первая рыбалка на море.

Той же осенью мы с отцом сделали еще одну попытку освоить рыбалку на Днепре, и на этот раз забрались под самую плотину в запретную зону, куда пришлось пробираться через дыру в колючей проволоке. И тогда я понял, как добывали рыбу мои одноклассники.

Увиденное здесь неприятно поразило меня. Два десятка людей тесно сгрудились на камнях у самого ограждения и полосовали воду странными снастями, называемыми «драч». Тяжелый груз с тремя страшными крюками на толстенной леске забрасывался жестким и коротким удилищем метров под сто и рывками подматывался на катушку. Иногда драч цеплялся за что-то на дне и тогда «рыболов» кричал «цепя!» и, побагровев от напряжения, пытался вытащить нежелательный груз. Но чаще то один, то другой кричал «взяла!» и, также напрягаясь, вытаскивал подцепленного за бок или за хвост здорового сазана, по-местному «коропа», или судака. Добыча тут же пряталась в мешок, и все начиналось сначала.

Нечего и говорить, насколько увиденное здесь совершенно не вязалось с нашими представлениями о рыбалке. Не сговариваясь, ни я, ни, насколько я знаю, отец, никогда не использовали эту браконьерскую снасть.

– Взяла! – передразнивал отец, – а она «взяла» за хвост.

Мы все-таки размотали свои удочки и поймали по паре ершей, правда, крупных. Однако неприятный осадок остался надолго.

С началом весны меня неудержимо начало тянуть к воде, хоть какой-нибудь. Какая-нибудь вода оказалась поблизости в виде небольшого глинистого прудика. В нем водились крохотные золотистые карасики. Как-то раз вместо карася мне попало неведомое чудовище с головой змеи. На поверку чудовище оказалось довольно крупной черепахой, которой захотелось полакомиться моим червяком. Потом я долго вытаскивал крючок из ее костистой пасти.

Затем у меня возникла идея выловить из пруда еще что-нибудь помимо копеечных, т.е. размером с копейку, карасиков. Для этого я решил вырастить опарышей. Опыт их разведения у меня уже был еще по Закарпаты, к сожалению, не очень удачный. Какой-то кот неизменно съедал рыбешек, оставленных мной на помойке для разведения личинок зеленой мухи.

На этот раз мне удалось пройти этап разведения личинок с гораздо большим успехом. А вот стадия хранения опарышей вновь закончилась неудачей, да еще какой!

Нужно сказать, что в нашей семье вплоть до моего поступления в институт не было телевизора. Дело в том, что в Закарпатье в те годы не было ретранслятора отечественного телевидения. Смотреть же телек на венгерском или чешском языке мои родители, разумеется, не хотели. Холодильника у нас тоже не было, по причине отсутствия денег. Поэтому, как нельзя кстати, в теплое время года приходился хозяйский погреб, располагавшийся на ничейной территории в коридоре.

И вот мы сидим за столом на кухне, а мама разливает борщ. Свой знаменитый борщ, который готовит по традиционному семейному рецепту. С учетом пожеланий отца, который был завзятым мясоедом, в борще должен присутствовать немалый кусище мяса с обязательной мозговой косточкой.

Первая тарелка отцу. Он не признает в борще сметаны, поэтому спасительная для меня отвлекающая окраска не случилась. Отец внимательно что-то рассматривает в тарелке и извлекает нечто маленькое и белесое.

– Что это?

– Да ничего постороннего там быть не может, – с досадой роняет мама, – наверное, жиринка какая-то попалась!

– А вот и у меня! – радостно восклицает сестрица.

После этой находки все почему-то повернулось в мою сторону.

Не в силах справиться с внезапно возникшим подозрением я бросился к подполу.

К моему ужасу, стоящая в самом уголке полулитровая банка с пересыпанными мукой опарышами была, разумеется, на месте, но лучше бы ей провалиться в тартарары и со мною вместе!

Двойной лист тетрадной бумаги, которым я плотно закрыл банку и обвязал для надежности толстой ниткой, оказался подмокшим и был прорван в нескольких местах. А опарыши, эти хитрые бестии, расползлись по всему подполу, и, разумеется, умудрились проникнуть даже сквозь закрытую крышку большой кастрюли с маминым борщом. Конечно, вслед за этим последовали потери материальные и моральные.

Борщ пришлось вылить, а я битый час корячился при свече и закрытой крышке подпола (чтобы, не дай Бог, хозяева не заподозрили недоброе), выковыривая опарышей из всех щелей.

Однажды в конце мая отец пришел с достоверным известием о том, что на косе, в паре километров от того места, где мы были осенью, хорошо ловится на спиннинг щука.

В первый же выходной еще затемно, мы отправились на реку. Сначала по темным улочкам Табурищ, потом уже по светлой, но также совершенно безлюдной улице Ленина. Солнце обозначило свой край, когда мы прошагали по мосту над шлюзом и ГЭС с приглушенно урчащими турбинами. А затем вниз по телу плотины, по едва приметной тропинке через песчаные пустоши, поросшие редкими островками остролистого тополя.

Наконец, солнце взошло и, сделавшись ослепительно ярким, осветило широкую гладь Днепра. Плавно и одновременно мощно тысячи тонн воды, пробежав через лопатки турбин, успокаивались за нижним бьефом и, разбившись на десятки светлых струй, играли в солнечных лучах.

На песчаной косе по колено в воде удили два рыбака. Я выбрал место немного поодаль и собрал спиннинг. Влажный песок охлаждал босые ноги. Закатав по колено брюки, я вошел в теплую воду.

Уже после первого заброса стало ясно, что мои снасти требуют корректировки: вращающаяся блесна была слишком легкой, и ее сносило течением, не давая опуститься на дно. И только я успел подцепить дополнительное грузило и повторно забросить, как почувствовал сильный толчок.

Я резко подсек и, как бы повторяя мое движение, трясая головой и натягивая до звона тонкую леску, из воды выпрыгнуло неведомое чудовище и с громким всплеском ушло на дно. Я пробовал подматывать леску, но вот беда: моя безынерционная катушка, рассчитанная на более скромную добычу, трещала и никак не хотела слушаться. Тогда я прижал леску к удилищу и, держа его против всех правил горизонтально, начал пятиться от воды. Я уже был довольно далеко на сухом берегу, когда показалась крупная рыбина и запрыгала на мокром песке.

Я стремглав бросился к ней. Моя первая щука. Она была очень красива: в светло-зеленой в яблоках мелкой чешуе и с большой зубастой пастью. Я был до краев переполнен радостью борьбы и передал спиннинг отцу. И вот уже он борется с бешено упирающейся добычей.

Как трудно передать словами ощущение полного счастья. Ах, как ласково светило солнце, как хорош был Днепр. Как журчала вода, каким белым и чистым казался песок, который громко поскрипывал в такт каждого шага.

Я подошел к ближайшему рыболову, чтобы поглядеть, на что он ловит. Это была самодельная крупная колебалка из толстого листа красной меди. И снасти у него были не чета нашим: грубое негнущееся удилище, большая инерционная катушка и толстая, не меньше 0,6 – 0,7 миллиметров леска. На моих глазах он легко вытащил очередную щуку, закопал ее в песок и пометил место сухой веткой.

Ну, что же. Я умею быстро схватывать уроки рыболовного мастерства. Скоро я стану делать свои блесны, которые будут ничуть не менее уловистыми, чем у других. И мы тоже, придя на реку, станем вырезать по тонкому стволу тополя. И будем закапывать в песок, чтобы не испортилась в летнюю жару, пойманную добычу.

И, может быть, только теперь, по-хозяйски делая для себя заметки на будущее, я впервые почувствовал себя дома. Среди этой широкой водной глади, песчаных отмелей и голубого неба. И то чувство настороженности и внутреннего напряжения, которое я испытывал со времени нашего приезда в этот город, ушло.

Теперь я знал, что буду приходить сюда часто: и этим летом, и следующим. И отыщу еще много клевых мест, и везде буду чувствовать себя как дома в этом прекрасном и щедром крае. И так будет продолжаться еще много-много дней.

Мы возвращались домой полные самых радужных надежд. За спиной у меня был старый отцовский вещмешок. Он изрядно оттягивал плечи. Солнце стояло почти в зените, было жарко и нам очень хотелось пить, потому что мой отец никогда не брал с собой воды. Где-то над Градижском появилась темная туча. Сначала я не придавал ей значения, но отец показал на тонкий шлейф, протянувшийся от нее к земле.

– Видишь эту тучку? Она не простая, а дождевая. Через четверть часа она будет над нами. Если не хочешь вымокнуть до нитки, нам нужно поспешить.

Но как ни ускоряли мы шаг, перед домом, совсем уже перейдя на трусцу, вернуться сухими нам не удалось. Но что такое теплый майский дождь для уставшего от зноя спутника, особенно, если он еще так молод!

В плавнях
Погожее лето степной Украины
С полуденным зноем и редким дождем.
В июне здесь падает пух тополиный,
А в августе – звезды под Млечным Путем.

Я провожу это лето один, без приятелей, и мне совершенно не скучно.

Во-первых, из-за книг, которые я научился читать быстро и по много страниц за раз.

А, во-вторых, я всю неделю делаю блесны, по несколько штук в день, а в воскресенье мы благополучно их топим.

Конечно, прикладываю руку и я, но значительно успешнее делает это отец. У него на этот счет существует своя теория: где больше коряг, там и рыбы больше. Сделав зацеп и оборвав блесну, он не уходит с этого места, а забрасывает туда же вторую, третью и так далее.

Единственная реальная возможность избежать дальнейших потерь – взять его за руку и увести подальше от злополучной коряги. Это помогает, но ненадолго. Мы уходим домой не от того, что устали или проголодались, а от того, что закончились блесны.

А в понедельник все начинается сначала. Я достаю большой лист нержавеющей стали, прикладываю к нему образец и гвоздем обвожу по контуру несколько раз. Я намечаю несколько таких контуров, чтобы успеть закончить их сегодня. Конечно, я мог бы вырубить за один день двадцать или тридцать заготовок, а завтра их обточить, но это будет не так интересно. Мне нравится делать блесны по одной: вырубить, обточить, выгнуть, вдеть колечки и, нацепив карабинчик и тройник, подержать на весу – еще одна!

Она будет самой уловистой и цепкой, шуки станут бросаться на нее, как быки на красную тряпку. А однажды на рассвете из-за черной, заросшей водорослями коряги ее увидит сом.

Пригревает ласковое утреннее солнце. За забором на лавочке шумят ребятишки. Где-то по соседству играет пластинка:

«Ну, что ж сказать, мой старый друг – мы в этом сами виноваты, что много есть невест вокруг, а мы с тобою не женаты».

Хорошая песня. Ее ставят раз по десять на день. Наверное, у того, кто ее ставит, только одна пластинка. А может быть эта – любимая.

За низким заборчиком виден соседний двор. Иногда по нему проходит девушка, приблизительно моего возраста, смуглая, кареглазая. Я с ней не знаком, но смотреть на нее мне приятно. Иногда мне начинает казаться, что эта песня и про меня тоже, и мне становится грустно.

Я продолжаю работать и заканчиваю свою ежедневную норму блесен еще через пару часов. После обеда пора и прогуляться. Я сажусь на свой старенький, выдавший виды велосипед и отправляюсь в плавни. Сначала нужно проехать нашу улочку по грунтовой дороге, затем улицу Строителей по асфальту. За переездом ныряю с откоса и оказываюсь в плавнях. До того, как была построена ГЭС и возведена плотина, эти луга в половодье заливало высокой водой, отсюда и название.

Плавни – это прежде всего царство вольного ветра. Сухой и горячий, он дует здесь всегда. Колышет жесткие шерстинки засохшей травы, морщит узкие ленты стариц, отчего вода в них кажется темно-синей, гораздо темнее отраженного в них неба. Дорожка, по которой я еду, выбита ногами пасущегося здесь все лето стада. Валяются засохшие лепешки коровьего помета, и вьется за спиной стайка мелких, надоедливых мух.

Я сильнее нажимаю на педали и чувствую, как плотной волной дышит в лицо знойный воздух, воздух степи. Вот она – воля! Привстав над седлом кручу педали изо всех сил. Темная от пота под мышками рубашка высохла, стала жесткой и надувается пузырем за спиной.

Безнадежно отстали мухи. Я лечу по широкой равнине и впереди только степь, а надо мной только небо да солнце, да песня жаворонка. Во-о-ля!

По желтой равнине, высоко поднимая ноги, шагают аисты. Они выстроились в шеренгу и похожи на солдат, идущих с винтовками наперевес. Только вместо штыков у них клювы. «Клац – клац, клац – клац». Аисты ловят кузнечиков. На высохших болотах лягушками теперь не прокормиться.

После лощинки, за строем тополей начинаются посадки. Рядочки сосенок, крошечных, чуть выше хвоща. Лет через пятнадцать под ними будут собирать маслята, а сейчас они согнуты и под тяжестью жука.

«Ш-ш-ш-ш» – шуршит пыль под колесами. Появляются дубовые рощи, кудрявые, светло-зеленые и трава между ними высокая, густая. Тропинка петляет от рощицы к рощице, и начинается лес.

По плавням разбросаны озера: маленькие и побольше, круглые и вытянутые лентой, болотца, протоки, пересыхающие к осени или остающиеся прозрачными все лето. Весной они наполняются вешней водой и идущей на нерест рыбой. В мае я с трудом проезжал здесь на велосипеде, таскал его на себе, забивая спицы тиной и лягушачьей икрой. В июне на пообсохших тропинках я давил в ежевичнике гадюк, хорошенько разогнавшись и поднимая ноги к рулю.

Больше всего мне нравится рыбачить в маленьких лесных озерах. Прозрачная вода, коричневатая, настоящая на опавших листьях, зеркально тиха даже в ветреную погоду. Глубина начинается сразу. Желтый песок круто уходит вниз на неизвестную, пугающую глубину. Я захожу со стороны протоки, заросшей кувшинками и лилиями, выглядываю осторожно из-за куста и направляю насаженного на крючок кузнечика в окошко между круглыми листьями. Поплавок замирает на мгновение, а потом начинает приплясывать на воде, разгоняя чуть приметные круги. Это мелочь. У нее нет сил ни стащить кузнечика с крючка, ни притопить поплавок. Затем подплывает красноперка покрупнее. Поплавок движется в сторону. Затем стремительно ныряет.

Есть! Сказочная золотая рыбка с оранжевыми плавниками и серебряной чешуей трепещет у меня на крючке. Я осторожно освобождаю ее и бережно опускаю в воду. Несколько мгновений она стоит неподвижно, двигая только жабрами, а потом, вильнув хвостом, тихонько отплывает прочь и, наконец, уверовав в чудесное спасение, стремглав бросается в глубину.

Плыви, рыбка, в свой дом, на тихое песчаное дно. Мне не нужны эти нежные рыбки. Я собираюсь оставаться еще долго.

Вот, если бы клюнула их тетя или бабушка. Я представляю себе выплывающую из глубины тяжелую темную рыбину, осторожную поклевку и сгибающуюся в дугу удочку.

Странное дело, на Днепре я ловлю рыбу в три-четыре килограмма весом, и уже остаюсь почти спокойным, а здесь, на маленьком пятачке воды, при мысли о крупной рыбе у меня потеют ладони.

Однажды на червя здесь клюнул щуренок. Он был зеленый, тонкий, пахивал болотом и походил на карандаш-великан, который продавался в газетных киосках. Когда я отпустил его, он с испугу задал такого стрекача, что где-то на середине озера свечкой выпрыгнул вверх.

Я перетаскиваю свой велосипед к крутому берегу, раздеваюсь и с разбегу прыгаю в воду.

«Тук-тук-тук» – все сильнее стучит в висках. Я вижу уходящее в глубину дно – чистое, ровное, и так и не достигнув пологой части, поворачиваю обратно. Переворачиваюсь на спину и, застыв неподвижно, смотрю на небо. Залитые солнцем кроны деревьев почти смыкаются, но даже маленький клочок неба заливают озеро ярким светом. Я направляюсь туда, где плавают белые звезды, по ошибке называемые цветами. Раздвигаю руками листья, скользкие стебли ползут по животу.

«Б-р-р-р!» – здесь мелко, но дно топкое, и я стараюсь оставаться на плаву. Запрокидываюсь на спину, погружаюсь с головой, обрывая прочные как веревки стебли.

Я запомню эти ощущения и опишу их в одном из рассказов о несчастной любви. Не моей. А рассказ так никогда и не закончу.

Таня

В половине второго на горизонте, там, где дымчатое голубое небо сливается с такого же цвета водой, появилась маленькая точка, стала стремительно расти, превратилась в корабль на подводных крыльях и пронеслась по бухте, оставляя за собой два желто-зеленых уса пены.

После этого я понял, что ничего хорошего от сегодняшнего дня ждать больше не придется.

Каждый день, всегда в одно и то же время приходит «Ракета», совершая последние в этом году рейсы, и я с грустью думаю, что скоро наступит день, когда она больше не появится.

Сегодня она уже прошла, а мне еще предстояло отсидеть два с половиной урока. Впрочем, этот можно уже не считать, потому что наша «немка» Марфа Ильинична уже заканчивает проверку домашних заданий.

Хотя, какая она немка?

Я подозреваю, что случись ей разговаривать с настоящим немцем, она выглядела бы не лучше, чем здоровяк Мишка Нековальский, последняя ее жертва, который стоит у доски и, тараша от напряжения маленькие глазки, с натугой выдавливает чужие, режущие слух фразы:

– Mein Vater gad ein Garten.

Кто-то не выдерживает и прыскает.

– Нековальский, не гад, а hat. Повторите за мной: hat. Und was machen sie in den Garten seines Vaters?

Мишка задавленно молчит.

– Arbeiten, arbeiten! – громко шипит Шемякин, нагибаясь между партами и показывая руками, будто копает землю.

По немецкому у меня твердая «пятерка», такая, что тверже не придумаешь.

Но заслуга в этом не моя, а Мориса Менделеевича, учителя немецкого языка в закарпатской школе, где я учился до приезда сюда.

Вот кто был настоящий немец.

Он с пятого класса разговаривал с нами только по-немецки и здорово нас натаскал. Вот уже год я пользуюсь старыми знаниями и, наверное, еще долго буду пользоваться. Иногда становится стыдно получать отличные отметки и ничего не делать, но я успокаиваю себя, что всегда успею взяться за иностранный по-настоящему, если в этом возникнет необходимость.

А сейчас есть предметы и поважней.

Впрочем, не только я чувствую себя свободно.

На последней парте гремит пустой спичечный коробок – это Шема с Емелей играют в «коробочки».

Марфа Ильинична уже несколько раз морщилась и махала рукой в их сторону.

Потом вдруг «бац» – звук как при выстреле.

Это Шема хлопает Емелю металлической линейкой по лбу.

– Шемякин, выйдите, пожалуйста, из класса.

– Марфа Ильинична, так ведь он проиграл!

– Шемякин, выйдите из класса за то, что играете на уроке.

Вовку дважды просить не надо. Он собирает свои тетрадки.

– Емеля, айда!

– Нет, Емельяненко останется в классе.

С видимым сожалением Шемякин выходит.

Учительница снова обращается к несчастному Нековальскому, который все это время стоит, переминаясь с ноги на ногу:

– Нековальский, sagen sie mir, bitte, um wievie Uhr stehen sie auf?

Дверь отворяется и в щель просовывается включенная голова Шемякина:

– Емеля, выходи!

Марфа Ильинична сердито оглядывается, но дверь уже захлопнулась.

– Марфа Ильинична!

– Ну, что еще, Емельяненко?

– Можно выйти, я чернилами облился, – и он показывает ладонь, на которую только что выпустил баллончик чернил из авторучки.

– Ничего, посидите, не маленький.

– Так ведь, щипит! – Витька корчит страдальческую мину.

– Ладно, отправляйтесь за своим дружкой, только папку оставьте. Уроки еще не закончились.

Класс тихо воет от восторга.

Через минуту, выглянув в окно, я вижу, как они направляются через школьный двор на пятачок – так зовут площадку над спуском к морю – маленький ершистый Шемякин и большой, согнувшийся вопросительным знаком Емельяненко – комичная пара.

Марфа Ильинична отпускает, наконец, Мишку.

Он некоторое время продолжает стоять, и, вытянув шею, наблюдает за движением пера в графе журнала.

Расцветает, показывает на пальцах: «три» – и бодрым шагом отправляется на место.

Я еще некоторое время смотрю в окно, затем перевожу взгляд на парты, пробегаю их и останавливаюсь на одной.

Потом снова в окно, и опять на эту парту.

Привычный маршрут.

Скоро месяц, как мы вернулись из колхоза, а это наваждение все не отпускает.

– Ты чего? – это Толя Кулиш, мой сосед по парте, очевидно, и он заметил.

– А? Да так....

Отыскиваю промокашку, торопливо пишу несколько строк.

Протягиваю записку Толе:

– Передай, вон туда.

– А прочесть можно?

– Читай, пожалуйста, ведь это шутка! – но уши у меня начинают подозрительно гореть. Когда записка шлепнулась к ней на парту, Клава, вздрогнув от неожиданности, захлопнула книгу.

Нахмутив брови, начала читать, потом не выдержала, приснула от смеха и толкнула соседку.

Посмеиваясь, они начали читать мои каракули, затем принялись глазами искать автора.

Я, разумеется, отвернулся, но предательские уши выдали меня с головой.

Все так же хихикая, девчонки достают по листку бумаги и начинают писать, очевидно, ответ.

На это уходит оставшаяся часть урока.

Как обычно, перемену мы проводили на пятачке.

Курильщики курили, а не курящие, вроде меня, слонялись без дела. В класс заявили после звонка, но, поскольку нас было много, географичка не стала применять репрессии.

На моем месте на парте лежала давешняя промокашка.

На обороте несколько аккуратных строчек.

Внутренне ликуя, я хватаю новую промокашку, но тут вмешиваются обстоятельства непреодолимой силы.

Прощать что-либо не в характере нашей учительницы географии.

Мы зовем ее «Лисичкой», за то, что она вся такая остренькая и быстрая.

– Так, – говорит она, открывая журнал на нужной странице, – сегодня отвечающих и искать не нужно – вон сколько у нас опоздальщиков. Ну-ка, Кумохин, бери указку!

С беспокойной душой отправляюсь к доске.

Сегодняшний вызов у меня не предусмотрен.

Только на прошлом уроке я тянул руку, и, получив «пять», рассчитывал на две-три недели спокойной жизни на уроках географии. Обычно, этот метод себя оправдывал. Да, где угодно, но только не у Лисички. Теперь остается надеяться только на свою память.

Некоторые ребята, завидуя, наверное, моим отметкам, считают меня зубрилой. Знали бы они, что я если и заглядываю в учебник, то только перед самым уроком. Все остальное дается мне как бы само собой.

Но каждый раз, перед ответом, я глубоко вздыхаю и успеваю подумать почти со страхом:

– А вдруг она не сработает?

Но она срабатывает и на этот раз.

Старательно подсовывает мне даты, цифры, сравнения. Почти как в учебнике, но только «своими словами».

На место я возвращаюсь уже абсолютно спокойным.

Достаю ручку, пишу. Все остальное для меня больше не существует. Наконец, ставлю точку, поддвигаю записку моему «цензору».

По тому, как что-то меняется в лице Толика, догадываюсь, что это уже не просто так, не шуточка, что на этот раз я попал в точку. Но в какую? Должно быть, я скоро об этом узнаю. Сворачиваю листок и сам швыряю его на ту парту.

Лисичка успевает заметить, но спасительный звонок предупреждает уже готовое вырваться замечание.

Хватаю свою папку и выбегаю из класса. Последний урок – биологию – я твердо решил прогулять.

Тихая и ясная пора, когда крепчающие день ото дня утренники тают бесследно в мягком сиянии ноябрьского солнышка, а оно на закате дарит вечера действительно лучезарные,

переходящие в холодные ночи с серебристыми каплями звезд – это умиленное и радостное умирание было прервано неожиданно и резко.

С вечера задул северный ветер, небо затянуло, а ночью разыгрался настоящий шторм. Мощным порывом с прикола сорвало укрывавшийся в бухте за волноломом теплоход «Некрасов» и выбросило на камни напротив Спецстроя.

Пассажиров на нем не было, а экипаж, перегонявший теплоход вниз по реке, в ту ночь почти весь сошел на берег. Всю ночь завывал ошалело пароходный гудок. Редкие зеваки, рискнувшие выбраться из дома в такую непогоду, были вознаграждены кто стулом, кто ковром, выброшенными из кают, а кто и просто спасательным кругом или полированной под красное дерево доской.

На рассвете два буксирных катера сняли теплоход с камней и, поддерживая его, словно санитары раненого бойца, бережно повели через шлюз вниз по Днепру.

Наутро в школе только и разговоров было, что о «Некрасове», и о том, кому больше добра досталось. Героем дня оказался какой-то Гриша, контролер на водозаборе, который раньше всех оказался на месте происшествия.

– Волны во какие – через парапет так и хлещут, – передавали слова восхищенного свидетеля, – а этот сумасшедший с багром по откосу бегают. Мебели натаскал – целую квартиру обставить можно!

Среди всеобщего возбуждения один только я не принимал участия в этих разговорах, казался подавленным и всего несколько человек знали причину моего уныния.

Вчера в половине десятого вечера, как обычно, закончилась тренировка в секции гимнастики в школьном спортзале. Часа полтора мы занимались на снарядах, пытаясь разучить с листа новые элементы, а затем гоняли мяч на импровизированном поле и возились со штангой.

Каждый, кто хоть сколько-нибудь занимался спортом, знает ту умиротворенную усталость, с которой возвращаешься после очередной тренировки. Натружено покалывают ладони, налитые мышцы ног и спины делают тебя немного неуклюжим, словно ты не худой, пусть даже и мускулистый подросток, а эдакий силач – тяжеловес.

Но ты выходишь на улицу, и твоя длинная тень с путающимися лапами неуклюжего пальто возвращает тебе сознание твоей худосочности.

Мы возвращались домой с моим одноклассником Толей Тесленко, тихим, немного забитым мальчиком, которого я сагитировал записаться в секцию, для того, чтобы не было так скучно возвращаться домой по глухим улочкам Табурищ.

Прямо напротив школы строился новый дом. В узкую щель между ним и каменным забором банка нам предстояло пройти.

Здесь, в перекрестках бегающих теней, нас поджидали двое. Один взял Толю за руку и отвел в сторону. Другой, пряча руки за спину, и по-бычьему наклонив голову, стал напротив меня.

Я узнал Аниську, как бы ни старался он придать себе солидности.

– Ну, чего тебе, Аниська, – спросил я, как будто спокойно, но сердце у меня отчаянно заколотилось.

– Сказано тебе, чтоб ты от нее отцепился.

– От кого, от нее? Да говори ты толком, что тебе нужно.

– Тебе лучше знать от кого, от крали своей!

– Идиот, – закричал я ему в лицо, – нет у меня никакой крали. Не было и нет. Запомни это!

– Ну, вот тебе за идиота! – процедил Аниська и ударил меня кулаком в перчатке в лицо.

Удар получился не сильный, вскользь, но нижняя губа оказалась глубоко рассеченной изнутри, и я почувствовал, как рот наполняется кровью.

И тут произошло то, что я до сих пор вспоминаю со стыдом, хоть знаю, что был совершенно прав тогда.

Позже, когда я не один раз возвращался к этому злополучному вечеру и мог не спеша проанализировать все мысли, которые промелькнули у меня в одно мгновение, я понял, что меня насторожило.

Он был там не один. Слабый, но задиристый щенок. Он провоцировал меня и ждал ответной реакции. Где-то рядом были его сообщники, которые только и ждали начала драки.

Я не знал, кто был с ним, но без сомнения они присутствовали, где-нибудь в соседнем подъезде или за домом.

Но все это я понял только потом, а в тот момент ощутил только холодок по спине. И не то, что бы испугался, а почувствовал опасность.

Я видел, как втянул он голову, ожидая удара, и приготовился к нему. Но я видел и его улыбку, отвратительную подлую ухмылку подсадной утки. Он хорошо знал, что за этим должно было последовать: я должен был броситься на него – и бить: руками, ногами, головой, пока не исчезнет эта ухмылка на его лице и ... пока не начнут меня топтать ноги тех, кто затаился сейчас в темном подъезде.

И я знал, что должен был это сделать, но вместо всего этого, я схватил руку, которая только что ударила меня, и, сжав ее, тихо, как будто ничего не произошло, и я не сглатывал кровь, которая сочилась все сильнее, начал говорить, что произошла ошибка, и никакой девушки у меня нет. Ошибка, ошибка.

Я смотрел ему в глаза и видел, как исчезла ухмылка, сменилась недоумением, затем вспыхнула радость – его тоже не будут бить! – и опять недоумение: что же делать дальше?

– Генка, беги! – услышал я голос Толи и увидел, что он стоит поодаль и машет мне рукой. Но я не побежал, потому что у меня закружилась голова, когда я дотронулся языком до раны и почувствовал жгучую боль.

Мы отошли, и нас никто не трогал.

– Сильно он тебя? – спросил Толик с состраданием.

– Да нет, не очень, губу только разбил. Кровь идет.

– На, поддержи пятак, а то распухнет, – посоветовал он и протянул монету.

Я прижал металлический кругляшок, но он скоро нагрелся и уже не приносил пользы.

– Ну, ничего, мы соберем завтра наших ребят: Кулиша, Шему, Емелю – они им таких насуют, – пригрозил Тесленко, который был, видимо, расстроен не меньше меня.

– А за что это они? – спросил он несколько погодя.

– Да откуда я знаю, за что? – не выдержал я, потому что, действительно не знал этого.

Но дома, лежа в постели, глотая слезы, я начал о чем-то догадываться.

В ту ночь светила дивная луна.

В небе, пронизанном голубым светом, висел огромный слепящий шар, такой, что даже больно было на него смотреть. Он сиял над приязненным миром, из которого я видел только малую часть – село, лежащее в низинке между двумя холмами, с гребенчатой верхушкой леса и картофельным полем.

Я видел только часть, но знал, просто уверен был, что и весь окружающий мир такой же светлый и улыбающийся. Дома начинались где-то далеко, за пределами видимости, но основное направление единственной улицы хорошо просматривалось по аллее пирамидальных тополей, сияющих каждым застывшим, как будто вырезанным из блестящей фольги листком.

Тот час же за последним двором, за плоской площадкой начинался залив. Вернее, я знал, что там должен быть залив, но видел слепящее металлическое зеркало, как будто даже выпуклое, возвышающееся своей серединой над лужайкой, тоже светлой и сияющей.

Попадая ногой в маленькие рытвины, я, конечно, понимал, что наша площадка не что иное, как выгон для скота, бесчисленное число раз шествующего из села на водопой и обратно.

Но в том-то и заключалось очарование этой ночи, что лунный свет колдовски преобразил окружающую нас природу, как Золушку, и, может быть, как в случае с Золушкой, не просто набросил сверкающий свой наряд, но раскрыл и высветлил самую сущность ее нетленную.

В колхоз нас привезли на катере и высадили на местной пристани. Разместив по несколько человек в частных домах, нас отправили на картофельное поле. Целый день мы всем классом копали клубни и набивали их в мешки, а вечером, не стовариваясь, высыпали на деревенскую улицу и до глубокой ночи играли в салочки, по-местному в «квача».

Тот, кто приходил позже, автоматически становился «квачом» и должен был поймать первого, кто подвернется под руку.

А остальные прыгали вокруг и старались попасться на глаза раньше других. В тот вечер я так ловко бегал и изворачивался, что ни разу не дал себя поймать.

Наверное, все-таки, напрасно, потому, что я тогда бы мог погнаться за Таней, и коснуться плеча девушки, с которой я не успел еще по-настоящему и парой слов перемолвиться. Мой сосед по парте Толя Кулиш, в отличие от меня, то и дело водил, хотя бегал ничуть не хуже.

Едва приняв кон, он тут же бросался за Таней, и, догнав, с торжествующим криком набрасывал ей на голову свой пиджак или выкидывал еще какую-нибудь штуку.

– Э, так не интересно, – кричали им вдогонку, когда они убегали слишком далеко.

Но мне все было интересно: и то, как звучит ее смех, и как она бежит, пусть не очень легко, но, все-таки, достаточно быстро.

Я видел, что она нравится Толику, но это ничуть не задевало меня. Мне казалось, что все должны восхищаться ее прелестью, так же, как красотой этой ночи, и неба, и залива. И это мог не заметить только слепой.

Утром я не смог есть и, сославшись на отсутствие аппетита, выпил только стакан чаю. Против ожидания, губа распухла не сильно.

Первые три урока – и в этом было мое спасение – занятия проходили в столярной мастерской. Я почти любил это время. Заточить на бруске лезвие рубанка, настроить инструмент так, чтобы из-под руки невесомыми свитками тянулась стружка:

Вжик –вжик.

На гладкой поверхности доски в разводах годичных слоев отдыхает твоя измученная душа.

На перемене ко мне подошел Тесленко, скривив рот в странной для него усмешке, сказал:

– Это Кулиш тебе подстроил за Таньку Тихову.

– Но это еще не все: в подъезде нас поджидали сам Кулиш и Шема с Емелей.

– Ладно, – ответил я, продолжая строгать, – там видно будет, – и сплюнул в ворох опилок розовую слюну.

Так и не дождавшись конца третьего урока, ребята побежали смотреть на место аварии «Некрасова». Остались дежурные – я и Кулиш, – следующие по списку. Молча, не глядя друг на друга, подмели под верстаками, и, сложив мусор в носилки, отнесли в яму за забором школы.

Я долго пытался разжечь отсыревшие стружки, а Кулиш молча стоял наверху. Когда пламя разгорелось и, отряхиваясь от прилипших опилок, я вылез наверх, он мрачно посмотрел на меня:

– Ладно, если хочешь, мы можем с тобой столкнуться.

– Как это – столкнуться? – не понял я.

– Ну, подраться, вон там, в лесу после уроков.

– Да пошел ты к черту, понимаешь? – на этом «понимаешь» у меня задрожали губы, но я сдержался.

– Ну, как знаешь, – он пожал плечами, поглядел на огонь и, не спеша, увязая в размокшей после дождя глине, направился к спуску.

Не направо, по лестнице, а напрямик, так было ближе.

Когда я пришел в класс, там еще никого не было.

Девушки проходили практику по предмету «кройка и шитье» в другом помещении.

Следующим был урок истории.

Я сел за парту, открыл учебник. Глядя перед собой в одну точку, стал почти с ужасом думать о том, что сейчас откроется дверь и войдет кто-нибудь из моих одноклассников.

Неужели только вчера я был так совершенно и безоблачно счастлив?

И как могла случиться именно со мной эта ужасная история?

В класс они ввалились все вместе, нисколько не обращая на меня внимания и все еще обмениваясь впечатлениями о ночном шторме.

Однако я заметил, что все уже знают обо мне. Впрочем, мне, кажется, сочувствовали. Я встретил только один или два насмешливых взгляда, заставивших меня мучительно сжаться и покраснеть.

Как я отсидел оставшиеся уроки не знаю.

Хорошо еще, что меня ни разу не вызывали к доске. Уж на этот раз я бы неминуемо провалился.

На перемене, когда я прогуливался по коридору с гордо поднятой головой (а что еще оставалось мне делать?), ко мне подошла Таня.

В другое время я бы удивился, но только не сейчас.

– Ну, что еще? – спросил я недовольно, как будто меня оторвали от важного дела.

– Гена, – заговорила она участливо, не заметив моей грубости, – Только что-то тебе сделал из-за меня? Хочешь, я скажу Рудину, и он отлупит Кулиша? Рудин «король города» и все для меня сделает, – добавила она торопливо, расценив, очевидно, мое молчание, как неверие в ее возможности.

Я молчал, как истукан.

– Ну, что ты решил? – спросила она, начиная уже сердиться на мое молчание.

– Да, ничего – отвечал я, потому что не знал, что ответить.

У меня вдруг возникло ощущение, будто я нахожусь не здесь, а где-то далеко-далеко и вижу ее, как если бы смотрел в бинокль с обратной стороны.

Там стоит чужая девушка и что-то говорит мне, а я едва слышу ее.

Ее голос, низкий, грудной со слегка заметной картавинкой, сейчас он не завораживает меня, а даже раздражает.

А вот и я ей что-то ответил, но голос совсем чужой и доносится он тоже издалека:

– Собственно говоря, это тебя не касается, ты совершенно не при чем в этом деле.

И опять мы стоим и молчим.

Наконец, там, вдалеке, девушка не выдерживает.

Она явно обижена, она пожимает плечами:

– Я ведь помочь хотела.

– Спасибо, я сам.

Девушка поворачивается и уходит. Но что же я делаю?

Нужно немедленно вернуть ее. Ведь это же навсегда!

Но сил у меня нет, и я только судорожно прижимаюсь к решетке у окна, возле которого мы разговаривали.

Таня уходит.

Но разве это та девушка из моей лунной ночи? У нее тяжеловатая походка и ученическая форма смешно и неестественно облегает ее уже сформировавшуюся фигуру.

Странно, как я не замечал этого раньше.

После этого мои отношения с одноклассниками еще долго были, так сказать, на точке замерзания.

Вероятно, наиболее полно общественное мнение обо мне высказала тогда Лиля, откровения которой я подслушал случайно:

– Ах, это дитя, Гена Кумохин!

На улице Строителей

Прошло больше года, прежде чем родителям удалось получить коммунальное жилье. Это была одна комната в трехкомнатной квартире. Она находилась на первом этаже двухэтажного дома, уже не нового, но приземистого и крепкого. Наша комната была расположена в конце длинного и узкого коридора, рядом с крохотной кухней. Комната тоже была маленькая, как сейчас помню, одиннадцать с половиной квадратных метров. Вчетвером мы едва в ней помещались, особенно ночью. Мне довелось спать на раскладушке, и чтобы выйти из комнаты, нужно было приподнять мою раскладушку до уровня груди.

Волей-неволей нам пришлось оккупировать и кухню. Благо, в двух остальных комнатах жили старушки. Одна была маленькая и незаметная, как мышка, а другая высокая, сухопарая с громким голосом. Обе были одинокие и жили на свои крохотные пенсии. У мышки была пенсия двенадцать рублей, а у сухопарой восемнадцать. Поэтому в их рационе питания были в основном каши, и на кухне они долго не задерживались.

Мы же, после изнуряющей борьбы с вечно дымящей печью, чувствовали себя почти на вершине блаженства. Кроме того, в доме был водопровод, так что я, практически впервые за свои пятнадцать лет, мог в полной мере насладиться и этим благом цивилизации. Правда, я не торопился по утрам пользоваться краном, и, несмотря на уже наступившие холода, по утрам выходил во двор умываться под колонкой. У меня был заготовлен обломок кирпича, подсунув который под ручку, я добивался непрерывного течения струи без участия рук. Через дорогу напротив нашего дома находилась автобусная остановка, и пораженные бабули, укутанные в теплые шали, почти с ужасом смотрели, как худенький подросток в одних трусах и тапочках на босу ногу в клубах морозного пара неторопливо шлепал домой.

– Тю, скаженный, – доносились до меня комментарии моих невольных зрителей.

Но эти представления скоро прекратились, потому что недовольный управдом обнаружил перед колонкой огромную замерзшую лужу и велел заглушить воду до весны.

Я по-прежнему продолжал, подобно удаву, проглатывать огромное количество книг. Но теперь уже сидя на кухонном стуле, что было гораздо удобнее, и мне больше не нужно было кутаться.

Сейчас немного даже странно вспоминать о той жажде знаний, которая захлестывала меня целиком. Вот как я мог, например, провести свой выходной день. С утра слушать какую-нибудь научно-популярную передачу по динамике на кухне, затем полдня читать свои книги, а потом в одиночку отправиться бродить дотемна по берегу моря или по парку.

Кроме того, я начал вести нечто вроде дневника, только стихотворного, в котором описывал, например, частые смены весенней погоды, прилет скворцов, но иногда, незаметно для себя, появлялись тоскливые строчки, в которых я жаловался на одиночество. Эти свои упражнения, я, разумеется, никому не показывал.

С приходом весны я значительно увеличил дальность своих пеших походов. Кроме уже привычных зарослей белой акации и вездесущих тополей новым явлением для меня были рощицы дикой абрикосы – жердели, в апреле удивительно густо покрытых розовыми ароматными цветками.

В саду последняя метель

Опавших лепестков.

И горьковатый легкий хмель

Цветенья и костров.

Однажды, я, как обычно, в одиночку, гулял по парку и услышал чудесные звуки музыки, которые раздавались в летнем кинотеатре. Я подошел поближе, а для того, чтобы увидеть, что происходило на сцене, залез на ветку ближайшей к ограде кинотеатра сосны. После сеанса я подошел к афише и увидел, что показывали, к слову сказать, редко идущий тогда фильм-балет «Ромео и Джульетта» на музыку Прокофьева с Галиной Улановой в главной роли.

Но тогда, сидя на дереве, я зачарованно смотрел на чудесное действо. А когда зазвучали аккорды знаменитой сцены «чумы» и Уланова пронеслась, нет, буквально пролетела над сценой, я почувствовал, как мороз пробежал по спине, и чуть не упал со своей ветки. Так я понял, что мне нравится классическая музыка, и подумал: когда у меня появится возможность, я непременно буду ходить на концерты, на оперу и балет.

Что касается школы, то здесь у меня по-прежнему не было изменений, я ни с кем не сходилась близко, хотя внешне у меня были приятельские отношения со многими ребятами.

На Днепре

Следующей весной произошло событие, которое, несмотря на его кажущуюся незначительность, стало одним из определяющих в моей бедной юности.

Отец купил лодку. Это была крепкая двухвесельная плоскодонка, такая тяжелая, что и два взрослых человека не смогли бы ее поднять.

О покупке мотора не могло быть и речи. Да я нисколько не хотел этого.

Я не мог дожидаться того момента, когда сойдет, наконец, лед, и ее можно будет спустить на воду.

Несколько раз мы, еще по холодной воде, отправлялись на лодке вдвоем, а потом отец, убедившись, что я вполне освоился, разрешил мне выходить в плавание одному.

С той поры я перестал жаловаться в своих доморощенных стихах на свое одиночество.

Эта лодка и река стали моим вторым домом.

С ранней весны до глубокой осени пассажиры пароходов и хозяева моторных лодок, проносящихся мимо со скоростью ветра, могли видеть на реке странного паренька, терпеливо загребавшего веслами на могучей реке.

Скоро на протяжении добрых двух десятков километров от ГЭС не было такого места, где бы ни побывала моя плоскодонка и ее любознательный хозяин.

Однажды, в самом конце мая, когда учебный год уже закончился, а экзамены еще не начались, я отправился на реку.

Это было одно из первых моих самостоятельных путешествий на лодке. И я старательно его продумал, чтобы не совершить ошибок. Мне предстояло выйти из удобной гавани, в которой находилась лодочная станция, проплыть немного по довольно узкому каналу, соединяющему Днепр со шлюзом, вытащить лодку на берег и пешком перебраться через узкую песчаную косу к основному руслу реки.

Купальный сезон еще не начался, к тому же был будний день, поэтому оба берега канала были безлюдны. Я уже знал, что уровень воды в проливе довольно сильно повышается, когда спускают камеру шлюза. Поэтому мне нужно было закрепить лодку на берегу именно в это время, чтобы потом ее не унесло поднимающейся водой.

Так я и сделал. Убедившись, что вода поднялась до самой высокой отметки, я еще некоторое время вытаскивал корпус лодки, а затем старательно обвязал длинной носовой цепью, оказавшийся поблизости ивовый кустик.

Потом я захватил с собой весла и спиннинг и перебрался через косу. Она была узкой, всего каких-то метров пятьдесят, но довольно высокой, с крутыми берегами по обе стороны. Поэтому увидеть, что происходит на другой стороне косы, можно было, только взобравшись на ее вершину.

В отличие от ровного, как будто вылизанного берега со стороны шлюза, берег на нижнем бьефе был сильно изрезан, образуя такие милые каждому рыболову бухточки и поросшие тальником островки с узкими протоками. Каменистый берег сменялся небольшими песчаными косами, на одной из которых я и обосновался. Совсем недалеко высилась гребенка ГЭС.

Это было зрелище, к которому я уже попривык за прошлое лето, только на этот раз плотина была не справа, а слева от меня.

Щуки уже успели отметить икру, но настоящий жор еще не начался, поэтому мне пришлось достаточно потрудиться, прежде чем мою блесну далеко, почти в самом начале проводки, схватила небольшая, по здешним меркам, хищница килограмма на два весом. Она оказалась довольно бойкой и прежде, чем я ее вытащил, успела пару раз выпрыгнуть из воды, трясая головой с разинутой клыкастой пастью.

Так же беспокойно она вела себя и на берегу: прыгала, пружинисто изгибаясь, на крупном ослепительно белом песке. И после нескольких прыжков превратилась в какое-то совершенно фантастическое страшилище.

В довершение ко всему она умудрилась еще и укусить меня за палец, когда я сделал неосторожное движение, вытаскивая из зубастой пасти глубоко застрявший тройник. Каждый рыболов знает, что следует особенно опасаться зубов этой хищницы: нанесенные ей раны могут быть довольно глубокими и не сразу заживают.

Кровь из раненого пальца долго не хотела сворачиваться. Я вошел по колено в уже теплую воду, опустил в нее ладонь и смотрел, как вытекающая струйка крови постепенно растворяется в прозрачной струе. Меня совсем не волновала полученная травма, но, когда мне надоело стоять в воде, я вышел на берег, растянулся на горячем песке и присыпал им ранку, подобно тому, как мама присыпала мне в детстве порезы растолченной таблеткой стрептоцида.

Солнце, стоящее почти в зените, было уже по-летнему жарким, и ни одного дуновения ветерка не пробегало по сверкающей глади реки.

Незаметно для себя я задремал. Я нисколько не опасался обгореть на солнце.

Каждый год, с первых теплых солнечных лучей я привык, как говорил отец, оставаться в форме номер раз. Поэтому, нисколько не стараясь специально загорать, самым естественным образом приобретал недостижимый для иного горожанина шоколадный цвет.

Вероятно, я проспал довольно долго, потому что, когда я приподнял голову, солнце уже успело значительно изменить свое положение на небосклоне. Больше того, из ослепительно сияющего шара оно успело превратиться в призрачный тусклый кружок, окруженный светлым нимбом.

А за ним, в той стороне, куда оно должно было опускаться, со стороны Градижска медленно поднималось нечто несуразное: темно-лиловое, сверкающее огненными сполохами ветвистых, как могучие деревья, только растущие корнями вверх, молний – и все это в жутковатой тишине совершенно неподвижного воздуха.

В одно мгновение я понял, что мне пора, как говорят, «сматывать удочки», и, прихватив весла, спиннинг и закопанную во влажный песок щуку, я буквально взлетел на высокий берег.

Увиденное по ту сторону косы, меня далеко не обрадовало. Лодка, которую я оставил у самой бровки воды, привязанной к тоненькому кусту...

Нет, лодка была на месте, и куст никуда не делся, а вот воды, воды не было!

Вернее, вода была, но, по крайней мере, метрах в пятнадцати ниже обнажившегося топкого и пологого бережка.

Делать было нечего. Чертыхаясь про себя, я отцепил лодку от куста, не забыв аккуратно сложить вещи под носовое отделение, и принялся толкать лодку к воде.

Ну, толкать, это, пожалуй, громко сказано. Единственное, что я мог, это чуть приподняв нос или корму, переместить одну часть лодки относительно другой. При этом после пары таких перемещений, лодка действительно иногда немного спускалась вниз, а иногда и не спускалась.

Но я очень торопился и настойчиво повторял раз за разом одни и те же движения: поднатужиться, приподнять, перенести и, оббежав половину лодки, проделать тоже самое. Раз, наверное, на пятидесятый большая часть лодки оказалась в воде.

Увлеченный борьбой с неповоротливой посудиною я совершенно упустил из виду быстро меняющуюся погоду: всего за несколько минут стало как будто бы смеркаться и заметно похолодало. Я еще успел ополоснуть ноги от приставшего ила, вставить весла в уключины и, столкнув последним движением лодку на воду, усесться за весла, как началось настоящее светопредставление.

Сильным порывом ветра, внезапно рванувшего вдоль течения реки, лодку сильно накренило, и она наверняка зачерпнула бы воды, если бы я, с усилием ударив веслами по воде, не заставил ее развернуться навстречу ветру.

И тут началось. Смешанный с песком и пылью ветер дул вдоль канала просто с нечеловеческой силой. Нечего было и думать, чтобы не только продвинуться вперед, к лодочной станции, но даже просто оставаться на месте.

В одно мгновение я и моя лодка оказались стремительно несущимися по самой середине канала вслед за крутыми волнами и бешеными порывами ветра.

Что чувствовал я, посреди бушующей стихии? Испуг и замешательство? Совсем не то: восторг и упоение!

По голой спине колотили порывы ветра вперемежку с холодными брызгами, а мне было весело! Я даже стал напевать какую-то бесшабашную песенку.

Очень сильный ветер продолжался всего несколько минут, но за это время меня успело отнести на добрый километр.

Потом он несколько поутих, но зато пошел холодный дождь. К этому времени я успел, потихоньку управляя веслами и держась против ветра, переправить лодку на другую сторону канала.

Правда, я оказался довольно далеко даже от того места, где всего несколько часов назад так опрометчиво отправился на свою первую самостоятельную прогулку. Порывы все еще были сильными, поэтому нечего было и думать, чтобы на веслах выгрести одновременно против течения и ветра.

Я вылез на берег и, взявшись за носовую цепь, потащил лодку обратно. Темные тучи обнимали весь небосклон, и вода в реке была темная, почти черная, только барашки на волнах серебрились.

То и дело вспыхивали молнии, но уже не над головой, а где-то над плавнями. Скоро дорогу мне преградил стоящий на приколе катер, огороженный листами железа. Мне пришлось взобраться на палубу и пройти вдоль борта, держась одной рукой за протянутый трос, а другой, держа на привязи скачущую на волнах лодку.

Я спрыгнул на песок и вдруг обнаружил, что одно весло исчезло. Я представил, как покачивается оно на волнах далеко-далеко от меня, и в первый раз за все время мне стало не по себе.

Но куда же оно, все-таки делось? Так, нет весла с левого борта. Значит, оно могло зацепиться за что-то, пока я проходил по палубе.

Слабая, почти несбыточная надежда заставила меня снова сесть в лодку и проплыть рядом с железной изгородью.

И, о радость! Я действительно увидел свое весло, которое плотно засело в щели изогнутого буквой «Г» листа металла. Если бы не случай, я ни за что бы его не заметил, так ловко оно замаскировалось. Торжествуя, я извлек пропавшее весло и уже не спускал с него глаз.

Перед самым шлюзом я заметил на противоположном берегу канала двух отчаянно машущих рыбаков. Когда я перевез сильно продрогших товарищей по несчастью на другую

сторону, они долго меня благодарили. Ведь встретить кого-нибудь в такую погоду было большой удачей.

Между тем гроза окончательно стихла, снова стало тепло, и только меленький грибной дождик напоминал о пронесшейся непогоде. Туча пушистым одеялом накрыла мой город. Мягкие лапы тумана опустились до самых крыш и макушек невысоких еще каштанов и широколистных лип, которые вот-вот собирались зацвести.

И было непонятно, то ли это дождь еще накрапывает, то ли уже сам туман конденсируется на листьях, на мокром асфальте, и на моих щеках.

Я шел по тихим улочкам в прекрасном расположении духа, позабыв и думать о приключениях сегодняшнего дня.

Дома мне даже не пришлось оправдываться перед вернувшимися с работы и ни о чем не подозревающими родителями.

Да они и не спрашивали.

Эпилог «Войны и мира»

Приблизительно в начале лета 1964 года я вдруг решил, что буду заниматься философией. Именно так: не стану философом, а буду заниматься философией. Как сейчас помню, при каких обстоятельствах мне пришла в голову эта странная, с точки зрения обычного человека, мысль. Я дочитывал роман Толстого «Война и мир».

Киноэпопея режиссера Бондарчука выйдет еще только через два года. Поэтому перед глазами у меня еще не могли мелькать знакомые сейчас каждому школьнику сцены из этого фильма.

Нечего и говорить, что роман захватил меня и держал в напряжении вплоть до последней страницы. По своему обычаю прочитывать каждую книгу от корки до корки, я добрался и до эпилога четвертого тома. Того, где описываются последние слова его героев. Затем начал читать вторую часть, в которой ни о Наташе, ни о Пьере уже не было ни слова, а были какие-то рассуждения об истории и о причинах исторических событий.

Темное знание этих строк вдруг всколыхнуло мою душу, и я почувствовал, смутно еще тогда – вот оно. Чтение настолько захватило меня, что привело в возбужденное состояние, какого я не испытывал даже при чтении любимых стихов.

И опять ко мне вернулось то удивительное чувство, которое я испытал при чтении эпизода ранения князя Андрея при Аустерлице: видение бездонного неба и невыразимое ощущение присутствия высшей силы, гораздо более могущественной, чем любой человек, и народ, и даже все человечество. Я не знал, как она называется, разум ли, бог ли, но чувствовал, что готов отдать всю жизнь для ее постижения. Может быть, эта часть эпилога не очень удалась его могучему таланту, а многие читатели, вообще, закрыли книгу, так и не добравшись до этих страниц, но я читал и перечитывал эти страницы по несколько раз.

Толстой от силы пару раз произнес это слова, но оно снова и снова непроизвольно возникало в моем сознании.

– Вот оно, то, что я давно искал, – думал я, – добираться до истинных причин, не скользить по поверхности событий, а научиться понимать самую их суть – короче, я буду заниматься философией.

Сразу после прочтения «Эпилога» я внес коррективы в план своего образования и уже к одиннадцатому классу настойчиво штудировал сочинения Маркса и Энгельса, которые тогда были единственными доступными мне первоисточниками.

– Вот она, высшая мудрость! – пело у меня в душе, когда я читал литые, чеканные строки «Манифеста».

Сгоряча схватился за Маркса, но быстро осекся, так и не осилив «Критику гегелевской философии права».

«Ничего, – подумал я,– наверное, здесь спрятан особый смысл, если его так трудно понять. Образуюсь немного – тогда и пойму».

Зато Энгельс был отчетливо понятен. Выходило, что законы истории уже открыты, и они укладываются в формулировку о смене общественно-исторических формаций.

Я снова возвращаюсь к «Эпилогу». Тогда могло показаться, что вопросы в романе задает не очень знающий человек, да и терминология у него явно хромает. Но вот сейчас я просматриваю в интернете книги современных авторов по истории философии и нахожу в мыслях Толстого гораздо больше параллелей с современным пониманием проблем исторического развития, нежели это могло показаться раньше.

Шемякин и другие

Вспоминаю мою первую осень в новой школе. В тот год еще до того, как выпал снег, с моря задул пронзительный ветер и ударил мороз. По пути в школу я опустил уши на своей кожаной шапке-ушанке и то и дело отворачивался от сильных порывов ледяного воздуха. В классе было жутко холодно, и нам разрешили не снимать верхней одежды. Все ребята приходили с красными носами и щеками.

А два друга: Шема и Емеля, щеголявших в стильных кепочках, пришли с отмороженными, огромными красными ушами. Потом уши у них прямо на глазах завяли и обвисли, как мокрые тряпочки, и их отправили домой.

Больше всех среди относящихся ко мне с неприкрытой враждебностью я опасался Шемякина. Он был дерзок, жесток и безраздельно верховодил буйным классом. Однако он ничем не проявлял своего отношения ко мне, а после происшествий в девятом, я неожиданно очутился в одном с ним лагере.

У Шемякина умер отец, и он был вынужден работать и продолжать учебу в вечерней школе. Но в нашем классе учился его лучший друг – Витя Емельяненко, и, когда он заходил к нам, все продолжали считать его своим.

Когда у меня появилась весельная лодка, мы несколько раз ходили в походы с ночевкой по Днепру. Четвертым у нас был Миша Нековальский – удивительно сильный и добродушный парень. Однажды он на ровном месте умудрился сломать мне весло, так что весь обратный путь оставшимся веслом греб я, а ему пришлось против течения загребать на корме доской.

Здесь Шемякин уже и не думал командовать, по вечерам пел под гитару грустно-смешные песни, и даже не сопротивлялся, когда я настаивал на том, чтобы перед отплытием мы каждый раз приводили в порядок очередной островок.

Я расту

В конце лета, как раз накануне учебного года мы получили квартиру на Спецстрое.

Новый дом был чудесный, из белого кирпича, пятиэтажный, а еще лучше была наша трехкомнатная квартира – распашонка на третьем этаже.

Как удивительно было иметь собственную комнату с видом на море, в которой и было всего-то мебели: старая кровать с растянутыми от времени пружинами, тумбочка с моими книжками и старый письменный стол.

А еще в квартире был туалет и ванная комната с титаном, который можно было нагревать дровами и принимать душ или ванную в любое время, а не ходить в городскую баню по субботам.

Письменный стол я поставил у окна. Стоило мне оторваться от книги, бросить взгляд в окно, и я в любое мгновение мог видеть море. Оно согревало мне душу, даже если я не думал о рыбалке, а просто смотрел на этот тихий голубой простор.

Так продолжалось целых два года.

А потом я поступил в институт, и в моей комнате поселилась сестра, и я еще несколько лет не смотрел в окно этой комнаты.

А когда я однажды все-таки посмотрел в это окно, то моря я больше не увидел. Выросшие за это время сосны напрочь заслонили этот так притягивающий меня когда-то вид.

С началом нового учебного года я узнал другую новость: из трех девятых выпускных классов образовали два десятых, так что, придя в школу, я увидел в бывшем нашем «Б» много почти новых лиц ребят и девчонок, которые учились раньше в «А» или «В».

Ко мне за парту, которую почти полгода занимал я один, подсел невысокий паренек с большими карими глазами, который скоро стал моим другом – Коля Семин. Я уступил ему место у окна.

Еще одним интересным новичком был для меня Сергей Бахусев. Он учился и раньше в нашей школе, но я его не помнил, потому что год или два он провел в Киеве в интернате с математическим уклоном.

Тогда еще было не принято называть "для одаренных детей". По какой причине он вернулся к родителям? Я слышал, что интернат не давал никаких преимуществ для поступления в институт.

Помню, я уже тогда был впечатлен его практической сметкой, потому что сам я и не заглядывал так далеко в свое будущее.

Посреди учебного года в классе появилась еще одна девушка – Наташа Глазкина.

Ее отца перевели в наш город из далекого Омска и сейчас же дали квартиру. Лично мне она не понравилась совсем: маленькая пышечка с длинным носиком, в очках, и забавным прищепетыванием. Но сейчас же оказалось, что у нее появилось сразу два рыцаря: счастливый – Сережа Бахусев и несчастный – Коля Семин.

На Спецстрое жили многие мои одноклассники и ребята из параллельного класса, поэтому я в любой момент мог зайти, скажем к Коле Семину, жившему на улице Богуна, или Сергею Бахусеву, чей дом находился напротив моего.

Наш дом был самый новый и за ним вообще ничего не было.

То есть, не было других домов, а было почти бескрайнее поле подсолнухов, которое тянулось вдоль кромки высокого берега моря, заросшего деревьями белой акации далеко-далеко, до глубокого оврага, за которым через несколько лет сделают пристань для моторных и парусных лодок.

Это поле я запомнил цветущим, с большими желтыми головками, поворачивающимися за солнцем, и как ни стараюсь, не могу припомнить его другим, ни с уже поспевшими черными головками, ни, тем более, в голой стерне.

Я довольно долго был почти самым маленьким среди ребят в классе. И когда жил в Мукачево, и когда мы переехали на Днепр.

Сказать по правде, этот факт меня не очень волновал, но все-таки было не очень приятно чувствовать пренебрежительное отношение к себе одноклассниц, которые, уже не скрываясь, крутили романы с ребятами на класс, а то и на два старше.

Девушки и выглядели значительно старше нас. У них и фигуры были почти женские, по крайней мере, у некоторых из них.

А ребята значительно отставали и в росте, и в физическом развитии. Но после восьмого, а особенно после девятого класса мальчишки вдруг сразу пустились в рост, как грибы после дождя, как будто их, действительно, кто-то окропил сверху святой водицей.

Особенно это было заметно после летних каникул, когда через три месяца разлуки мы встречались в нашем «ботаническом» классе.

После восьмого класса я тоже подрос, но не так чтобы очень, просто не отстал от других. Зато после девятого я прибавил значительно.

Видно, сказались дни, проведенные на весельной лодке, когда я, подчас не разгибаясь, греб по много часов кряду. Я не только вырос, но и раздался в плечах, а на ладонях у меня еще долго не сходили твердые фасолинки мозолей.

Именно эти мозоли, а не кокетливые взгляды девушек значили больше для моей самооценки.

Теперь я уже мог смотреть на своих одноклассниц сверху вниз, потому что стал выше любой из них. И это было довольно приятное и еще непривычное состояние.

Но ни это обстоятельство, ни переезд на Спецстрой в новую квартиру, ни новые мои одноклассники не могли по-настоящему отвлечь меня от той задачи, которую я поставил перед собой уже пару лет назад и всеми силами стремился ее исполнять.

Я потихоньку привыкал к той телесной оболочке, которая досталась мне по наследству от отца с матерью, но к которой я тоже приложил свои усилия многолетними физическими занятиями.

Я получился среднего роста, тонкокостный, с сухими, поджарыми ногами, впалым животом и хорошо развитым торсом. Таким мне предстояло пробыть еще лет сорок.

Наверное, вместе с физиологическими изменениями, произошло и изменение психики, для меня самого незаметное.

Мне кажется, я стал менее стеснительным и уже почти не испытывал затруднений в общении с незнакомыми людьми, особенно с девушками.

А скоро мы стали самыми старшими в школе, несмотря на то, что кроме наших одиннадцатых были еще и десятые классы. Кроме того, оказалось, что почти всю учебную программу мы успели пройти за первое полугодие. Только по физике и математике были уроки почти по институтской программе, а все остальные предметы мы просто повторяли.

Ляся

В начале учебного года в классе на задней парте среднего ряда появились две похожие друг на друга девочки с хвостиками. В одну из них я влюбился, но не сразу, а как-то постепенно. Помню, на уроке физкультуры мы играли в волейбол, разделившись на две смешанные команды – мальчики с девочками. Она была в другой команде, и неплохо играла. А я играл так себе: то совсем никуда, то проходили неожиданно лихие удары. В ту игру мне удался сильный удар, мяч перелетел через сетку и попал ей в лицо.

Очки полетели в сторону, и я увидел ее лицо, такое беззащитное без привычных стеклышек, что мне стало ее ужасно жаль.

Вот тогда я и понял, что влюбился. Нельзя сказать, что она была красива: нос – пипочкой, светлые конопушки, и очки с позолотой. Звали ее Ляся Шишкина. Вернее, ее звали Лариса, но еще в детстве она стала называть себя Ляся. Такого имени я больше никогда не встречал.

Она была смешлива, но не по-глупому – училась она хорошо и закончила школу с золотой медалью – а от переполнявшей все ее еще девчоночье существо радости жизни и какого-то веселого задора. Ляся казалась мне очень естественной своей еще не сформировавшейся тоненькой фигуркой, легкой и подвижной рядом с некоторыми нашими одноклассницами, уже по-женски развитыми, и от этого казавшимися мне тяжеловесными и неуклюжими.

По своему обыкновению, я робел перед ней, и ни за что бы не признался, что испытываю какие-то особые чувства, кроме дружеской симпатии. Так, раздираемый внутренними противоречиями, я прожил еще один год.

Когда мы получили квартиру на Спецстрое, я мог торжествовать вдвойне. Мало того, что здесь жили все мои теперешние приятели, но и совсем рядом находился ее дом. Я даже мог видеть ее окна, не выходя из своей квартиры, стоило только зайти в комнату сестры и отодвинуть занавеску. Но нет, этого мне было мало. И я устремлялся на улицу и в темноте маячил перед ее окном, дожидаясь, чтобы мелькнул в нем заветный силуэт.

У меня до сих пор сладко замирает сердце, когда я вспоминаю ее тоненькую фигурку за окном и серебристый блеск листьев пирамидальных тополей, и теплый ветер, и гудки далеких пароходов на штормящем море. Я уходил, когда гасло ее окно.

Потом еще бродил допоздна по затихшим улицам, забирался в парк и слышал первого в своей жизни соловья. Для того чтобы удостовериться, что это, действительно, был соловей, я еще засветло подкрался к поющей птичке почти вплотную и увидел ее, невзрачную, коричневатую сидевшую на ветке слегка сторбившись, но издававшую удивительно громкие красивые трели.

И тогда я решился. Я пригласил Лясю на свидание. И мы вместе слушали, как поет соловей. И ... ничего не произошло. Наверное, я был очень неуклюжий ухажер. Больше того, и свиданий больше у нас не получалось, и девушка, относившаяся ко мне если не с приязнью, то во всяком случае без предубеждения, начала вдруг сторониться меня.

Так продолжалось довольно долго. Мы окончили десятый класс и перешли в одиннадцатый. Мы бывали в общих компаниях и даже отправились однажды в двухдневный поход на моей лодке, но я постоянно чувствовал холодок в ее взгляде, и мне очень хотелось его растопить.

К тому времени мы уже довольно сильно изменились, даже чисто внешне, но мне по-прежнему хотелось добиться ее расположения.

И тогда я написал стишок, совсем не похожий на мои прежние опыты в этом жанре. Больше того, в отличие от безвестной судьбы своих прежних опусов, я показал его девушке.

И у меня получилось. Наладились с ней теплые, доверительные отношения, как ни с одной девушкой из моего бывшего класса.

В конце апреля 1967 года я первый раз летел на самолете. Наш Ту-104 легко взмыл в серое туманное небо. Когда он накренился, делая поворот, я увидел через крыло отсыревшую землю с грязными клочками снега по оврагам, темный лесок, и вот все уже исчезло в белых облаках тумана.

В киевском аэропорту «Борисполь», пахнувшем на меня мокрым от недавнего дождя теплом, я сел в маршрутный автобус и с удивлением наблюдал проносящиеся мимо совсем полетному зеленые рощи и высокую траву по обочинам.

В институтском общежитии я встретился с Лясей, оставил сумку и совсем не нужные теплые вещи, и мы отправились бродить по чудесным улочкам Киева.

Мы гуляли по Крещатику и любовались знаменитыми, начинающими расцветать каштанами. В сквере перед памятником Богдану Хмельницкому синели высаженные к предстоящим праздникам гиацинты, и их густой и пряный аромат буквально пропитывал воздух.

Мы не целовались и не держались за руки, но мы были близки тем далеким теплым вечерам, как никогда больше. Но это была уже не та тоненькая девчушка-хохотушка, а взрослая девушка, скорее даже печальная, чем веселая.

А наутро мы сидели, озябшие, в крылатом корабле, уносящем нас почти со скоростью самолета в наш городок, который мы покинули еще меньше года назад, и чем ближе мы к нему приближались, тем больше внутренне отдалялись друг от друга.

Майские праздники мы проводили в разных компаниях и уже больше не видели друг друга в те короткие каникулы.

Но уже в конце мая, на редкость жаркого мая нашей весны, я писал ей, с таким ощущением, как будто мы виделись только вчера:

Знаешь, Ляська, у нас расцветают розы.

С высоты моего пятого:

Вдоль дорожек на зеленом фоне

Красные и желтые пятна.

Потом она приезжала ко мне в общежитие в Подмоскowie на 7 Ноября, и мы гуляли вчетвером с ее подругой и Колей Семиным по праздничной Москве.

А однажды, встретившись на очередных каникулах в Светловодске, даже поцеловались, стоя у Обелиска – памятника, который закладывали еще во время нашей учебы в школе. Я чувствовал ее мягкие податливые губы и солоноватые беззвучные слезы, но мы понимали, что то волшебное и необъяснимое прошлое, которое было между нами, уже не вернуть.

И мы еще много раз встречались и расставались, и с каждым разом расстояние между нами все увеличивалось, пока однажды не разошлись уже навсегда.

1966 год

Основной целью моей поездки в Москву во время последних зимних каникул было посещение философского факультета МГУ. Он был расположен тогда на Моховой улице в старых, давно требующих ремонта этажах, с разошедшимися скрипучими деревянными лестницами.

Чуда не произошло, и мне лишний раз подтвердили, что выпускников школ здесь не принимают. Необходим двухгодичный рабочий стаж или служба в армии.

По возвращении домой я брякнул родителям, что после школы пойду в армию. Они, конечно, были ошарашены.

– Как? Стоило ради этого учиться почти на отлично 11 лет?

Они еще не знали, что я, действительно, получу золотую медаль.

– Нет, – говорили они наперебой, – выбери, пожалуйста, хоть какой-нибудь институт.

– Какой-нибудь? Хорошо! Я буду поступать в ... Лесной институт. А что? Ведь ты, папа, мечтал стать лесником, а я чем хуже? Я тоже люблю природу. Кроме того, я проучусь там только три курса, а затем снова буду поступать на философский.

– Хорошо, хорошо, – согласились мои «демократичнейшие» родители (хотя, тогда и слова такого еще не знали).

Отец проявил завидную оперативность и отыскал парня, который учился заочно на одном из факультетов Лесотехнического института.

Он притащил его к нам, и тот рассказал немного об институте. В заключение он заявил, что, по его мнению, лучшим в институте является факультет, который был создан по настоянию самого Королева, головное КБ которого расположено совсем неподалеку.

И тут я сдался. Так велик был тогда у нас в провинции героический ореол вокруг покорителей космоса, что я решил подавать документы именно на этот факультет, несмотря на утверждение парня, что на «королевский» факультет конкурс был самый большой.

После того, как я определился с вопросом поступления в институт, я почувствовал огромное облегчение и с гораздо большим оптимизмом стал глядеть на окружающий мир.

В конце зимы нам должны были выдавать приписные свидетельства, так что все ребята, не поступившие в институт, наверняка подлежали призыву в армию.

Городской военком, чувствуя себя хозяином положения, объявил, что на комиссию следует явиться со стрижкой под «ноль» или с самыми короткими волосами. Что означало это «с самыми короткими» мы не знали, и поэтому решили действовать наверняка.

В соседнем одиннадцатом у здоровенного и дурашливого парня по прозвищу «Петя Кантропов» (от питекантропа) оказалась машинка для стрижки волос, и он, по цене, так сказать, чисто символической – бутылка вина «Лидия» за две стриженные наши с Колей Семиным головы – обещал нас обслужить в лучшем виде.

Для начала он продемонстрировал свою стриженую голову, затем мы выпили для храбрости и за удачу. Технология стрижки была простая: между головой допризывника и машинкой

помещалась толстая деревянная расческа, в результате чего волосы состригались не наголо, а оставалась короткая, как бы двухнедельная щетина.

Первая очередь была моя.

В зеркало смотреться мне не давали, и о результатах экзекуции я некоторое время мог судить только по ругательствам Пети, вспоминая всех моих предков, наградивших меня редкой формы четырехугольной головой, и дикому хохоту Кольки.

Наконец, с меня сдернули простыню, я глянул в зеркало и обмер: на меня вытаращенными глазами смотрела голова дегенерата, явно переболевшего оспой, потому что волосы на ней росли клочками, чередующимися с позорными белесыми проплешинами.

Мы с большим трудом уговорили Колю не сбежать от ожидавшего его изувера. Возвращались домой, нахлобучив поглубже шапки, ставшие вдруг непомерно большими. С порога я снял шапку и, насладившись произведенным впечатлением, произнес заранее приготовленную фазу:

– Во всяком случае, я всегда могу пойти в парикмахерскую и постричься наголо.

С ножницами в руке мама потащила меня в ванную, но за один раз исправить все огрехи не удалось.

Еще с неделю с возгласом:

– Ой, не могу! – она отхватывала у меня какой-нибудь лишний клочок волос.

Зато в школе мы купались в волнах успеха.

Ведь по нашим головам издали было видно, что идут взрослые люди.

Заметно осмелев, я решился на еще одну авантюру.

Мне с осени нравилась девочка, которая была намного младше меня и училась в параллельном с сестренкой классе.

Я увидел ее на школьной линейке, высокую, в белом матросском костюмчике с удивительно синими глазами за мохнатыми ресницами и понял, что пропал.

Но как мне было с ней познакомиться, мне, почти уже взрослому человеку?

Подойти к ней и сказать:

– Здравствуй, Танечка, ты мне нравишься!

Нет, это было исключено.

Мне помог случай.

Я долго не вступал в комсомол.

То отсутствовал на олимпиадах, то просто отлынивал.

Когда, по настоянию моего друга Коли Семина, который был секретарем комитета школы, меня, наконец, приняли, то в качестве первого поручения предложили взять шефство над одним из младших классов.

Ко всеобщему удивлению, я согласился и выбрал, разумеется, класс, в котором училась Корнилова Таня.

Из поступков в рамках моего шефства я помню два.

К празднику 8 марта, подбирая для девочек подшефного класса подарочные книги, я выбрал для Тани томик поэта Ильи Сельвинского с удивительно проникновенными стихотворениями, посвященными женщине.

Я запомнил только одно двустишие, продолжение которого я с трудом нашел в интернете: «Где-то на пределе красоты женщина становится цветком или птицей ...».

Я не удержался и вложил в книгу листочки с моими комментариями к наиболее понравившимся мне стихотворениям.

А еще я собрал подшефный класс в воскресенье, накануне 8 марта и повел ребят в ближайшую рошу на плавнях за подснежниками.

Случайно или нет, но мы с Таней остались наедине, и я мог свободно с ней разговаривать. Но, странное дело, я, который к тому времени, как мне казалось, мог свободно рассуждать на

любые темы, не мог перед этой девочкой и двух слов связать. Как будто у меня язык прилип к гортани. Словом, проявил себя с самой наихудшей стороны. Проводив девочку до самого дома, и, не увидев в ее глазах и тени симпатии, я готов был впасть в отчаяние.

Меня выручила олимпиада, вернее две областные олимпиады: по физике и математике, которые продолжались довольно долго.

От выпускных классов нашего города поехали только Сергей Бахусев и я.

Вначале апреля, вернувшись из очередной областной олимпиады из Кировограда, я погрузился в странный водоворот событий, ход которых все ускорялся и происходил как будто совершенно независимо от моей воли.

Складывалось впечатление, будто все, что не успело случиться за мою школьную жизнь, обязательно должно было успеть произойти именно сейчас, и поэтому все менялось с калейдоскопической быстротой.

А в мае мною овладело какое-то необычное отупение, и все вокруг сделалось глубоко безразличным. Я даже в школу перестал ходить. Это происходило со мной впервые в жизни. Встречаясь с кем-нибудь из приятелей на знакомой тропинке, идущей вдоль крутого склона над морем, я не сворачивал, как обычно, в школьную калитку, а, не доходя метров сто до забора с приятелем, а чаще один, заваливался в заросли пряной травы и тупо смотрел в бездонно-синее небо.

Нет, я нисколько не страдал, ничто меня не беспокоило. Но я почти физически чувствовал, как беспомощно слабеют и рвутся бесчисленные нити, связывающие меня с такой привычной школьной жизнью, и, вообще, со всей здешней жизнью.

Устав валяться, я садился и начинал смотреть на синюю гладь моря, ставшую такой привычной за школьные годы. Вот стремительно проносится крылатая «Ракета», а вот тянется на север вереница барж, ведомая деловито пыхтящим буксиром. На верхних палубах барж стоят сотни укрытых тканью корзин с урожаем южной клубники, аромат которой доплывает даже сюда. И над всей этой буколической идиллией плывет разухабистая мелодия из динамика на пристани:

– Ей, ей, ей, хали-гали!

Мои прогулы закончились вызовом отца к учителю химии. Это выглядело забавно в связи с тем, что, по крайней мере, в плане учебы мы почти поменялись ролями. И отец, и мама оканчивали одиннадцатый класс почти одновременно со мной, только в вечерней школе, даже некоторые учителя были у нас общие. Я добросовестно старался помогать своим родителям, решал за них задачки и подсказывал на экзаменах.

Отец вернулся из моей школы весьма озадаченным:

– Понимаешь, химик сердит на тебя за то, что ты перестал ходить на его уроки. Грозит поставить тебе тройку в четверти, и тогда не видать тебе золотой медали!

Вот это был номер! До этого дня мне и в голову не приходило, что я могу окончить школу с медалью. Уроков я больше не пропускал, и претензии ко мне отпали сами собой.

И еще один эпизод из этого странного месяца мая сохранился у меня в памяти.

Экскурсия в Крюков, на вагоноремонтный завод. Крюков – это промышленный район Кременчуга, расположенный в отличие от остальной, исторической части города на другом берегу Днепра. Днепр в черте города сохранился в своем первоначальном облике, в то время, как выше по течению он был перегорожен дамбой и превратился в Кременчугское водохранилище, а ниже, почти сразу за мостом, течение реки замедлялось и начиналось Днепродзержинское водохранилище.

На экскурсию нас, 11-е «А» и «Б» привезли на двух автобусах и точно так же должны были доставить обратно. Вообще-то продолжалась она не долго. Мы посмотрели на старые почти развалившиеся вагоны, которые стояли под открытым небом на запасных путях. Затем на пару вагонов в крытом ангаре, облепленных рабочими, каждый из которых выполнял какую-

то свою операцию. И, в заключение, нас подвели к новенькому, сверкающему свежими красками пассажирскому вагону, на который тут же захотелось сесть и уехать куда-нибудь далеко-далеко.

Все это продолжалось от силы часа полтора. А когда мы вышли на площадку перед проходной, с которой мы начинали свою экскурсию, выяснилось, что с автобусами произошла нестыковка, и они приедут еще, как минимум, часа через три. Это было совсем не предвиденное обстоятельство. Уехать общественным транспортом мы тоже не могли, потому что у большинства из нас просто не было денег. Оставалось одно – ждать. Но что было делать в незнакомом городе без гроша в кармане, да еще под начинающим припекать почти летним солнышком?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.